ЦѢНА ВО ФРАНЦІИ 3 ФРАНКА

Покупкой этого номера — вы уплачиваете часть Вашего долга передъ Россіей.

Въ другихъ странахъ — въ мѣстной валютѣ по курсу.

НА ПОМОЩЬ ИНВАЛИДАМЪ НОСИТЕЛЯМЪ РОССІЙСКОЙ ЧЕСТИ!

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ

ИНВАЛИДЫ ВСѢХЪ ОБЪЕДИНЯЮТЪ НЕУМИРАЮЩИМЪ ПРИЗЫВОМЪ -- „ЗА РОССІЮ!“

ГАЗЕТА ВОЕННАЯ
1813-1917 Г.
въ Санктъ - Петербургѣ.

ОДНОДНЕВНЫЙ ВЫПУСКЪ № 3.
9-22 МАЯ 1927 Г.
въ Парижѣ.

Складъ изданія : 23, RUE FOURCROY, PARIS (XVII).

ГЛАВНАГО КОМИТЕТА ЗАРУБЕЖНАГО СОЮЗА РУССКИХЪ ВОЕННЫХЪ ИНВАЛИДОВЪ.

Редакціонная коллегія : Г. В. ГЛИНКА, Б. К. ЗАЙЦЕВЪ, АЛЕКСАНДРЪ ФИЛИППОВЪ и И. С. ШМЕЛЕВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Воззванія Митрополитовъ **Евлогія** и **Антонія.**
Амфитеатровъ, А. — Листки.
Аллановъ, М. — Смерть кн. Мещерскаго.
Баратовъ, Н. — Второй День Русскаго Инвалида.
Гулевичъ, А. — Освободительная Война.
Деникинъ, А. — Этапы.
Зайцевъ, Б. — На войну.
Кн. Касаткинъ-Ростовскій, Ѳ. — Въ дни весны.
Красновъ, П. — Инвалиды въ Россіи.
Купринъ, А. — Демиръ-Кая.
Ладыженскій, Вл. — Копилка.
Немировичъ-Данченко, Вас. — Старый инвалидъ.
Осоргинъ, М. — Визитъ.
Парчевскій К. — Тѣни.
Первухинъ, М. — Волчекъ.
Поповъ, К. — Боевое крещеніе.
Струве, П. — Наши чувства и нашъ долгъ.
Тэффи. — Летчикъ.
Кн. Трубецкой, Н. — Дѣло эскадр. Е. В. Ниж. драг. полка.
Филипповъ, А. — Томъ Большой и Васька Малый.
Фохтъ, В. — Разрушенная легенда.
Черный, А. — Изъ цикла «Война».
Шмелевъ, И. — Проволы.
Яблоновскій, А. — Эмигрантское косноязычіе.

ВОЗЗВАНІЯ

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ИНВАЛИДОВЪ !

Дорогіе братья соотечественники !

Снова напоминаю вамъ о нашихъ инвалидахъ, снова прошу протянуть имъ братскую руку помощи. Не сѣтуйте на эти повторныя напоминанія. Нужда инвалидная тѣмъ и горька особенно, что она длительная, хроническая, постоянная; а то, что долго длится, о чемъ часто слышимъ, къ тому мы привыкаемъ, о томъ даже забываемъ... Но отъ этого, конечно, не легче тѣмъ, у кого старыя раны и увѣчья мучительно даютъ себя чувствовать и лишаютъ возможности заработать кусокъ насущнаго хлѣба и кто безсильно и безпомощно бьется въ тискахъ голода и холода. Вѣдь къ этому привыкнуть нельзя..

Пусть же у насъ не атрофируется, не притупляется христіанское чувство братскаго сострадація къ увѣчнымъ, израненнымъ больнымъ защитникамъ Родины. Пусть не оскудѣетъ рука помогающаго нашимъ доблестнымъ страдальцамъ - инвалидамъ.

Да благословитъ Господь всякую лепту на это святое христіанское и національное дѣло.

Митрополитъ **ЕВЛОГІЙ.**

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ИНВАЛИДОВЪ !

Апостолъ Павелъ, объясняя нѣкоторые недоумѣнные вопросы христіанъ, заключаетъ свое объясненіе такъ: «прочіе труды да никто же мнѣ творитъ. Азъ бо язви Іисуса Христа Господа на тѣлѣ моемъ ношу» (Галат. 6, 17). Такъ Апостолъ удостовѣряетъ значеніе своего авторитета ссылкой на то, что онъ на тѣлѣ своемъ носитъ раны за проповѣдь Христовой вѣры.

Русскіе воины не занимались устною проповѣдью святой вѣры, но подвизались именно за Вѣру, Царя и Отечество. [illegible]

[illegible] страдальцевъ, кото**рые не только принуждены попущеніемъ Божіимъ быть калѣками за свое патріотическое геройство, но по этой же причинѣ лишаются возможности зарабатывать хлѣбъ насущный наравнѣ со здоровыми бѣженцами Навѣрно демонъ искуситель нашептываетъ временами имъ такія рѣчи: «вотъ тебѣ награда за твой самоотверженный подвигъ! Страдай, голодай, мучься хроническими болѣзнями, оставайся лишеннымъ физической самозащиты, унижайся передъ людьми изъ за куска хлѣба, терпи унизительныя насмѣшки надъ своею бѣдностью и безсиліемъ, терпи упреки за то даже отъ неразумныхъ родныхъ и издѣвательства отъ недруговъ».**

Если въ такомъ положеніи были люди, совершенно чужіе для насъ то и тогда было бы грѣшно не протянуть имъ руку помощи; но знайте же, любезные соотечественники и всѣ православные христіане, что такъ страдаютъ наши дорогіе защитники, спасители нашего оточества. [illegible] Потеряйте за нихъ малый убы[illegible] увѣчья, нужду, нищету. Надѣюсь, что **такой убытокъ будетъ для жертвователей не болѣзненъ, но дастъ еще сладкое чувство умиленія и тогда мысль о страданіи инвалида не будетъ отягощать души нашей укоромъ, но побудитъ насъ и другихъ призвать къ пожертвованіямъ на героевъ - -страдальцевъ.**

Митрополитъ **АНТОНІЙ.**

Генеральнаго Штаба, Генералъ отъ Кавалеріи Н. Н. БАРАТОВЪ. Предсѣдатель Зарубежнаго Съѣзда Рус. Воен. Инв.

„2-ой День Русскаго Инвалида“

> **«Въ единеніи — наше спасеніе,**
> **«Въ расколѣ — наша гибель».**
> (Девизъ Зарубежнаго Союза
> Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ)

Нѣтъ выше радости, какъ отъ исполненнаго желанія. Справедливость этихъ положеній испыталъ на себѣ не только я, но, горячо вѣрю и знаю, что и всѣ 5.000 моихъ братьевъ по несчастью — Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ.

Когда въ минувшемъ году я задумалъ [illegible] Русскаго [illegible] русскаго [illegible] осуществ[illegible] [illegible] къ добро[illegible]ность русскихъ зарубежныхъ людей.

Внутренній голосъ сердца твердилъ мнѣ, что русскіе люди не могутъ не отозваться на призывъ о помощи, своимъ же роднымъ инвалидамъ.

Я вѣрилъ, что русскіе зарубежные люди сами видятъ, какъ во всѣхъ странахъ, обезпечена судьба ихъ защитниковъ во время войны — ихъ инвалидовъ, инвалидовъ - счастливцевъ; счастливцевъ потому, что у нихъ есть общая родная Мать, о нихъ думающая, о нихъ страдающая, и о нихъ заботящаяся — ихъ Родина. Потому всѣ здоровые русскіе люди, нашедшіе себѣ кровъ, безопасность и свободу труда, чтобы добывать себѣ кусокъ хлѣба, не могутъ оставаться безучастными къ судьбѣ своихъ родныхъ «несчастливцевъ» и страстотерпцевъ — русскихъ инвалидовъ, тѣхъ людей, которые всё отдали въ борьбѣ за честь и счастье Россіи и у которыхъ не осталось ничего: ни Родины, ни родного семейнаго очага, ни національной государственной власти ни организацій, ни общества, ни народа, который при нормальныхъ условіяхъ обезпечилъ бы ихъ безбѣдное существованіе.

И какъ же было велико мое счастье и счастье моихъ братьевъ Инвалидовъ, когда на мой призывъ отъ ихъ лица отозвалась рѣшительно вся, такъ сказать, Зарубежная Россія; всѣ органы нашей зарубежной печати, всѣ русскіе писатели, художники, музыканты, однимъ словомъ, — всѣ зарубежные русскіе люди, безъ различія пола, возраста, религіи, состояній и даже политическихъ направленій.

Конечный результатъ превзошелъ самыя смѣлыя наши ожиданія, — было собрано болѣе милліона сербскихъ динаръ и, главное, что всюду этотъ нашъ День — **День Русскаго Инвалида,** — превратился въ **День памяти великихъ жертвъ нашей, Русской, Арміи,** великихъ жертвъ, Россіи, принесенныхъ во имя и благо не **только Россіи, но всей Европы и даже всего міра.**

Идея братской помощи своимъ [illegible] лида[illegible], чтобы спасти ихъ отъ гибели на чужбинѣ и дать имъ желанную [illegible] счастливую возможность вернуться въ Россію и тамъ отдать послѣдніе [illegible] Ея возрожденіе къ новому величію, могуществу и славѣ, вызвала, благодаря Богу, всеобщій благородный порывъ несравненно прекраснаго русскаго сердца и души.

И нашъ «День Русскаго Инвалида» во всѣхъ странахъ, и, особенно ярко, въ самой отдаленной Америкѣ, превратился въ день Русскаго **національнаго** праздника.

Это, по словамъ газеты «Новое Русское Слово» (см. № 4866 прошл. года) былъ смотръ моральныхъ силъ русскихъ на чужбинѣ и онъ далъ результаты прекрасной организованности, могучей воли къ добру и трогательной отзывчивости.

Получился, такимъ образомъ, громадный результатъ **патріотическій**, а для самихъ инвалидовъ, громадный **моральный** подъемъ духа, ибо инвалиды увидѣли, что свои родные люди ихъ **не забыли,** о нихъ вспомнили, воздали дань ихъ великой жертвѣ, своей кровью и жизнью для блага Родины любимой и имъ помогли и... помогутъ еще.

Вотъ почему мы, русскіе военные инвалиды, безгранично и горячо отъ всей изстрадавшейся души и сердца, благодаримъ, прежде всего, Всевышняго, а затѣмъ рѣшительно всѣхъ зарубежныхъ русскихъ людей и всю Зарубежную Русь.

Въ настоящемъ году, въ тотъ же самый день нашего святого небеснаго Покровителя и молитвеннаго Святителя Николая Чудотворца 9 (22) мая, во всѣхъ странахъ, устраивается уже «Второй День Русскаго Инвалида»

И мы снова горячо и всѣмъ сердцемъ надѣемся, что **вся Зарубежная Россія, — объемлющая собою нынѣ весь міръ,** въ лицѣ русскихъ людей, живущихъ во всѣхъ странахъ и вызывающихъ всюду своею трудоспособностью и своею приспособляемостью къ любой мѣстной обстановкѣ и, главное, силою своего несокрушимаго духа въ изгнаніи, всеобщее уваженіе, — **горячо и единодушно отзовется и на нашъ второй призывъ,** отъ лица всѣхъ 5.000 доблестныхъ страдальцевъ, разбросанныхъ по всѣмъ странамъ міра:

— «ВСѢ НА ИНВАЛИДНЫЙ ФРОНТЪ! **Для спасенія инвалидовъ отъ гибели на чужбинѣ !»**

Придите къ намъ всѣ **православные церковные приходы,** со своими духовными пастырями, съ силой ихъ духовной проповѣди и прихожанами съ ихъ посильными лептами и займите на нашемъ фронтѣ, подобающій Церкви, почетный участокъ — **Церковный.**

Придите всѣ вы, наши родные братья по оружію, **русскіе воины** нашей героической Арміи, вынужденной промѣнять на время свои пушки, винтовки и шашки на лопаты, топоры и ломы, со своихъ фабрикъ, заводовъ, угольныхъ шахтъ, всякихъ дорогъ, дневныхъ и ночныхъ гаражей и стоянокъ и займите свой участокъ — **армейскій.**

Придите и вы, **братья - казаки,** ибо среди насъ такъ много вашихъ родныхъ братьевъ - казаковъ. Вы такъ хорошо сорганизовались по своимъ традиціоннымъ станицамъ и хуторамъ съ выборными атаманами. И какихъ только нѣтъ у васъ теперь станицъ и хуторовъ?! И французскіе, и болгарскіе, и германскіе, и чехословацкіе, и греческіе, и турецкіе, и польскіе, и финляндскіе и пр., и проч. Придите всѣ вы, доблестные станичники, и займите на нашемъ инвалидномъ фронтѣ свой особый участокъ — **казачій.**

И къ вамъ, нашимъ братьямъ по оружію, **морякамъ** нашъ призывъ — безъ флота не полна военная сила Государства. Безъ вашего морского участія не полонъ будетъ и нашъ Инвалидный фронтъ, тѣмъ болѣе, что среди нашихъ инвалидовъ есть не мало и вашихъ братьевъ моряковъ.

Придите и вы, славныя **русскія женщины, настоящія героини нашего времени, такъ блистательно на глазахъ всего міра** доказавшія всю силу и красоту своего непоколебимаго духа, всю **безграничную стойкость въ тяжеломъ трудѣ, всю** изобрѣтательность своего ума, творчество въ работѣ и жизни и, главное, обаятельную, несравненную прелесть вашей русской женской души и отзывчивость вашего сердца.

Вы проявили торчество въ русскомъ прикладномъ искусствѣ къ жизни, вы создали всевозможныя мастерскія и даже цѣлыя предпріятія во всѣхъ странахъ и даже въ самой столицѣ міра и Европы — Парижѣ, въ которыхъ такъ ярко проявляется русскій вкусъ и художественная красота.

Русская женщина, во всѣхъ войнахъ стремилась попасть на театръ военныхъ дѣйствій, а, попавъ туда, рвалась попасть какъ можно ближе къ фронту, къ полю боя, пренебрегая совершенно опасностью для жизни, повинуясь лишь голосу сердца, — чтобы перевязать, накормить, напоить и вынести раненаго, утѣшить больного и закрыть любовной рукой глаза умирающему...

Вы почти всюду при нашихъ храмахъ организовали сестричества для служенія **въ храмахъ и для помощи больнымъ и бѣднымъ прихожанамъ.**

Всего Вами созданнаго и не перечесть. Откройте Ваши чуткія сердца для работы и на нашемъ инвалидномъ фронтѣ и придите къ намъ — вы увидите, какой боевой участокъ приготовленъ для Васъ, — прекрасныхъ русскихъ женщинъ.

Вы, наши писатели, ученые, художники, поэты, артисты, пѣвцы и музыканты — наша гордость. Благодаря Вамъ, мы пришли на чужбину **не нищими съ протянутой рукой, а съ богатымъ запасомъ** духовныхъ сокровищъ и силъ. Это вы принесли драгоцѣнный даръ — наше русское искусство; это черезъ Ваши таланты русское искусство озаряетъ весь міръ и наше русское имя, и наполняетъ сердца гордостью, что мы — русскіе!

На нашемъ инвалидномъ фронтѣ мы не можемъ ограничить Васъ, **какимъ либо участкомъ, ибо таланту нуженъ просторъ неограниченный. Такъ вы и витайте надъ нами тамъ, откуда льется свѣтъ вдохновенія, освѣщающій жизнь и дающій** міру **тепло и радость!**

Вы, практическіе дѣятели, создатели жизни, — представители торговли, промышленности и финансовые дѣятели, — **къ Вамъ обращаемся мы съ призывомъ. Помогите и намъ принять участіе въ строительствѣ жизни! Помогите намъ не** быть балластомъ въ экономической жизни, а соработниками въ мѣру нашихъ силъ и возможностей.

Придите на нашъ инвалидный фронтъ, и образуйте на немъ свой **торгово - промышленный и финансовый** участокъ.

И вы, представители могущественной [illegible]у боевому значенію воен[illegible] [illegible]ци не мыслима вообще, такъ и на нашемъ инвалидномъ фронтѣ, мы оставаться безъ Васъ не можемъ и потому отводимъ Вашей техникѣ особый участокъ.

Вамъ, **нашей молодежи, студентамъ, юношеству, учащимся и дѣтямъ,** идущимъ намъ на смѣну, Вамъ принадлежитъ будущее Россіи и на Васъ ляжетъ забота о тѣхъ, кто долженъ быть для Васъ живымъ примѣромъ, беззавѣтной и жертвенной любви къ нашей Великой Родинѣ и святого исполненія своего долга передъ Нею. Пусть Вы юны, пусть Вы еще не окрѣпли силами, но Вашъ участокъ самый важный, по своему значенію на нашемъ фронтѣ: вы его **стратегическій** ключъ.

Прислушайтесь же вы всѣ, Родные Зарубежники, къ голосу нашихъ писателей земли Русской, которые Вамъ пламенно говорятъ:

— «Мы призываемъ всѣхъ Россійскихъ гражданъ за рубежомъ придти на помощь нашимъ инвалидамъ. Пусть всѣ помнятъ: — **на помощь инвалидамъ, носителямъ Россійской чести!».**

А мы, инвалиды, со своей стороны, сливаемся воедино съ тѣми же нашими писателями въ ихъ призывѣ: «Пусть этотъ порывъ станетъ отнынѣ **залогомъ единенія и братства,** — духовной силой безъ чего нельзя. **Пусть наши инвалиды станутъ для насъ всѣхъ живою связью и неумирающимъ призывомъ — за Россію!»**

Родные Зарубежники! Вспомните о вашихъ братьяхъ инвалидахъ, въ день памяти великихъ жертвъ Россіи, ея Арміи и Народа, привлеките также къ этому отданію **долга чести** и всѣхъ своихъ родныхъ, друзей и знакомыхъ **изъ иностранцевъ,** ибо нѣтъ выше подвига, нѣтъ большей жертвы, какъ положить душу свою за други своя, а наши инвалиды, безспорно, имѣютъ и **нравственное право на всеобщее** сочувствіе и помощь со стороны всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ **и это ихъ право покоится на крови, пролитой ими за благо и цивилизацію всего міра.**

Вамъ же, родные братья - инвалиды, я, какъ всегда, скажу и сегодня про нашъ Зарубежный Союзъ:

— **Крѣпко держитесь нашей единой семьей инвалидной,** ибо, по вѣщимъ словамъ поэта А. Котомкина, намъ, посвященнымъ:

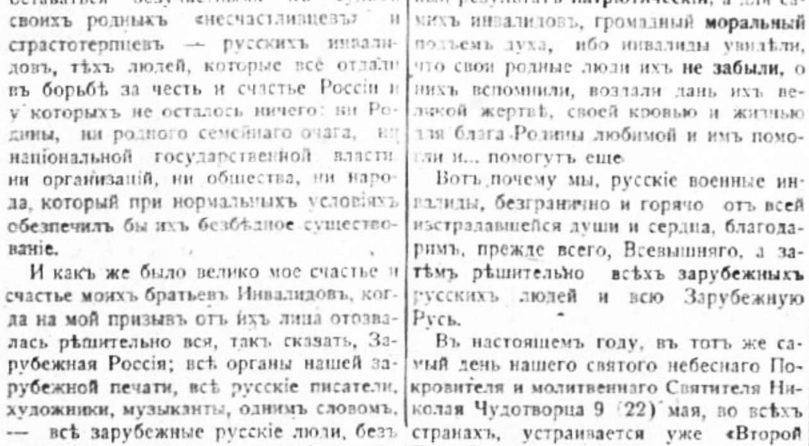
«Годы изгнанья минуютъ кошмарные,

Сгинутъ на Родинѣ дни многострадные.
Приметъ Она васъ въ объятья свои».

А, вернувшись на Родину Вы тамъ:

«Раны глубокія дѣтямъ покажете,
И передъ Богомъ ихъ клятвою свяжете:
— **«Жизни сильнѣе Россію любить!..»**

Н. БАРАТОВЪ.



Первый Всезаграничный Делегатскій Съѣздъ Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ въ Бѣлградѣ 17-22 Апрѣля 1927 г.

Наши чувства и нашъ долгъ

Помогать инвалидамъ должны всѣ мы, помогать своей, хотя бы ничтожной лептой, своимъ трудомъ, своимъ сочувствіемъ, своимъ признаніемъ.

Въ русскомъ **инвалидѣ воплощается** въ наиболѣе яркомъ видѣ то, что русскій народъ въ своемъ благородномъ, жертвенномъ порывѣ отдалъ всему человѣчеству на защиту справедливости, попранной, неправедности и съ неправедными цѣлями начатой войны.

Русскій инвалидъ воплощаетъ въ себѣ также русскаго воина, т. е. тотъ образъ русскаго человѣка, который для всякаго **русскаго патріота есть непрерѣкаемое** выраженіе **русской моши, русской** чести, русской славы.

Братскій привѣтъ русскимъ инвалидамъ [illegible]

РУССКИХЪ ИНВАЛИДОВЪ НА ЧУЖБИНѢ — ШЕСТЬ ТЫСЯЧЪ. ПОМНИТЕ: ПАТРІОТИЧЕСКІЙ ДОЛГЪ ПОВЕЛѢВАЕТЪ, ЧТОБЫ ВЫ О НИХЪ ДУМАЛИ ЕЖЕДНЕВНО.

Генералъ - Лейтенантъ ЛЕХОВИЧЪ,

Генералъ - Лейтенантъ В. А. Леховичъ, б. послѣднимъ Начальникомъ Главнаго Артиллерійскаго Правленія, въ минувшемъ году, по просьбѣ нашего Главнаго Комитета принялъ на себя организацію Центральнаго Комитета по устройству «Дня Русскаго Инвалида» въ Америкѣ. При чемъ В. А. Леховичъ проявилъ такой организаторскій талантъ, столько инициативы, энергіи и неутомимой работы, что всѣ члены организованнаго имъ Комитета изъ представителей церкви, арміи, всѣхъ общественныхъ организацій, художниковъ и печати, работавшіе съ нимъ въ полномъ единодушіи, сочли своимъ нравственнымъ долгомъ поднести В. А. Леховичу благодарственный адресъ послѣ «Дня Русск. Инвалида». Какъ извѣстно, сборъ, произведенный Комитетомъ Ген. Леховича, далъ наиболѣе блестящіе результаты.

Первый же Всезаграничный Делегатскій Съѣздъ Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ Объединеннаго Зарубежнаго Съѣзда по предложенію Почетнаго Предсѣдателя Съѣзда Генерала Н. Н. Баратова единогласно постановилъ выразить Генералу В. А. Леховичу глубокую благодарность отъ лица всѣхъ 5.000 русскихъ военныхъ инвалидовъ и избрать его **Почетнымъ Членомъ Зарубежнаго Союза Р. В. И.**

ПЕРВЫЙ ВСЕЗАГРАНИЧНЫЙ ДЕЛЕГАТСКІЙ СЪѢЗДЪ РУССКИХЪ ЗАРУБЕЖНЫХЪ ИНВАЛИДОВЪ

22-го сего апрѣля закончилъ свои работы 1-й Всезаграничный Делегатскій Съѣздъ Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ, происходившій съ 15-го по 22-ое апрѣля, въ городѣ Бѣлградѣ.

Съѣздъ былъ открытъ при торжественной обстановкѣ, въ Сербскомъ Офицерскомъ Домѣ, при чемъ, кромѣ делегатовъ отъ нашихъ инвалидныхъ организацій, на Съѣздѣ присутствовали Представители Сербскаго Правительства, Народной Скупщины, Арміи и цѣлый рядъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей.

Почетнымъ Предсѣдателемъ Съѣзда избранъ былъ неутомимый работникъ, творецъ Зарубежнаго Союза Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ — извѣстный всей русской эмиграціи — Генералъ-отъ-Кавалеріи **Н. Н. Баратовъ**. Предсѣдателемъ же Съѣзда — Предсѣдатель Союза Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ въ Чехословакіи, Генералъ-Лейтенантъ **М. Г. Михѣевъ**, и товарищами Предсѣдателя: полковники **Д. А. Абрамовичъ** и **В. I. Базаревичъ**.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій и принесенія благодарности отъ лица всѣхъ русскихъ инвалидовъ, радушному, гостепріимному и братскому намъ Сербскому народу, въ лицѣ его Верховнаго Вождя, Правительства и Народной Скупщины, Съѣздъ перешелъ къ дѣловой работѣ, и занялся разсмотрѣніемъ нижеслѣдующихъ вопросовъ:

1. — Образованіе Главнаго Правленія Зарубежнаго Союза Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ — надсоюзнаго, не связаннаго ни съ какимъ Центральнымъ Правленіемъ Мѣстнаго Союза.
2. — Составъ Главнаго Правленія и мѣсто его пребыванія.
3. — Планъ финансовой дѣятельности.
4. — Программа дальнѣйшей работы Главнаго Правленія.
5. — Взаимоотношенія Главнаго Правленія и Центральныхъ Правленій Союзовъ.
6. — Главный и мѣстный Комитеты по сбору средствъ.
7. — Руководящія основанія для распредѣленія средствъ, собранныхъ, какъ Главнымъ Правленіемъ, такъ и Комитетами.
8. — Положеніе о Главномъ Правленіи Зарубежнаго Союза Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ, Главномъ его Комитетѣ и мѣстныхъ Комитетахъ.
9. — Разборъ заявленій и пожеланій, поступившихъ въ Главное Правленіе.
10. — Вопросъ о Свято-Николаевскомъ пріютѣ въ Бари.
11. — Вопросъ о крестникахъ.
12. — Кого считать военнымъ инвалидомъ.
13. — Выборы Главнаго Правленія.
14. — Выборы Почетныхъ Членовъ Союза.

Для разсмотрѣнія этихъ вопросовъ были избраны 4 комиссіи: 1) Уставная, 2) Финансовая, 3) Юридическая и 4) по изысканію средствъ.

На основаніи заключеній всѣхъ комиссій, были приняты слѣдующія главнѣйшія рѣшенія:

1) Всѣ инвалиды Зарубежья объединяются въ автономныя Союзы во всѣхъ странахъ наибольшаго ихъ скопленія.

2) Всѣ Союзы образуютъ общій Союзъ, который возглавляется Главнымъ Правленіемъ, избраннымъ на 3 года, которое должно, отнынѣ, имѣть свое мѣстопребываніе въ г. Парижѣ.

3) Это же Главное Правленіе является Президіумомъ Главнаго Комитета по сбору средствъ, въ составъ котораго вошли представители всѣхъ общественныхъ организацій, прессы и, персонально, приглашенныя лица.

4) Всѣ суммы, собираемыя мѣстными Комитетами, а равно и отдѣльными лицами, поступаютъ въ ЕДИНУЮ Инвалидную Кассу и распредѣляются между всѣми Союзами, на соединенныхъ Засѣданіяхъ Главнаго Правленія съ Главнымъ Комитетомъ по сбору средствъ, на основаніи, только что принятыхъ коэфиціентовъ, въ которыхъ учитывается всѣ необходимыя данныя, какъ напр.: число инвалидовъ въ данной странѣ, ихъ средняя инвалидность, получаемыя изъ разныхъ источниковъ помощь и всѣ другія мѣстныя условія.

При распредѣленіи всѣхъ собранныхъ суммъ, всѣ члены Главнаго Комитета пользуются правомъ совѣщательнаго голоса.

5) По новому Уставу Главное Правленіе состоитъ изъ 7 лицъ, изъ нихъ: трое, постоянно, находятся въ Парижѣ — Предсѣдатель, его замѣститель (онъ же завѣдывающій финансами) и секретарь. Остальные 4 члена собираются не болѣе двухъ разъ въ годъ на сессію Главнаго Правленія отъ Союзовъ: Югославіи, Болгаріи, Франціи и одного отъ всѣхъ малыхъ союзовъ.

Такая организація Правленія обезпечиваетъ ему центральное положеніе, единство дѣйствій Главнаго Правленія и Главнаго Комитета, постоянную живую связь съ Союзами и не вызываетъ большихъ расходовъ на свое содержаніе.

Избранными въ Главное Правленіе оказались:

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ — Генералъ отъ кавалеріи **Н. Н. БАРАТОВЪ.**
ЗАМѢСТИТЕЛЬ — Генералъ Лейтенантъ **М. Н. КАЛЬНИЦКІЙ.**
СЕКРЕТАРЬ — Генералъ Маіоръ **С. Д. ПОЗДНЫШЕВЪ.**

6) Новый Уставъ вводится въ дѣйствіе съ 1-го іюля сего года.

Освободительная Война

1877-78 г.г.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ 12/25 апрѣля 1877 года произошло большое историческое событіе въ жизни Россіи и народовъ Балканскаго полуострова.

Императоръ Александръ II, прибывшій наканунѣ въ Кишиневъ, гдѣ находилась Главная Квартира Дѣйствующей Арміи, подписавъ рано утромъ Манифестъ объ объявленіи войны, отправился въ Соборъ, гдѣ долго, со слезами, колѣнопреклоненно молился передъ престоломъ Всевышняго. Оттуда Онъ выѣхалъ за городъ, гдѣ были собраны на смотръ войска, готовые двинуться въ походъ. Объѣхавъ ихъ, Онъ передалъ Высочайшій манифестъ Преосвященному Павлу Епископу Кишиневскому. Владыко прочиталъ Манифестъ. Начался молебенъ съ пѣніемъ Христосъ Воскресе. Передъ молитвой о дарованіи побѣдъ и одолѣнія надъ врагомъ Государь Самъ лично скомандовалъ «батальоны на колѣни» и горячо всѣ молились. Послѣ прохожденія церемоніальнымъ маршемъ Государь вновь объѣзжалъ части и взволнованно говорилъ: «Мнѣ жаль было пустить васъ въ дѣло. Я медлилъ доколѣ было возможно. Мнѣ жаль было проливать вашу дорогую для Меня кровь. Но разъ честь Россіи затронута, всѣ мы до послѣдняго человѣка съумѣемъ постоять за нее. Дай намъ Богъ исполнить наше святое призваніе! Да хранитъ васъ Богъ! Поддержите честь русскаго оружія! Возвращайтесь поскорѣе со славою!» Прямо съ молебна конница выступила въ походъ, а пѣхота двинулась на слѣдующій день.

Это уже десятый разъ со времени начала Императорской Россіи, отъ Прутскаго похода Петра Великаго, какъ Россія объявляла войну Турціи. И если въ предыдущихъ войнахъ рядомъ съ главною основною цѣлью облегчить участь единоправныхъ и единовѣрныхъ народовъ Балканскаго полуострова были и мотивы реальной политики — обезпечить выходъ къ Черному морю и упрочить наше на немъ положеніе, то можно съ увѣренностью сказать, что на этотъ разъ Россія выходила на войну безъ всякой иной цѣли, какъ исключительно безкорыстное освобожденіе славянъ отъ турецкаго ига.

Въ приказѣ Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго это сказано ярко и точно: «Не для завоеваній идемъ мы, а на защиту поруганныхъ и угнетенныхъ братьевъ нашихъ и на защиту вѣры Христовой».

Государь зналъ, что святая цѣль этой войны вполнѣ отвѣчаетъ чувствамъ всей Россіи. Еще никогда не было въ народѣ нашемъ такого воодушевленія, такого подъема духа, такого порыва, такого опредѣленнаго сознанія славянскаго единства, какъ въ эту годину. Всѣ слои и направленія общества отъ славянофиловъ до западниковъ, весь народъ, вся его толща были пропитаны общимъ одушевленіемъ, общею жертвенностью.

Еще въ 1875 году терпѣніе угнетаемыхъ славянъ истощилось. Начались возстанія сначала въ Босніи и Герцоговинѣ, а затѣмъ въ Болгаріи; со стороны турокъ проявилось необычайное ожесточеніе. Кровь полилась рѣкою. Сербія и Черногорія не могли остаться спокойными, такъ какъ безчеловѣчно было не помочь уничтожаемымъ братьямъ. И въ іюлѣ 1876 года сербскія войска, подъ начальствомъ генерала М. Г. Черняева, имѣя въ своемъ составѣ много русскихъ добровольцевъ, со всѣхъ сторонъ Россіи устремившихся на помощь страждущимъ христіанамъ, вступили въ предѣлы Турціи. Но борьба была неравна и въ октябрѣ полчища турокъ сломили геройское упорство сербско-русской арміи и путь для нихъ на Бѣлградъ былъ открытъ. Сербскій Князь обратился за заступничествомъ къ Русскому Царю. Онъ сказалъ Свое мощное слово и турецкія войска остановились.

По иниціативѣ нашего посла въ Константинополѣ графа Н. П. Игнатьева вскорѣ собралась тамъ конференція изъ представителей шести главнѣйшихъ европейскихъ государствъ, выработавшая тѣ ручательства, которыя должна дать Турція для облегченія участи христіанъ. Но султанъ отвергъ эти условія. Послы покинули Константинополь. Начались новые переговоры. Въ Лондонѣ былъ выработанъ, отъ имени всей Европы, новый протоколъ и предъявленъ Турціи. Послѣдовалъ высокомѣрный отказъ.

Послѣдняя надежда на миръ исчезла.

Оставалось узелъ восточныхъ осложненій разрубить русскимъ мечомъ.

Для веденія войны на Балканахъ и на Кавказѣ были назначены сравнительно незначительныя силы. Причина заключалась въ томъ, что задачей войны ставилось не разрушеніе Турецкой Имперіи и взятіе Константинополя, а лишь улучшеніе положенія христіанъ. Канцлеръ князь Горчаковъ, министръ иностранныхъ дѣлъ — убѣждалъ въ необходимости вести войну «умѣреннымъ способомъ», чтобы не возбудить подозрѣнія другихъ государствъ, а въ особенности Англіи, что мы преслѣдуемъ большія честолюбивыя цѣли.

12-го апрѣля зашагали наши четыре корпуса въ весеннюю распутицу по Румынскому чернозему и подошли къ Дунаю. Тщательно подготовленная и хорошо исполненная переправа черезъ эту большую водную преграду совершается 15 іюня. Черезъ три недѣли мы передовымъ отрядомъ генералъ-адъютанта I. В. Гурко переваливаемъ черезъ Балканскій хребетъ, обезпечиваемъ свой лѣвый флангъ выдвиженіемъ отряда Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича берёмъ кр. Никополь. Война началась блистательно. Но турки вскорѣ оправились и проявили активную дѣятельность. Противъ ген.-ад. Гурко они перевезли армію изъ Албаніи и послѣ встрѣчныхъ боевъ передовой отрядъ принужденъ отойти къ Балканамъ. Турки яростно, но безрезультатно атакуютъ Шипку. Началось наступленіе и главной турецкой арміи противъ Цесаревича, произошелъ цѣлый рядъ боевъ. Нашъ Рущукскій отрядъ сталъ нерушимой стѣной противъ вдвое и втрое сильнѣйшаго противника.

На западномъ нашемъ фронтѣ 8 іюля нашъ отрядъ неожиданно наталкивается на значительныя силы Османъ Паши, въ этотъ день занявшаго Плевну. Спустя 10 дней мы вновь атакуемъ Плевну и вновь отбиты.

Общая картина на театрѣ войны измѣнилась. Рѣшено временно перейти къ оборонѣ, вызываются новыя войска, гвардія, гренадеры и пр.

30-го августа, съ прибытіемъ румынскихъ войскъ, происходитъ третья атака Плевны. И эта атака тоже отбита, съ большими потерями. Предстояло рѣшить вопросъ — какъ быть дальше.

Императоръ Александръ II съ самаго начала военныхъ дѣйствій былъ при Арміи. «Съ малолѣтства сроднившись съ Арміей, Я не вытерпѣлъ и пріѣхалъ, чтобы раздѣлить съ нею труды и заботы», — говорилъ Онъ.

Государь не входилъ въ руководство военными операціями, предоставляя это всецѣло Главнокомандующему. Но переживъ и перечувствовавъ третью Плевну, Государь «въ сознаніи Своей отвѣтственности передъ Россіей», какъ Онъ выразился, рѣшилъ, что теперь Царю принадлежитъ рѣшающее слово. На военномъ совѣтѣ, подъ предсѣдательствомъ Государя, рѣшено было тѣснѣе сплотиться вокругъ Плевны, взять ее въ желѣзное кольцо и принудить къ сдачѣ.

Съ подходомъ гвардіи и взятіемъ Горняго Дубняка это кольцо сомкнулось и вопросъ паденія Плевны сталъ вопросомъ времени. Тосклив былъ періодъ этого ожиданія въ ненастное осеннее время. Наконецъ, 28-го ноября Османъ паша дѣлаетъ сильную вылазку, чтобы пробиться, но окруженный нашими войсками, сдается со всей своей 40-тысячной арміей. Велико было всеобщее ликованіе. 120-тысячная армія освободилась для активныхъ дѣйствій и Главнокомандующій принимаетъ рѣшеніе, котораго никто не ожидалъ: зимой переступить черезъ Балканскія горы, считавшіяся въ это время года непроходимыми. Съ невѣроятными лишеніями, опасностями и трудностями этотъ переходъ совершенъ и одновременная борьба съ природой и съ противникомъ окончилась полной побѣдой. 19-го декабря взятіемъ Ташкисена завершается труднѣйшій переходъ черезъ Софійскіе Балканы отряда генералъ-адъютанта Гурко, причемъ завидная честь первому перейти и спуститься съ горъ выпала на долю перваго старѣйшаго полка — Преображенскаго. 28-го декабря колонны генералъ-адъютанта Скобелева и генералъ-адъютанта князя Святополкъ-Мирскаго переходятъ черезъ Балканы около Шипки и послѣ упорнаго боя 25-тысячная турецкая армія сдается въ плѣнъ.

3-5 января подъ Филиппополемъ генералъ-адъютантъ Гурко разсѣиваетъ послѣднюю турецкую армію и наши войска «не пошли, а полетѣли», какъ сказалъ Главнокомандующій.

8-го января первоклассная крѣпость Адріанополь сдается конному разъѣзду. Турецкой вооруженной силы болѣе не существуетъ. Путь на Константинополь совершенно открытъ и столица Турецкой Имперіи беззащитна.

Султанъ проситъ мира, и его уполномоченные 19го января подписываютъ въ Адріанополѣ перемиріе, безоговорочно соглашаясь на поставленныя нами условія. Къ этому времени Кавказская наша армія, разсѣявъ турокъ въ бою на Аладжинскихъ высотахъ и взявъ ночнымъ штурмомъ сильную крѣпость Карсъ, успѣла подойти къ стѣнамъ крѣпости Эрзерума.

Блестящіе успѣхи нашей арміи чрезвычайно испугали Англію и англійскій флотъ 3 февраля появляется подъ Константинополемъ. Въ отвѣтъ на это русскія войска подходятъ къ Константинополю и останавливаются въ 10 верстахъ отъ стѣнъ города. Устрашенные турки 19 февраля подписываютъ Санъ-Стефанскій мирный договоръ.

Согласно этому договору, Сербія, Черногорія и Румынія дѣлались независимыми. Болгарія образовывала Княжество съ собственнымъ войскомъ, Боснія и Герцоговина получили автономію, а Россія въ вознагражденіе за военныя издержки пріобрѣла Карсъ, Батумъ и небольшую часть Бессарабіи ранѣе ей принадлежавшую и отторгнутую послѣ Крымской кампаніи.

Англія и Австрія потребовали пересмотра Санъ-Стефанскаго мирнаго договора на европейской конференціи и стали готовится къ войнѣ. Пришлось и намъ сосредоточивать наши силы на австрійской границѣ и готовится къ оборонѣ Черноморскаго побережья отъ дѣйствій англійскаго флота нацѣленнаго для форсированія Босфора.

Во избѣжаніе дальнѣйшаго кровопролитія Государь согласился на участіе своихъ представителей на конгрессѣ въ Берлинѣ. Въ іюлѣ конгрессъ закончилъ свою дѣятельность, въ результатѣ коей плоды нашихъ побѣдъ были значительно умалены: Болгарія была раздѣлена на два государства: Княжество Болгарское и область Восточной Румеліи, а Боснія и Герцоговина переданы въ австрійскую оккупацію... Скорбѣлъ Императоръ Александръ II о раздѣленіи Болгаріи, сожалѣлъ объ участи Босніи и Герцоговины и сокрушался о томъ унизительномъ положеніи, въ которомъ очутились представители побѣдоносной Россіи на европейскомъ судилищѣ. Съ нимъ вмѣстѣ раздѣлялъ эти чувства и русскій народъ...

На Берлинскомъ конгрессѣ Россія, какъ и въ эпоху Восточной войны 1853-1856 годовъ, почувствовала себя совершенно изолированной. Всѣ государства Европы, боясь усиленія ея могущества и роста ея вліянія на Ближнемъ Востокѣ, стремились къ тому, чтобы ослабить ея міровое значеніе. Въ особенности велико было разочарованіе въ поведеніи Германіи, связанной съ Россіей столѣтней близкой дружбой и союзомъ. Германскій канцлеръ Бисмаркъ, называвшій себя «честнымъ маклеромъ», принялъ явно враждебную къ намъ линію поведенія.

Берлинскимъ конгрессомъ опредѣлилось послѣдующее направленіе всей нашей политики. Охлажденіе нашихъ отношеній съ Германіей, закончившееся разрывомъ, имѣло слѣдствіемъ тяготѣніе къ Франціи, искавшей въ Россіи поддержку противъ грозившей ей нѣмецкой опасности, и повлекло за собою образованіе франко-русскаго союза...

Съ тѣхъ поръ прошло полвѣка. Произошли величайшія историческія событія...

Нынѣ Россіи, какъ національнаго государства, не существуетъ. Но русскіе люди, вѣрные своему имени, остаются вѣрными и тѣмъ христіанскимъ чувствамъ и тѣмъ благороднымъ идеямъ, которыя воодушевляли ихъ отцовъ въ эпоху ихъ жертвеннаго служенія обще-славянскому дѣлу. И мы вѣруемъ, что воскресшая, возрожденная Россія на своемъ дальнѣйшемъ историческомъ пути, въ расцвѣтѣ и блескѣ своей обновленной тяжкими испытаніями жизни, будетъ для блага всего міра идти рука объ руку съ тѣсно связанными съ нею своимъ прошлымъ и освобожденіемъ молодыми славянскими государствами, въ общемъ стремленіи къ Христовымъ идеаламъ, основаннымъ на чувствахъ взаимной любви и пониманія.

А. ГУЛЕВИЧЪ.

12 (25) апрѣля 1927 г.

ДЕМИРЪ-КАЯ

(ВОСТОЧНАЯ ЛЕГЕНДА).

Вѣтеръ упалъ. Можетъ-быть, сегодня намъ придется ночевать въ морѣ. До берега 30 верстъ. Двухмачтовая фелюга лѣниво покачивается съ боку на бокъ. Мокрые паруса висятъ.

Бѣлый туманъ плотно окружилъ судно. Не видно, ни звѣздъ, ни неба, ни моря, ни ночи. Огня мы не зажигаемъ.

Сеидъ-Аблы, старый, грязный и босой капитанъ фелюги, тихимъ, важнымъ, глубокимъ голосомъ разсказываетъ древнюю исторію, которой я вѣрю отъ всего сердца. Вѣрю потому, что ночь такъ странно молчалива, потому что подъ нами спитъ невидимое море, и мы, окутанные туманомъ, плывемъ медленно въ бѣлыхъ густыхъ облакахъ.

«Звали его Демиръ-Кая. По-вашему это значитъ — Желѣзная Скала. Такъ называли его за то, что этотъ человѣкъ не вѣдалъ ни жалости ни стыда, ни страха.

«Онъ разбойничалъ со своей шайкой въ окрестностяхъ Стамбула, и въ благословенной Θессаліи, и въ гористой Македоніи, и на тучныхъ пастбищахъ болгарскихъ. Девяносто девять человѣкъ погибло отъ его руки, и въ числѣ томъ были женщины, старики и дѣти.

«Но вотъ однажды въ горахъ его окружило сильное войско падишаха — да продлитъ Аллахъ дни его! Три дня отбивался Демиръ-Кая, точно волкъ отъ стаи собакъ. На утро четвертаго дня онъ прорвался, но — одинъ. Часть его товарищей погибла во время яростной погони, остальные же приняли смерть отъ руки палача въ Стамбулѣ на круглой площади.

«Израненный, истекающій кровью лежалъ Демиръ-Кая у костра въ неприступной пещерѣ, гдѣ его пріютили дикіе горные пастухи. И вотъ среди ночи явился къ нему свѣтлый ангелъ съ пылающимъ мечемъ. Узналъ Демиръ-Кая вѣстника смерти, посланника неба Азраила, и сказалъ:

« — Да будетъ воля Аллаха! Я готовъ.

«Но ангелъ сказалъ:

« — Нѣтъ, Демиръ-Кая, часъ твой еще не пришелъ. Слушай волю Божію. Когда ты встанешь съ одра смерти, пойди, вырой изъ земли твои сокровища и обрати ихъ въ золото. Потомъ ты пойдешь прямо на востокъ и будешь итти до тѣхъ поръ, пока не дойдешь до мѣста, гдѣ сходятся семь дорогъ. Тамъ построишь ты домъ съ прохладными комнатами, съ широкими диванами, съ чистой водой въ фонтанахъ для омовеній, съ ѣдой и питьемъ для странниковъ, съ ароматнымъ кофе и благовоннымъ наргиле для усталыхъ. Зови къ себѣ всѣхъ, кто идетъ и ѣдетъ мимо, и служи имъ, какъ послѣдній рабъ. Пусть твой домъ — будетъ ихъ домомъ, твое золото — ихъ золотомъ, твой трудъ — ихъ отдохновеніемъ. И знай, что настанетъ время, когда Аллахъ забудетъ твои тяжкіе грѣхи и проститъ тебѣ кровь дѣтей Его.

«Но Демиръ-Кая спросилъ:

« — Какое же знаменіе дастъ мнѣ Господь, что грѣхи мои прощены?

«И ангелъ отвѣтилъ:

« — Изъ костра, что тлѣетъ возлѣ тебя, возьми обгорѣлую головню, покрытую пепломъ, и посади въ землю. И когда мертвое дерево одѣнется корой, пуститъ ростки и зацвѣтетъ, — то знай, — насталъ часъ твоего искупленія.

«Прошло съ тѣхъ поръ двадцать лѣтъ. По всей странѣ падишаха — да продлитъ Аллахъ дни его! — шла слава о гостинницѣ у семи воротъ на пути изъ Джедды въ Смирну. Нищій уходитъ оттуда съ рупіями въ дорожной сумѣ, голодный — сытымъ, усталый — бодрымъ, раненый исцѣленнымъ.

«Двадцать лѣтъ, двадцать долгихъ лѣтъ глядѣлъ каждый вечеръ Демиръ-Кая на чудесный обрубокъ дерева, вкопанный во дворѣ, но онъ оставался черенъ и мертвъ. Потускнѣли у Демиръ-Кая орлиные глаза, согнулся его могучій станъ, и волосы на головѣ его стали бѣлы, какъ крылья ангела.

«Но вотъ однажды раннимъ утромъ услышалъ онъ конскій топотъ и выбѣжалъ на дорогу, и увидѣлъ всадника, который мчался на взмыленной лошади. Кинулся къ нему Демиръ-Кая, схватилъ коня подъ уздцы и молилъ всадника:

« — О, братъ мой, зайди въ домъ ко мнѣ. Освѣжи лицо свое водою, подкрѣпи себя пищей и питьемъ, услади уста твои сладкимъ благоуханіемъ кальяна.

«Но путникъ крикнулъ въ злобѣ:

« — Пусти меня, старикъ! Пусти!

«И плюнулъ онъ въ лицо Демиръ-Кая и ударилъ его рукоятью бича по головѣ, и поскакалъ дальше.

«Загорѣлась въ Демиръ-Кая гордая разбойничья кровь. Поднялъ онъ съ земли тяжелый камень и бросилъ его вслѣдъ обидчику, и разбилъ ему черепъ. Покачался всадникъ на сѣдлѣ, схватился за голову, упалъ на дорожную пыль.

«Съ ужасомъ въ сердцѣ подбѣжалъ къ нему Демиръ-Кая и сказалъ скорбно:

« — Братъ мой, я убилъ тебя!

«Но умирающій отвѣтилъ:

« — Не ты убилъ меня, а рука Аллаха. Слушай. Паша нашего вилайета — жестокій, алчный, несправедливый человѣкъ. Мои друзья затѣяли противъ него заговоръ. Но я прельстился богатой денежной наградой. Я хотѣлъ ихъ выдать. И вотъ, когда я торопился съ моимъ доносомъ, меня остановилъ камень, брошенный тобою. Такъ хочетъ Богъ. Прощай.

«Удрученный горемъ, вернулся Демиръ-Кая въ свой дворъ. Лѣстница добродѣтели и раскаянія, по которой онъ такъ терпѣливо всходилъ вверхъ цѣлыя двадцать лѣтъ, подломилась подъ нимъ и рухнула въ одинъ короткій мигъ лѣтняго утра.

«Въ отчаяніи поглядѣлъ онъ туда, гдѣ взоръ его привыкъ ежедневно останавливаться на черной, обуглѣнной головнѣ. И вдругъ — о, чудо! — онъ видитъ, что на его глазахъ, умершее дерево пускаетъ ростки, покрывается почками, одѣвается благоуханной зеленью и расцвѣтаетъ нѣжными желтыми цвѣтами.

«Тогда упалъ на колѣни Демиръ-Кая и радостно заплакалъ. Ибо онъ понялъ, что великій и всемилостивый Аллахъ въ неизреченной премудрости Своей простилъ ему девяносто девять загубленныхъ жизней за смерть одного предателя».

А. КУПРИНЪ.

ВОЛЧОКЪ

ИЗЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ АКВАРЕЛЕЙ.

... Не спится что-то. Весь домъ спитъ, а я не могу заснуть, и убійственно медленно тянутся часы долгой ночи.

Тиха эта ночь, но и у нея есть свои голоса.

Гдѣ то далеко-далеко надрывно и нудно гудитъ паровозъ: должно быть, задержался на близкомъ къ городу разъѣздѣ товарный поѣздъ, и смертельно усталый машинистъ, обозлившись, настойчиво требуетъ пропуска.

И чудится: протянулась черезъ все небо незримая струна и кто то заставляетъ ее вибрировать, водя по ней такимъ же гигантскимъ смычкомъ, и она тоскливо поетъ:

— У—у—у—у..

Смолкнетъ на нѣсколько секундъ, и снова тянетъ уныло-озлобленно, осипшимъ голосомъ:

— У—у—у—у.. У—у—у—у..

И еще: гдѣ то далеко, по каменной бронѣ мостовой медленно катится тяжелый «карро», — архаической формы римскій возъ въ видѣ коробки, поставленной на два громадныхъ колеса съ желѣзными шинами, влекомый ушастымъ тонконогимъ муломъ. Упряжь мула, по безконечно давнему обычаю, украшена стальными и мѣдными цѣпочками, висящими бляшками, звоночками, бубенчиками. И каждый шагъ мула сопровождается лязгомъ цѣпочекъ, звяканіемъ побрякушекъ, позваниваніемъ колокольчиковъ и бубенчиковъ. Словно играетъ цѣлый оркестръ бродячихъ музыкантовъ, запасшихся фантастическими инструментами. И на фонѣ этой музыки — голосъ живого существа вышиваетъ свои узоры: безъ перерыва заливается визгливымъ лаемъ маленькая собачка, вѣрный другъ, постоянный спутникъ и неподкупный стражъ лѣниваго возчика изъ какого нибудь каменнаго гнѣзда въ близкихъ къ Риму Арбуццахъ. Свѣтло-рыжій песикъ съ длинною, пушистою шерстью, словно напялившій на себя шубу. Торчащія ушки, умная лисья мордочка съ блестящими черными глазами и туго скрученный кренделемъ пушистый хвостъ.

Когда такой двухколесный возъ ѣдетъ, днемъ-ли, ночью-ли, по связывающей Римъ съ окрестностями дорогѣ, — возчикъ, обыкновенно, укладывается на грузъ, спрятавъ торсъ и голову въ тѣнь грибообразнаго зонтика, и сладко дремлетъ, намотавъ вожжи на потный кулакъ. Мулъ самъ знаетъ, куда ему итти, гдѣ останавливаться, гдѣ сворачивать, гдѣ замедлять ходъ. А ушастая остроносенькая собачка держится на передкѣ, цѣпко упираясь стальными лапками въ поперечный брусокъ, въ обручи боченка съ виномъ или ящика съ картошкою, въ позѣ льва, забравшагося на край скалы. Балансируетъ, словно пляшетъ, перекатывается изъ праваго угла воза въ лѣвый.

Потомъ ворчливо поругиваетъ мѣрно шагающаго мула и напоминаетъ ему, что хозяинъ — возчикъ, собственно, не спитъ, а такъ, дремлетъ. И съ нимъ шутки плохи: у него есть такая штука, которая называется кнутомъ. И кнутъ отлично выбиваетъ пыль изъ чьей-то костлявой спины.. Тявъ — тявъ — тявъ... И нечего махать облѣзшимъ хвостомъ! И вовсе нѣтъ надобности прясть ослиными ушами! Да-да! Всѣ знаютъ, что твой отецъ — самый настоящій оселъ! Но мнѣ некогда разговаривать съ тобою! Тявъ — тявъ — тявъ.. Впереди, кажется, кто-то идетъ. Тявъ — тявъ — тявъ... Надо предупредить моего хозяина. Тявъ — тявъ — тявъ...

∵

Нѣсколько лѣтъ назадъ близъ Рима убили человѣка. Это былъ возчикъ, пожилой человѣкъ. Зарѣзали соннаго... Возчикъ, отправляясь ночью въ путь, не въ мѣру хлебнулъ «краснаго фраскатти», — а это кисловатое и терпкое вино съ Альбанскихъ горъ предательски крѣпко..

Утромъ проѣзжіе обнаружили на разграбленномъ возу трупъ возчика съ перерѣзаннымъ горломъ, и тутъ-же — маленькую, рыженькую собачку, «волчка». У собачки была пробита, должно быть камнемъ, голова, но она была жива, и выжила. Ее взялъ изъ жалости другой возчикъ, другъ убитаго. Она оправилась, и новый хозяинъ сталъ брать ее съ собою въ поѣздки съ виномъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда «карро» съ виномъ остановился у придорожной остеріи, — съ собачкою стало твориться что-то странное. Она заметалась на возу, потомъ спрыгнула, вбѣжала подъ навѣсъ, гдѣ сидѣла компанія рабочихъ, мостовщиковъ, и впилась зубами въ руку одного изъ этихъ рабочихъ, смуглаго сардинца. Укушенный съ трудомъ оторвалъ ее отъ себя, и тутъ-же размозжилъ ей голову тяжелымъ сапогомъ...

Рану сардинца промыли, перевязали. Но прошло нѣсколько дней — и у сардинца обнаружилась гангрена. Ему ампутировали кисть. Гангрена пошла дальше.

И, умирая, онъ покаялся въ старомъ преступленіи: былъ безъ работы, связался съ бродягами. Подстерегли одиночнаго возчика. Убили... И была тамъ собаченка... Проклятая тварь... Думали, — избавились и отъ нея, рыжей змѣйки, а, вотъ, изъ-за нея приходится умирать..

М. ПЕРВУХИНЪ.

ПРОВОДЫ

(ГЛАВА ИЗЪ РОМАНА «СОЛДАТЫ»).

Солнце только что поднялось надъ садомъ, когда пріѣздъ сыновей встряхнулъ полковника. Онъ ждалъ ихъ къ ночи, и вотъ — прощаться. Въ походной формѣ, новенькіе ремни, бинокли...

— Да - да... на три часа, только?.. — несвязно говорилъ онъ, щурясь, — догоните полкъ?.. Валяйте, валяйте... такъ-съ... Да, Европа... придется повозиться... Я еще къ вамъ подъѣду!..

— Тебя еще нехватало!.. — сказалъ капитанъ. — Покуримъ лучше.

И когда полковникъ бралъ вертлявую папироску, у обоихъ подрагивали руки.

— Ну... пока самоваръ, въ сады пройдемте.

Онъ обнялъ капитана и потянулъ съ терасы.

— Идемъ, Пашуха... — захватилъ онъ и младшаго. — Яблонька-то твоя, «Поручиково - любимое»... помнишь?... — и у него пересѣкло голосъ.

Молча обнялъ его поручикъ. Насвистывалъ через зубы маршъ, поглядывалъ по верхушкамъ сада.

— Почему это — «нехватало»? — нарушилъ молчаніе полковникъ. — Я еще молодцомъ! Когда Суворову было...

— Чего — Суворову... «Пульки» свои сыгралъ, съ одной и сейчасъ гуляешь... сады свои насадилъ, вотъ и посыпай песочкомъ!

И высокій, плечистый капитанъ — въ отца, черноусый только, — прихватилъ старика за плечи и покачалъ. Поручикъ шелъ и насвистывалъ.

— Да ты обо мнѣ что же?.. — вскричалъ полковникъ; и не успѣлъ капитанъ опомниться, какъ полковникъ свалилъ его.

— Подъ Карсомъ, въ редутѣ такъ... то-же капитана, «песочкомъ»!..

Навалился на нихъ поручикъ. И солнце играло съ ними, на новыхъ ремняхъ и голенищахъ, на розоватомъ полковничьемъ затылкѣ...

Побывка была до поѣзда. Когда заложили тарантасъ, и слышалось отъ сарая ржанье, полковникъ опять повелъ сыновей въ сады.

Было жарко, до духоты; два часа польскаго послѣполудня. Давно прогуляли поѣздъ. На припекахъ трещали кузнечики, кололо глаза отъ блеска. Отъ пыльныхъ елокъ закраины томило смолистомъ жаромъ.

— Антошка-то раздѣлываетъ! — показывалъ полковникъ. — А вотъ — «Поручиково - то — любимое»... помнишь, Паша?..

Не узналъ яблоньку поручикъ. Шутя посадилъ, а вотъ... какая! Сажалъ — загадывалъ: когда будетъ поручикомъ — станетъ она, какъ эти. Онъ сталъ поручикомъ...

Они прикусывали деревянные еще яблоки и пускали черезъ верхушки, въ блескѣ. Зеленая кислота вызывала въ нихъ вольность дѣтства. Они шутили, но въ глазахъ ихъ была забота: другое — ждало за садомъ.

Поручикъ, бѣлокурый, и тонкій станомъ, — въ покойную мать - тверянку, — сказалъ, мечтая:

— А знаешь, папа.., а я вѣдь въ отпускъ хотѣлъ къ Успенью, на твои яблочки! Сюрпризъ бы тебѣ привезъ...

— Сюрпризъ?! — оживленно спросилъ полковникъ, — по-дѣтски вышло, — и отвернулся, щурясь. — Невѣсту, что ли?..

— Сюрпризъ. Эхъ, папка!..

Капитанъ подшибъ кузнечика фуражкой, поймалъ за ножки и крикнулъ — «смирна-а!» Кузнечикъ вытянулся и замеръ. Они смотрѣли.

— Ну... — остановился полковникъ у старой яблони, словно сюда и велъ. — Сады сажалъ — о васъ думалъ. Но это не то... Теперь... одинъ у насъ садъ... Россія! — сказалъ онъ поникшимъ голосомъ, и яблони затянуло паутинкой. — Ну, понятно. Въ походъ... и надо, вообще... У тебя, какъ, Степа... есть кто-нибудь? Вашего я не знаю...

— Серьезнаго ничего... — сказалъ капитанъ въ усы.

— Если что, пусть ко мнѣ адресуется. Понятно, если ребенокъ. Померъ?!.. Эхъ, вы... Надо было... слѣдъ по себѣ оставить! А ты, Паша?..

— Ну, что ты, папа, съ глупостями! — смущенно сказалъ поручикъ.

— Мальчикъ, не глупости! — потянулъ его за ремни полковникъ. — Самая жизнь и есть. Но... теперь обрублено. Тамъ — другое. Невѣста у тебя, въ Калугѣ? не связанъ? На войну идешь — подберись, завяжи чтобы не путали. Мы — солдаты!

Сильнѣй, чѣмъ раньше, почувствовалъ полковникъ кровную связь съ ними, съ мальчиками - солдатами, которые не оставляютъ ему слѣда.

— Нѣтъ, папа... — тихо сказалъ поручикъ, — не связанъ. Мечтали только..

Они вернулись плечо къ плечу. У крыльца поджидалъ Акимъ на тарантасѣ, покуривалъ.

— Три сорокъ, товаро-пассажирскій... — сказалъ полковникъ. — Всегда запаздываетъ. Успѣете...

— Поспѣ - емъ, не на свадьбу... — отозвался съ лѣницой Акимъ.

— Неводкомъ бы теперь, Акимъ! — заглянулъ подъ рукавъ поручикъ. — Нѣтъ, половина третьяго, не поспѣть!..

— Лещей бы захватили! — сказалъ Акимъ. — Денекъ бы хоть погуляли?..

— Догонить эшелонъ надо..,

— Такъ точно, нельзя! — по-солдатски сказалъ Акимъ: былъ онъ ефрейторъ, въ годахъ, и самъ ожидалъ «срока».

Оставалось самое трудное, они знали. Зналъ и полковникъ — и все оттягивалъ. Затѣмъ и пріѣзжали. И вотъ, подошло оно.

— Пройдемте... — сказалъ полковникъ.

Онъ привелъ ихъ со свѣта въ спальню, съ неоткрытыми ставнями, съ неприбранною постелью. Теплилась синяя лампадка.

Они тихо вошли, въ томленьи, подчиняясь всему покорно: время всему приходитъ. Полковникъ, строгій перекрестилъ молча и надѣлъ каждому образокъ Николая Чудотворца.

— Тебѣ, Степанъ... дѣдовскій, Севастопольскій... — тихо сказалъ полковникъ, благословляя капитана. — Тебѣ, Павелъ, мой... Кавказскій. Да сохранитъ васъ... А этотъ — мнѣ... — показалъ онъ на темный, въ серебрецѣ, на затертомъ малиновомъ шнурочкѣ, — давній нашъ, Бородинскій, прадѣдовъ. Помните... вы — солдаты!...

Они знали темные образки, священную ихъ исторію. Смущенно поцѣловали ихъ и стали спѣшно вправлять за шею.

— А это, дѣти... — показалъ на Казанскую полковникъ, — покойная мать васъ благословляетъ. Будьте... крѣпки!

Они перекрестились и поцѣловались молча. Онъ ткнулся къ жесткимъ воротникамъ, теръ и кололъ щетиной и съ нѣжностью мялъ за плечи.

— Ну... все.

Вышли опять на солнце. Полковникъ обнялъ обоихъ, объединяя собой, радуясь молодости и силѣ и пригнанной ловко походной формѣ.

— Матери нѣтъ... поглядѣла бы хоть, какіе стали! Нѣтъ, лучше не.. Помни, ребятки: солдата береги, назадъ не смотри, зря голову не подставляй! Ну, ладно.

Уже садиться, — поручикъ вынулъ изъ внутренняго кармашка и показалъ полковнику:

— Вотъ... хороша?!..

— Хороша... — сказалъ полковникъ, не разглядѣвъ.

Онъ проводилъ ихъ за край садовъ. Шагалъ, держась за крыло тарантаса, толкуя о мелочахъ, наказывая Акиму забрать отрубей у Куманькова... На рѣчкѣ помахали фуражками: не хотѣлъ въ вагонъ провожать полковникъ.

Возвращаясь садами, остановился у шалаша и сѣлъ. Услыхалъ поѣздъ, свистокъ отъ полустанка...

— Опаздываетъ... на... двадцать семь...

Пустыми показались ему сады. Вспомнилъ кузнечика... Пошелъ къ дому. Стоялъ на терасѣ, зяблика слушалъ, думалъ. Увидалъ на столѣ — карманное зеркальце - футлярчикъ, съ гребеночкой, — вспомнилъ: причесывался Паша! Спряталъ за бортъ тужурки. Подумалъ нѣжно: «вѣчный то растереха!» Долго сидѣлъ и все барабанилъ по столу...

ИВ. ШМЕЛЕВЪ.

ЭТАПЫ

1.

Второй день уже безъ перерыва идетъ артиллерійская подготовка. Никогда еще такого огня не было. Словно разверзлись бездны и выбросили въ міръ хаосъ звуковъ, сотрясающихъ воздухъ и землю. Они оглушаютъ, давятъ и держатъ въ тревожномъ напряженіи все живое.

Поле передъ австрійскими окопами вспахано, изрыто. Тысячью фонтановъ вздымается кверху черная земля, и въ тяжелыхъ брызгахъ мелькаютъ обломки бревенъ, спутанные комья рваной колючей проволоки и временами изуродованныя части человѣческаго тѣла.

Смерть и разрушеніе расчищаютъ путь — впередъ...

Тысячи глазъ, прильнувшихъ къ амбразурамъ, впиваются въ знакомыя очертанія непріятельскихъ окоповъ — теперь неузнаваемыхъ; словно нащупываютъ засыпанныя гнѣзда пулеметовъ. «Молчатъ... Не оживутъ ли?..» Тысячи сердецъ бьются часто и томятся великимъ томленіемъ отъ долгаго, изнуряющаго ожиданія:

«Скорѣй бы ужъ»...

— Поручикъ Русовъ!.. Поручика Русова къ батальонному командиру!..

— Ну вотъ, батенька, готовьтесь. Телефонограмма изъ штаба дивизіи получена: «Въ 9 часовъ приказываю войскамъ дивизіи атаковать, и да поможетъ намъ Богъ!» Такъ вы ужъ, батенька, не того, не посрамите земли русской...

— Будьте покойны, господинъ полковникъ.

Тысячи глазъ блестятъ... Тысячи сердецъ бьются сильнѣе... Безъ четверти... Ужъ лучше подъ пули, чѣмъ томительное ожиданіе... Безъ пяти минутъ... И вдругъ сразу, одновременно по всему полю невидимою рукою подняло ввысь стальные бичи, хлеставшіе по первой линіи непріятельскихъ окоповъ; подняло и перекинуло вдаль.

— Ур... ра... а... — вспыхнуло по фронту и потонуло глухо въ урaганѣ звуковъ, въ бушующей стихіи разрушенія.

...Первая линія занята. Уже тянутся вереницы плѣнныхъ; идутъ гуськомъ, торопясь и кланяясь своимъ шрапнелямъ, осыпающимъ подступы. Рота поручика Русова показалась на гребнѣ бруствера и нырнула въ глубокія щели австрійскихъ окоповъ. Поручикъ — уже на той сторонѣ, бѣжитъ дальше...

— Не задерживаться! Впередъ! Окопы осмотритъ резервъ. Впередъ!..

Оглянулся: сильно порѣдѣла рота... Реветъ стихія, сыплются кругомъ шрапнельныя пули: австрійцы заградительнымъ огнемъ стремятся удержать надвигающійся потокъ.

— Впередъ!..

Изъ за гребня вдругъ показался зеленый навѣсъ. Четыре жерла глянули изъ подъ него, четыре темныхъ зѣва выбросили огненные языки и плеснули смертью почти въ упоръ. Бухнулись люди, словно вросли въ почву.

Стоны поползли по землѣ...

— Впередъ... Ур-р-а-а...

Отозвалось всего десятка четыре голосовъ — надрывнымъ изступленнымъ крикомъ, въ которомъ разряжалось накопившееся напряженіе: ожиданія, страха, надежды... Нѣсколько ручныхъ гранатъ взметнулось въ воздухъ, упало межъ орудій и брызнуло землей и осколками. Что то лязгнуло, хрустнуло, и черезъ минуту поручикъ Русовъ, возбужденный и радостный, съ разорваннымъ воротомъ, размахивая фуражкой, сидѣлъ верхомъ на пушкѣ и кричалъ:

— Рота ко мнѣ!..

Стальные бичи свистѣли выше и хлестали землю все дальше и дальше. Оттуда, съ той стороны отзывались уцѣлѣвшія орудія — рѣдко и безпорядочно. Вотъ вспыхнуло бѣлое облачко въ небесной синевѣ надъ взятой батареей и разсыпалось градомъ...

...Русовъ схватился за голову, потерялъ равновѣсіе и упалъ. Инстинктивно прижалъ обѣими ладонями глазъ; горячая струя крови просачивалась сквозь пальцы и заливала все лицо...

2.

«Протоколъ общаго собранія 1-го баталіона N-го полка».

«Принимая во вниманіе несознательность командующаго батальономъ, капитана Русова, а также что онъ: 1) до революціи былъ строгъ съ солдатами; 2) отказывается подписывать увольнительные билеты товарищамъ, которымъ безпремѣнно нужно домой, и даже вопреки медицинѣ; 3) на счетъ послѣдняго наступленія нѣмцевъ на полкъ выражался «трусливое стадо», когда никто не обязанъ участвовать въ имперіалистической войнѣ; и 4) вообще за старорежимность — собраніе постановило капитана Русова отчислить отъ должности батальоннаго и назначить кашеваромъ во вторую роту.

Предсѣдатель собранія, онъ же предсѣдатель батальоннаго комитета, лѣкарскій помощникъ Слива».

3.

Солнце — къ закату. Такъ близко, такъ отчетливо видны контуры Екатеринодара, Черноморскій вокзалъ, маковки соборовъ... Впереди — длинные ряды большевицкихъ окоповъ, усѣянныхъ густо сѣрыми шинелями и черными пальто. Трещатъ немолчно ружья и пулеметы. Трижды подымались цѣпи Добровольцевъ въ атаку и трижды валились опять — подкошенныя, порѣдѣлыя — не въ силахъ преодолѣть неширокую, отдѣляющую ихъ отъ врага полосу смерти. Въ ближнемъ оврагѣ набилось густо, перемѣшавшись, живые и мертвые.

— Капитанъ Русовъ! Къ фермѣ подошла на подкрѣпленіе сотня кубанцевъ. Примите командованіе и приведите ихъ къ кургану.

— Слушаю.

Приподнялся на локтяхъ; проползъ нѣсколько шаговъ... По близости затрещало — острыя иглы обожгли и впились въ ногу.

...Пролежалъ до полной темноты. И только подъ ея покровомъ подползли санитары, стащили волокомъ въ придорожную канаву, перевязали и понесли въ станицу.

Утромъ по всей станицѣ разнеслась потрясающая новость; ее передавали шепотомъ, точно страшную тайну:

— Убитъ генералъ Корниловъ...

— Что-жъ теперь? Конецъ всему...

По обозу, по избамъ, набитымъ ранеными, ползутъ зловѣщіе слухи о томъ, что израсходованы всѣ патроны, объ окруженіи и сдачѣ...

Подъ свернутой комомъ шинелью рука Русова ощупываетъ револьверъ.

«Не пора ли?..»

4.

Солнце заливаетъ Харьковъ. Екатеринославская улица и Соборная площадь запружены многотысячными толпами народа. Людьми усѣяны балконы, крыши домовъ, даже деревья... Прокатывается по улицамъ «ура», гудитъ площадь, несется ликующій звонъ колоколовъ... Радость на лицахъ, радость въ сердцахъ.

«Ур-р-а-а!».... «Христосъ Воскресе!»...

Улыбки и слезы... Зеленью и бѣлыми цвѣтами усыпанъ путь, по которому идутъ колонны Добровольцевъ.

Проходитъ полкъ. Впереди — офицеръ съ георгіевскимъ крестомъ и значкомъ терновымъ; черная повязка на глазу; идетъ, прихрамывая и опираясь на палку. Отъ толпы отдѣляется свѣтловолосая дѣвушка, протягиваетъ ему пучекъ бѣлыхъ лилій. Онъ подымаетъ руку, чтобы взять цвѣты, дѣвушка хватаетъ ее, быстро цѣлуетъ и скрывается въ толпѣ...

Офицеръ въ волненіи роняетъ цвѣты, потомъ неловко, торопливо подбираетъ ихъ дрожащими руками...

...Снова раскаты «ур-р-а-аа!...» Торжественные звуки многолѣтія, красный звонъ, колыхающіеся хоругви и яркое, радостное солнце, заливающее улицы, толпу, войска, играющее веселыми переливами въ золотыхъ ризахъ духовенства, на стали штыковъ и обнаженныхъ шашекъ...

Свѣтлый праздникъ...

5.

Бушевалъ нордъ-остъ. Сквозь запертыя окна и двери врывался леденящимъ холодомъ. Въ палатѣ сыпно-тифозныхъ тускло горѣла керосиновая лампа. Тихій шопотъ, безсвязныя рѣчи, буйные крики — жутью наполняли комнату. Смѣхъ, стоны, бредъ... Борьба безумія съ разумомъ, жизни со смертью.

Дежурный санитаръ у окна тоскливо смотрѣлъ на мерцающіе огни порта и судовъ.

«Вотъ еще одинъ пароходъ ушелъ... Когда - же насъ повезутъ?..»

— Впередъ, за мною!.. Кто растопталъ лиліи? Почему въ крови?.. Не смѣть!

На кровати метался больной; сбросилъ на полъ подушку и одѣяло; сорвалъ черную повязку съ головы, привсталъ и — растерзанный, страшный — однимъ блестящимъ, воспаленнымъ глазомъ обводилъ палату.

Подошелъ санитаръ, поправилъ постель.

— Полковникъ Русовъ, успокойтесь! Ну чего, чего... лягте.

Хотѣлъ уложить больного, но тотъ сопротивлялся. Санитаръ обхватилъ его сильными руками и пригнулъ къ подушкѣ.

— Пустите меня, пустите... Они топчутъ бѣлые цвѣты... Не смѣть!..

6.

Желѣзная клѣтка рванула и поплыла плавно внизъ, въ глубокій колодезь. Спускается ночная смѣна рабочихъ — русскихъ, итальянцевъ, португальцевъ и еще какихъ-то желтолицыхъ... Всѣ — въ отрепьяхъ, съ предохранительными касками на головѣ, съ грязными платками, обмотанными вокругъ шеи; держатъ въ рукахъ тяжелые электрическіе фонари. Подведенные ѣдкой неотмывающейся угольной пылью глаза смотрятъ понуро: разговаривать не хочется.

На 800 метрахъ — остановка. Расходятся по галлереямъ. Одна партія пошла дальше, къ другому спуску. Идутъ долго, гуськомъ, узкимъ и длиннымъ лабиринтомъ, низко пригнувшись и поминутно задѣвая касками за балки, подпирающія сводъ. Сверху сыплются холодныя капли воды. Гдѣ-то ревутъ насосы, накачивающіе воздухъ, и когда открывается дверь, отдѣляющая поперечную галлерею, съ воемъ и свистомъ крутитъ сквознякъ и обжигаетъ холодомъ.

Вышли въ магистральную галлерею — здѣсь нѣсколько шире и выше.

— Attention!..

Бросились къ стѣнамъ, прижавшись вплотную. Съ глухимъ шумомъ прошелъ по рельсамъ, почти задѣвая людей, поѣздъ вагонетокъ, груженныхъ углемъ, запряженныхъ двумя першеронами. Лошади здѣсь — несчастнѣе, чѣмъ люди.. Ихъ спускаютъ въ это царство вѣчной ночи одинъ разъ и навсегда. Онѣ живутъ въ подземныхъ конюшняхъ, слѣпнутъ быстро отъ тьмы и угля и, слѣпыя работаютъ до смерти. Подымаютъ на поверхность только трупы.

Опять желѣзная клѣтка и спускъ, — еще на 300 метровъ... Новый лабиринтъ, узкія щели — проходы между двумя пластами блестящаго угля, съ большимъ наклономъ, въ которыя, лежа на боку и придерживаясь за продольную планку, люди летятъ въ преисподнюю отъ тяжести своего вѣса. Дальше щель суживается еще и только уже плашмя на животѣ, сдавленые сверху и снизу, цѣпляясь за выбоины скалы, скользятъ внизъ по гладкой, темной доскѣ.

Раньше полковника Русова, ввиду его инвалидности, ставили на работу при вагонеткахъ. Это было значительно легче. Но какъ-то однажды онъ не стерпѣлъ — отвѣтилъ рѣзко на дерзкій окрикъ контрметра. Съ тѣхъ поръ, вотъ уже второй мѣсяцъ, приходится разрабатывать щель. Цѣлыми часами, лежа на боку, онъ подрываетъ киркой крышу своего полутемнаго гроба. Летятъ куски, сверкающіе въ лучѣ фонаря, и съ шумомъ катятся по гладкой желѣзной дорожкѣ внизъ въ подставленную вагонетку. Мелкіе осколки засыпаютъ лицо; тучи ѣдкой пыли наполняютъ гробъ, пробиваются сквозь одежду, забираются во всѣ поры, слѣпятъ единственный глазъ и несутъ отраву легкимъ. Жарко невыносимо. Раздѣлся по поясъ. Обнаженное тѣло покрывается потомъ, густо смѣшаннымъ съ угольной пылью...

Русову сегодня не по себѣ. Раненая нога ноетъ нестерпимо. Хотѣлъ перемочь себя, мѣнялъ неоднократно положеніе, но ничего не вышло. Рѣшилъ бросить на сегодня работу. Сползъ внизъ, въ галлерею, пошелъ къ выходу, спотыкаясь о рельсы, шлепая туфлями по лужамъ.

Послышался странный гулъ... Полковникъ поднялъ голову и вздрогнулъ: навстрѣчу ему подъ уклонъ летѣла съ грохотомъ оторвавшаяся отъ поѣзда вагонетка. Бросился въ сторону, но зацѣпился ногой и упалъ поперекъ рельса...

7.

— Присядьте, сестрица, asseyez... Ну, вотъ, благодарю васъ. Это ничего, что вы не понимаете меня. Но мнѣ, видите ли, страшно... Не смерти — это пустяки, сколько разъ бывалъ на волоскѣ... Нѣтъ. Но такого одиночества... въ послѣдніе часы. Mes dernières heures... Non, non — не говорите — я вѣдь понимаю — съ разбитой грудной клѣткой долго не протянешь... Жаль, что я не говорю по вашему. Но теперь уже все равно... Вы знаете — послѣднее время немножко тяжело было. Непривычная работа, да при томъ я вѣдь, правду сказать, калѣка... Вотъ у васъ хорошо — заботятся о своихъ инвалидахъ — даютъ имъ легкую работу, пенсіи, устраиваютъ убѣжища... А у насъ, сестрица, кому же? Нѣтъ у насъ родины... И знаете — вы только не сердитесь — я очень доволенъ уходомъ и всѣмъ... Но все же вы мнѣ чужіе... И такая смертельная тоска гложетъ, такъ хочется услышать напослѣдокъ родную рѣчь, хочется, чтобы ближая рука закрыла глаза...

— Вы уходите, сестрица? Еще минутку, un moment..., Есть у меня друзья, да далеко. И въ вашемъ городѣ живетъ одинъ мой пріятель, mon ami Petreff — солдатъ нашего полка. Чудесный человѣкъ! Вѣдь вы его вызывали? Rue de Belgique, quatorze... Да? Ну, вотъ, спасибо. Merci... merci...

— ... А, это вы!... Дорогой мой, голубчикъ, какъ я радъ, что застали еще.. Поправлюсь? Полноте, не надо, я знаю. Мнѣ трудно уже говорить — задыхаюсь. Дайте мнѣ вашу руку. Такъ... Разсказывайте же — про себя, про полкъ, про Россію...

....

Неслышными шагами вошелъ санитаръ и поставилъ у кровати Русова створчатую ширму. Двое другихъ больныхъ, лежавшихъ въ палатѣ — также обреченныхъ — переглянулись и тяжело вздохнули. Одинъ сказалъ тихо:

— Счастливецъ... А у меня — еще впереди...

8.

Въ дальней части кладбища, у самой ограды, гдѣ тѣсными, ровными рядами ютятся бѣдныя могилы, вырыта яма, и надъ ней на доскахъ стоитъ гробъ. Петровъ волнуется; поминутно поглядываетъ вдоль дороги къ воротамъ. Все нѣтъ... Опоздали, видно, на поѣздъ. А можетъ быть онъ самъ виноватъ — не такъ оставилъ телеграмму...

Могильщики спорили, выражали нетерпѣніе. Одинъ заявилъ рѣшительно:

— Monsieur, мы больше ждать не можемъ, у насъ другая срочная работа.

... Наконецъ-то!

По каменной дорожкѣ торопливо шла группа людей, прилично и какъ-то однообразно одѣтыхъ, всѣ — съ усталыми воспаленными глазами. Двѣ русскихъ смѣны — третья должна была остаться въ шахтѣ. Съ ними — старенькій священникъ.

Окружили гробъ, положили цвѣты съ широкой бѣло-сине-красной лентой...

— Благословенъ Богъ нашъ...

Одинъ изъ углекоповъ поднялъ руку... И по чужому кладбищу, надъ чужими могилами поплыли величавые, тоскующіе звуки русской скорби...

«... Надгробное рыданіе... »

Долго молча не расходились. Молча, уныло глядѣли, какъ ловко, привычными руками вскидывались лопаты, и тяжелыя комья желтой глины гулко ударялись о крышку гроба.

А. ДЕНИКИНЪ.

Смерть князя Мещерскаго

(ИЗЪ РОМАНА «ЧОРТОВЪ МОСТЪ»)

...Штааль бросился направо, прижался къ скалѣ и, задыхаясь, обвелъ взоромъ страшную картину. Слѣва, подъ вьющимся столбомъ водяной пыли, съ оглушительнымъ ревомъ рвался Чортовъ Водопадъ. На днѣ пропасти клокотала по камнямъ бѣлая рѣка. Рейсса, сдавленная со всѣхъ сторонъ отвѣсными горами, бѣшено неслась внизъ по крутому наклону ущелья. По горной стѣнѣ, какъ кривая узкая полка, тропинка вилась надъ пропастью и, изгибаясь, спускалась къ каменному мосту. Надъ нимъ, по другую сторону пѣнящагося потока, отвѣсно возвышался Чортовъ Камень. По голой громадной черной скалѣ туманъ ползъ вверхъ въ узкій просвѣтъ неба. Въ ущельѣ было полутемно и холодно, какъ на разсвѣтѣ осенняго дня. Бой подходилъ къ концу...

Страшное ущелье вдругъ освѣтилось. Отвѣсныя скалы вспыхнули золотомъ. Лучи скрытаго за горами солнца прорѣзались сквозь столбъ водяной пыли. Штааль смотрѣлъ въ пропасть внизъ, то налѣво на водопадъ, то вверхъ на Чортовъ Камень. Вторая, разрушенная, арка Чортова Моста шла отъ высокой скалы къ лѣвому берегу. Солдаты перебросили черезъ зіяющій провалъ два длинныхъ бревна. Ихъ концы связали офицерскими шарфами. Подъ мостомъ, перекинувшись съ одного берега на другой, радуга блѣдно засвѣтилась по камнямъ и подъ пѣной. Съ отвѣсной высоты Чертова Камня оставленные тамъ немногочисленные французскіе солдаты еще стрѣляли изрѣдка по мосту. Штааль, невольно искрививъ плечи и шею, смотрѣлъ на нихъ съ тропинки праваго берега. Кто то вдругъ его окликнулъ. Къ нему подходилъ австрійскій офицеръ, его сожитель въ Таверне. Оба, здороваясь, подумали, что объ этой встрѣчѣ на Чортовомъ Мосту будетъ пріятно вспоминать всю жизнь.

— Ist schön? — прокричалъ австріецъ, показывая шпагой на ущелье.

— Теперь конецъ, — сказалъ хрипло Штааль.

Съ высоты противъ нихъ раздалось одинъ за другимъ нѣсколько выстрѣловъ. Австріецъ покачалъ головой, что то сказалъ, но не докончилъ, показывая жестомъ, что трудно тутъ разговаривать, — и вдругъ нервно отшатнулся къ скалѣ, уставившись глазами на Чортовъ Мостъ. На самомъ концѣ уцѣлѣвшей арки, передъ двумя связанными узенькими бревнами, стоялъ, поставивъ на нихъ лѣвую ногу, наклонивъ впередъ голову и плечи, странно раздвинувъ руки, мертвенно блѣдный офицеръ. Штааль узналъ майора князя Мещерскаго. Сзади высокій человѣкъ что-то кричалъ, протянувъ руки къ майору. Мещерскій вдругъ шагнулъ впередъ. Высокій офицеръ замеръ съ разинутымъ ртомъ и протянутой впередъ рукою. На высотѣ, на краю обрыва, французы прекратили стрѣльбу. Солдатъ въ синемъ мундирѣ, быстро опустивъ ружье, наклонилъ голову на бокъ. Бревна дрогнули и, приподнявшись, чуть разошлись концами на лѣвомъ берегу. Князь Мещерскій пошатнулся, быстро нагнулся налѣво и, какъ акробатъ на веревкѣ, взмахнулъ разставленными руками, стараясь удержать равновѣсіе надъ пропастью. Австріецъ рядомъ съ Штаалемъ закричалъ что-то непонятное и, уткнувъ шпагу въ землю, искривился также какъ Мещерскій, но въ другую сторону. Мещерскій устоялъ, медленно выпрямился, сдѣлалъ шагъ, другой, затѣмъ быстрымъ движеніемъ, точно угадавъ секретъ, какъ это нужно сдѣлать, перебѣжалъ по бревнамъ на лѣвый берегъ и тамъ послѣ нѣсколькихъ шатающихся шаговъ упалъ на четвереньки. Казакъ по уцѣлѣвшей аркѣ моста, крестясь на ходу, подбѣжалъ къ бревнамъ, бросился впередъ и съ короткимъ отчаяннымъ крикомъ повалился въ пропасть. Гулъ пронесся по тысячной толпѣ людей. Штааль шагнулъ впередъ и заглянулъ внизъ. На мгновенье пѣна надъ радугой окрасилась кровью. Рейсса подхватила тѣло и понесла внизъ, бѣшено бросая съ камня на камень. Князь Мещерскій, стоя на колѣняхъ въ двухъ шагахъ отъ обрыва, схватилъ разошедшіеся концы бревенъ и свелъ ихъ, приглашая движеньемъ головы оставшихся на первой аркѣ перейти на лѣвый берегъ. Французскіе стрѣлки на вершинѣ Чортова Камня одновременно приложили ружья къ плечу. Раздался залпъ. Мещерскій рванулся съ колѣнъ на ноги, взмахнулъ руками, зашатался и упалъ.

М. АЛДАНОВЪ.

ВЪ ДНИ ВЕСНЫ

Опять весна! Цвѣтутъ сирени
Въ сіяньи солнца золотомъ,
Пѣснь соловья звучитъ изъ тѣни
Въ безмолвной рощѣ надъ прудомъ.
Опять весна! Но мысли злыя
Отъ края дальняго зовутъ
Въ поля знакомыя, родныя,
Гдѣ былъ тѣнистый паркъ и прудъ,
И старый домъ, въ кустахъ сирени
Лилово - бѣлой дымкой скрытъ!..
Зоветъ ли паркъ прохладой къ лѣни
Иль онъ изрубленъ и разрытъ?..
И цѣлъ ли домъ?.. Иль обгорѣвшій
Обломокъ бѣлыхъ стѣнъ, одинъ
Твердитъ, случайно уцѣлѣвшій,
Про дни умчавшихся годинъ?
И, точно ласковой рукою,
Своихъ листовъ склоняя тѣнь,
Благоухающей фатою
Къ нему приникнула сирень
И тихо шепчетъ: «Все вернется,
«Жизнь снова въ край родной придетъ;
«Душой измученной проснется
«Отъ бреда тяжкаго народъ;
«И будетъ миръ и вѣра въ Бога,
«Забвенье горя и тревогъ,
«И та же общая дорога
«Соединитъ съ селомъ чертогъ
«Любовью вѣчною, единой,
«Любовью къ Родинѣ своей,
«Какъ пѣснью, въ рощѣ надъ долиной,
«Соединяетъ Русь съ чужбиной
«Весной поющій соловей!..»

Кн. Ѳедоръ КАСАТКИНЪ-РОСТОВСКІЙ.

СТАРЫЙ ИНВАЛИДЪ

(Изъ боевыхъ воспоминаній).

I.

Уже третій день въ окопахъ.

Позади вершина Шау-Шань-Чу, а за нею въ сторонѣ причудливые кумирни, китайскія башни и изогнутые, какъ хвосты сказочныхъ драконовъ, кровли Ляо-Яна. Передъ нами зеленая, высокая щетина спѣющаго гаоляна. Всякій шорохъ въ немъ подозрителенъ. Въ его гущѣ прячутся хунхузы. Сквозь къ нашимъ секретамъ и окопамъ пробираются японскіе стрѣлки.. Мы высылали туда сторожевые посты; часто мертвую тишину знойнаго полудня будили внезапно заговорившія ружья.. Сигналъ тревоги. Люди на банкетахъ и земляной валъ весь въ штыкахъ. Шурша въ этихъ камышахъ, отходятъ на позицію секреты.. А метелки гаоляна колышутся. Все ближе и ближе...

— Что еще тамъ?

—Такъ что японецъ идетъ...

И вдругъ вмѣсто японца выскакиваетъ кабанъ. Уставится клыками впередъ на окопъ. Храпитъ отъ неожиданности. И валится подъ выстрѣломъ. Солдаты выскакиваютъ: дикій или домашній.

— Потому ваше б-іе, хозяйскихъ у нихъ ѣсть нельзя.

— Почему? Запрещено?

— Развѣ что съ большого голода.. Положимъ особаго запрета не было... А только... такъ что китайцы-имъ дѣвочекъ бросаютъ. Какъ родится сейчасъ свиньямъ на пропитаніе. Потому женскій полъ у нихъ ни къ чему. Мы такимъ не скоромимся. Человѣчина въ ей.

И по ночамъ, а ночи стояли яркія, лунныя, то и дѣло насъ будила тревога. Затрепещутъ въ призрачномъ свѣтѣ перистыя верхушки и опять изъ секретовъ выстрѣлы. Мнѣ какъ то не спалось. Только что прошелъ ливень. Кругомъ все затопило. Дали точно жидкая сталь. Манджурскій лесъ — насквозь какъ губку. Ноги въ немъ вязнутъ, расползаются. Съ вечера ляжешь на сухо, а утромъ лесъ подъ тобой осѣлъ и ты весь въ лужѣ... Лягушкамъ и жабамъ праздникъ. Кругомъ такіе влюбленные концерты — глазъ не сомкнешь... Я вышелъ за окопы назадъ. Далеко, далеко мигаютъ огоньки въ горахъ. Гдѣ то зарево — желтымъ пятномъ и розовый отсвѣтъ въ небѣ... Вязы точно зимой. Всю листву отбили пули въ черной паутинѣ голыхъ вѣтвей гнѣздами чудится омела. Мысль и мечта уносились далеко въ оставленный Петербургъ и вся эта чужая мнѣ кругомъ казалась какою то нелѣпою ложью.. Въ одну изъ такихъ минутъ отъ стараго дерева, точно отдѣлилась тѣнь. Изъ корявого ствола родилась, и скользитъ на меня.

— Кто тамъ?

— Свой.

Я остановился. На всякій случай вынулъ револьверъ. Мало ли, что у насъ бывало. Японцы своими развѣдчиками какъ густою пряжей проникли наши сотни. Приходилось ухо востро держать.. «Тѣнь» это замѣтила... Смѣхъ оттуда.

— Такъ что револьверъ извольте бросить. Мы, россійскіе..

Прямо на меня двигалось, шатаясь, и точно припадая на ходу, нѣчто лохматое, несуразное.. Потомъ я разобралъ громадную темную папаху и черную, сбившуюся на бокъ бурку.

Дозвольте узнать, гдѣ нашъ полкъ?

Онъ назвалъ его.

— Здѣсь.

— А полковникъ Оленинъ? Командиръ?

— Ему тутъ землянку вырыли. Спитъ вѣрно. Усталъ за день.

— Такъ что я къ ему..

На груди изъ подъ бурки золотой Георгіевскій съ бантомъ. Всѣ четыре степени у него... Старый солдатъ!.. Боевой Ему бы на печи дома лежать.

— Вы откуда же?

— Изъ Тамбовской губерніи.

Я разсмотрѣлъ: сѣдые усы, точно онъ бѣлую мышь зажалъ между губами и носомъ. Брови на страхъ врагамъ дыбятся. Глаза изъ подъ нихъ горькіе. Около одного на вискѣ шрамъ.. Что то знакомое.. Я эту суровую улыбку видѣлъ когда то.. но гдѣ?..

— Мы изъ подъ Касимова. У насъ съ полковникомъ тамъ свой домъ.

Понять не могу. Отъ всей этой фигуры вѣетъ на меня старою былью. Чѣмъ то далекимъ.. я бы сказалъ милымъ.. Такія на дно годами запоминаются.

— Слушайте.. Я вѣдь васъ встрѣчалъ когда то. Который вамъ годъ?

— А вы у насъ въ Касимовѣ бывали?

— Не приходилось.

— Кресты то у васъ за Турецкую?

— Такъ точно..

— Первые у васъ за Зеленые горы подъ Плевно?

— Есть!

— А второй за Шейково?..

— Постойте. Да вы у Скобелева были?.. Простите. Оживился онъ.

Взялъ меня за плечи, повернулъ къ мѣсяцу. Зорко всматривается.

И я его помнилъ. Точно безпросвѣтный мракъ молнія пронизала и сразу выступила въ немъ и стѣны и деревья и дорога куда то.

—Сахаровъ!..

— Онъ самый.. Такъ и есть.. Такой то будете? И онъ назвалъ меня.

— И сдались же вы?

— Да и вы не козликомъ скачете. Тридцать лѣтъ вѣдь.

— Около того.

Мы разцѣловались.

— Ну и обрадуется же вамъ полковникъ. Сейчасъ его разбужу.

— Нѣтъ, нѣтъ. Не извольте безпокоиться. Я у землянки посижу — а какъ выйдетъ онъ: Честь имѣю явиться къ вашему высокоблагородію.. Меня такъ, что ихъ супруга командировала сюда. Мы вѣдь тамъ одной семьей живемъ.. Я ихъ сыновей въ корпусъ въ Москву отвезъ. Дочь мы замужъ выдали. Полковницѣ я и говорю, что жъ мнѣ здѣсь съ бабами околачиваться. Я тамъ нужнѣе буду.. Взялъ да и пошелъ. Чугункой до самаго Ляояна. Не то, что прежде пѣхомъ. Ногу то у меня изволите помнить, послѣ Турецкой — текинцы въ Ахалѣ *) повредили. Хорошей у меня работы кость — и та не выдержала. Глупыя у кекинцевъ пули. У японца, пишутъ, куда умнѣе..

Какою чудесною старью повѣяло на меня отъ этой встрѣчи..

II.

Въ самомъ дѣлѣ давно. А помню точно вчера это было.

Бой окончился. Войска отступили. И солдаты и офицеры мрачны. Въ рядахъ — раненые. У кого рука на бантѣ, кто опирался на ружье — пуля сидѣла въ ногѣ. Кто перевязалъ себѣ голову грязною тряпкой, изъ подъ которой сочилась кровь. Ни пѣнія, ни смѣха обычныхъ при возвращеніи полка, ни говора въ рядахъ очень порѣдѣвшихъ. Только однообразный топотъ смѣшивался въ гулъ. Да штыки звякали одинъ о другой. Полковникъ ѣхалъ съ адъютантомъ впереди. Онъ былъ темнѣе тучи. У него убили любимаго коня и онъ пересѣлъ на громадную, тяжелую и неуклюжую артиллерійскую лошадь, подбрасывавшую его каждый разъ, какъ только онъ забывался и ослаблялъ поводья.

Подходя къ боевымъ позиціямъ, я встрѣтилъ въ сторонѣ у дороги деньщика Сахарова. Нескладный, онъ славился огромною силой и въ то же время кротостью барбоса, котораго можетъ спокойно таскать за уши каждый деревенскій мальчикъ. Добиться отъ него слова было также трудно, какъ заставить разговаривать уличный фонарь. Ходилъ сгорбившись, какъ будто носилъ на спинѣ тяжелый куль. Теперь онъ пристально всматривался въ ряды нашего полка, пропуская одного офицера за другимъ и отыскивая кого то глазами.

— Ваше благородіе! обратился онъ къ нашему прапорщику.. А гдѣ же мой то?

Тотъ не отвѣтилъ. Даже отвернулся. Сахаровъ къ слѣдующему офицеру и тотъ ему ни слова. Я поравнялся съ нимъ. Чуть не взялъ меня за руку.

— Ради Христа. Что жъ это будетъ! Гдѣ же мой баринъ. Что жъ его не видать?

Я зналъ его привязанность къ молоденькому офицеру, котораго въ полку звали «Оленькой». И тоже не хотѣлъ сообщить ему печальной вѣсти.

— Ужели жъ! Господи!.. Раненъ что ли?

Замѣшался въ ряды солдатъ. Тѣ ужъ разсказали ему: хорошо помнятъ, какъ выбѣжавшій впередъ Оленинъ упалъ, сраженный пулей. И затѣмъ его уже никто не видалъ. Можетъ быть его, если онъ живъ, подобрали санитары. А то и убитъ на повалъ — ничего неизвѣстно. Въ суматохѣ и бѣшенствѣ атаки и потомъ штыкового боя некогда было думать объ этомъ. Сахаровъ, шатаясь, вышелъ изъ рядовъ, сѣлъ прямо въ грязь и замеръ въ молчаливомъ отчаяніи. Полковой песъ нашъ Мухтарка подбѣжалъ къ нему, лизнула прямо въ губы, но тотъ даже и не замѣтилъ собачьей ласки. Недовольный этимъ Мухтарка залаялъ на Сахарова, но когда и на этотъ вызовъ деньщикъ не отозвался песъ рѣшилъ, что ему здѣсь дѣлать нечего, завилъ хвостъ кольцомъ и побѣжалъ далѣе за полкомъ, входившимъ уже въ лагерь.

Въ нашей палаткѣ зажгли свѣчи. Ночь сырая, холодная. Гнилой туманъ кругомъ. Мы, отдыхая на походныхъ койкахъ, нехотя перебрасывались словами. Не говорилось. Такъ прошло около часу. Вдругъ у входа въ палатку показалась огромная фигура стараго солдата.

— Чего тебѣ Сахаровъ?

— Такъ что... всѣ перевязочные пункты обшарилъ, вашеблагородіе.. И нигдѣ нѣтъ.

— Что же тебѣ надо? Самъ понимаешь, война.

— Такъ точно. Только пожалуйте револьверъ, ваше благородіе.

— Револьверъ? Зачѣмъ тебѣ?

«Ужъ не застрѣлиться ли хочешь», мелькнула дикая мысль.

— Такъ что.. Я пойду. Пожалуйте, револьверъ.

— Куда ты? говори толкомъ.

— Своего поручика искать.

— Глупый человѣкъ. Пойми, что если онъ остался тамъ, такъ турки давно заняли эту гору. Если живъ, такъ въ плѣну.

— Такъ точно. Это мы понять можемъ. А только пожалуйте револьверъ.

— Туда тебѣ нельзя.

— Это вѣрно. А только я пойду. Точно, что нельзя.. А я все таки... Коли иные, прочіе, которые. Оставляютъ... Что-жъ это будетъ.. Хорошаго мало!

И проговоривъ, едва ли не въ первый разъ въ жизни, столь длинную рѣчь, Сахаровъ точно ослабѣлъ... Уставился въ землю... Потомъ, увидя револьверъ, висѣвшій у меня надъ койкой, подошелъ и взялъ.

— Вотъ, этотъ самый... который... Счастливо оставаться.

И не успѣли мы опомниться, исчезъ изъ палатки.

Я заснулъ. Утромъ мы считали его погибшимъ.

На войнѣ смерть — дѣло обычное и каждый къ ней готовъ. Мы уже не думали ни о немъ, ни объ его молодомъ поручикѣ.

Потомъ узнали: Сахаровъ выбрался за нашу цѣпь. На аванпостахъ стояли драгуны, бывшіе всю эту кампанію съ нашимъ отрядомъ. Они даже не удивились, когда Сахаровъ крикнулъ имъ, что идетъ отыскивать офицера. Солдатамъ такой подвигъ казался обычнымъ.

— Чудакъ! — замѣтилъ ему одинъ. — Какъ же ты его въ этой темени увидишь? Сколько ихъ тамъ понавалено!

— А сѣрнички зачѣмъ? «У меня, братъ, десять коробковъ сѣрничковъ съ собой и огарки есть — и затерялся вдали.

Часа три пришлось брести Сахарову, то сбиваясь съ пути въ лощинахъ, гдѣ всѣ слѣды спутывались, то попадая въ обрывы, откуда не было хода впередъ. Приходилось возвращаться. А тамъ, гдѣ и оказывалась дорога, — надо было подвигаться ощупью. Слышался говоръ турецкихъ солдатъ. Мѣрный топотъ занимавшихъ эту позицію таборовъ. Къ счастью, вѣтеръ былъ оттуда. Стоны раненыхъ донеслись бы къ нему. Шуршали обмякшіе стебли кукурузы. Чудилось, что въ нихъ кто то подкрадывается сюда. Чу. Чей то спѣшный бѣгъ и вдругъ, точно плачъ ребенка. Сахаровъ сообразилъ: шакалъ прокрался мимо. Или медленно и осторожно пробирался волкъ на готовую добычу. Кое гдѣ Сахарову приходилось падать лицомъ въ грязь. Руки его вязли въ ней, липкой, глинистой и онъ съ трудомъ подымался опять... Вотъ, наконецъ, склонъ, по которому онъ пошелъ вверхъ, но не сдѣлалъ еще и нѣсколькихъ шаговъ, какъ тамъ, на самомъ гребнѣ, выступили красныя пятна. То росли, то падали въ темнотѣ. «Костры! Должно быть, турецкая рота»... Сахаровъ остановился. Переложилъ спички за пазуху, чтобы не смокли, легъ въ слякоть плашмя и поползъ впередъ. Чѣмъ ближе и выше, тѣмъ ему было труднѣе. Вязкая глина точно не пускала его дальше. Въ одномъ мѣстѣ не удержался и покатился внизъ. Шорохъ переняли тамъ. Аскеры выстрѣлили на удачу и Сахаровъ слышалъ, какъ шальная пуля шлепнулась въ слякоть, на днѣ лощины. Сахаровъ смутно отличалъ во мракѣ людей, переходившихъ тутъ съ мѣста на мѣсто, наклонявшихся, шарившихъ по землѣ.. «Башибузуки — обираютъ мертвыхъ», — понялъ онъ. Разъ онъ припалъ еще плотнѣе въ грязь, когда такой силуэтъ направился къ нему. Башибузукъ наклонился надъ нимъ, но не успѣлъ еще дотронуться, какъ Сахаровъ схватилъ его руками за горло и задушилъ раньше, чѣмъ тотъ успѣлъ вскрикнуть. Кое гдѣ онъ зажигалъ спичку — всматриваясь въ лицо и погоны подвернувшагося ему подъ руки трупа. Сотни такихъ — турокъ и нашихъ — лежали сплошь. Въ одномъ мѣстѣ они сгрудились въ гекатомбу: Сахаровъ растаскалъ ихъ — нѣтъ ли подъ ними Оленина. Проворно, какъ кошка, ползъ все дальше и дальше... Опять смутная фигура бродившаго по полю башибузука.. Припала къ чему то на землѣ и оттуда послышался вопль. «Раненаго доконичили!», — сообразилъ Сахаровъ. — «Этакъ, пожалуй, и моего поручика!..»

Усталость сморила... Полежалъ - полежалъ.. Всталъ на ноги... Турки издали въ темнотѣ за своего примутъ... Пошелъ впередъ. Тутъ было легче. Грязь оставалась внизу, и на скатѣ. Вверху почва была тверже. Уже близилось къ разсвѣту. На востокѣ посѣрѣло. На этомъ сѣромъ обозначились непріятельскія палатки... Вдругъ, въ сторонѣ померещилось... Слышится или такъ чудится?-Нѣтъ, стонетъ кто то. Тихо - тихо. И въ голосѣ знакомое, родное. Сахаровъ туда.

— Ваше благородіе... — къ самому уху наклонился.

— Сахаровъ, ты?!

— Такъ точно.

— Не могу двигаться. Нога перебита и пуля въ плечѣ.

— Слава Тѣ, Господи! Авось, вынесу...

Утромъ наша цѣпь замѣтила впереди въ туманѣ, что то двигавшееся къ ней. Только что аванпостъ хотѣлъ дать выстрѣлъ, оттуда послышалось черезъ силу хриплое и усталое:

— Не стрѣляй, слышь, свои! Поручика Оленина несу.

И, дойдя до передового звена, Сахаровъ свалился, какъ мертвый. Весь залѣпленный грязью. Черезъ все занятое турками пространство онъ протащилъ своего офицера лежа на животѣ и медленно ползя впередъ. Чтобы тотъ не упалъ со спины, привязалъ его къ себѣ ремнемъ и веревкой, предусмотрительно захваченной съ собой...

Черезъ три дня выстроили нашъ полкъ. Пріѣхалъ бригадный.

— Рядовой Сахаровъ!

Тотъ выступилъ такой же мрачный и неуклюжій. Медвѣдь - медвѣдемъ.

Спасибо тебѣ.. Поцѣлуемся...

И потомъ, переходя въ дидактическій тонъ, что Его Превосходительству — коротенькому боченокъ - боченкомъ — никогда не удавалось. Все время старался для боевой хрестоматіи, подъ Плутарха и не бывало случая, чтобы его героическія выступленія не вызывали улыбокъ:

— Ты доказалъ, что подъ сѣрою шинелью бьется вѣрное, великодушное, преданное сердце. Твой подвигъ великъ и передъ родиной, и передъ Богомъ! Не мудрено первому броситься на турокъ. На міру и смерть красна. А вотъ какъ ты — одному подойти ночью и спасти офицера!

Посмотрѣлъ въ фуражку. Тамъ была записана рѣчь... Не разобралъ дальше.

— Ну, да все равно.. Ты меня понимаешь. Русскій солдатъ не языкомъ крѣпокъ...

«Да и генералы — тоже!..», — шепнулъ мнѣ на ухо сосѣдъ.

Пришпилилъ ему именного Георгія..

. Рядовому Сахарову... Ура!..

— «Ура!..», — подхватили солдаты.. «Ура» перекатилось въ позиціи стоящаго рядомъ полка. Перекинулось въ тылъ.

И непріятель забезпокоился..

Послышалась частая стрѣльба со слѣпу...

— Чего ты хочешь еще?! — разсердился генералъ,

—.Такъ что.. мой поручикъ одинъ... въ лазаретѣ...

— Ну?..

— Дозвольте, ваше превосходительство.. Ходить за нимъ...

— Ишь, какая выискалась сестра милосердія! Ну, — ступай, ходи!..

Изъ лазарета скоро отправили Оленина домой, на поправку. Сахаровъ довезъ его. И съ нимъ опять вернулся на боевыя позиціи..

Во фронтъ ушелъ, но и при немъ остался.

— Сила во мнѣ... Прямо надо сказать — съ медвѣдемъ развѣ только схватиться. А и еще: нешто у моего поручика ума много? Такъ что лѣзетъ куда ему вовсе не надобно. Ну, а я живъ буду — оберегу. Я такой зарокъ и барынѣ, — это маменькѣ, — далъ. Надъ иконою моего Ангела — Іоанна Крестителя... Во вѣкъ нерушимой..

* * *

На разсвѣтѣ Оленинъ вышелъ изъ землянки. Глаза еще слипались. Плохо видѣлъ.. Что-то поднялось передъ нимъ.

— Кто тутъ?.. Да неужто?.. Степанъ Федоровичъ, родной, ты?!.

И кинулся обнимать Сахарова.

— Такъ что... — путался, смигивая слезы, старый солдатъ... Дома то дѣлать нечего. Мальчишекъ въ корпусъ отвезъ, въ Москву.. Барынѣ я, какъ мозоль на носу; за ней Дуня ходитъ, мы и рѣшили — никакъ Вамъ безъ меня не обойтись. Сама приказала: ты мнѣ мужа живьемъ верни сюда. Въ домѣ у меня сынъ хозяйничаетъ... Вотъ я и ..

— У меня, въ землянкѣ, мѣста на двухъ хватитъ. Сергѣй! Самоваръ намъ! Видишь, — праздника дождался, — какой ко мнѣ побратимъ изъ Россіи пріѣхалъ. Понялъ: значитъ, чтобы яишница была и все, что къ ней полагается. Тамъ у насъ американскіе консервы есть. Раскрой!.

Молодой деньщикъ таращился на Сахарова... Понять не могъ, чего это и онъ, и полковникъ плачутъ... И рукъ другъ отъ друга оторвать не могутъ. Никакъ онъ этой бабьей привычки за своимъ командиромъ не замѣчалъ...

ВАС. НЕМИРОВИЧЪ ДАНЧЕНКО.

---

*) Ахалъ-теке, текинцы.

Столярная и токарная мастерская русскихъ инвалидовъ въ Бѣлградѣ.

ЛЕТЧИКЪ

Вчера въ кинематографѣ показывали какой то аэропланъ и я вспомнила...

Гриша Петровъ былъ славный мальчишка. Здоровенный, коренастый и вѣчно смѣялся.

— Ротъ до ушей, хоть лягушкѣ пришей, — дразнили его младшія сестры.

Не кончивъ университета, женился, потомъ попалъ на войну.

Боялся онъ войны ужасно. Всего боялся — ружей, пушекъ, лошадей, солдатъ.

— Ну, чего ты, Гриша! — успокаивали сестры. Ужъ будто такъ всѣ въ тебя непремѣнно стрѣлять будутъ.

— Да я не того боюсь!

— А чего же?

— Да я самъ стрѣлять боюсь!

Стали обучать Гришу военному ремеслу. Послѣ перваго урока верховой ѣзды онъ вернулся домой такой перепуганный, что даже обѣдать не могъ.

— Все равно, говоритъ, какой тутъ обѣдъ. Все равно придется застрѣлиться.

— Что же случилось?

— Господи, страсти какія! Взвалили меня на лошадь — ни сѣдла, ни стремянъ — ничего! Хвоста у нея не поймать — держись за одну гриву. Пока еще на мѣстѣ стояла — ничего сидѣлъ. А офицеръ вдругъ какъ щелкнетъ бичемъ, да какъ всѣ заскачутъ! Рожи блѣдныя, глаза выпучены; зубы лязгаютъ — послѣдній часъ пришелъ! А моя кобыла хуже всѣхъ. Прыгаетъ козломъ, головой машетъ, — кладетъ меня то на шею, то на задъ! Я ей «тпру! тпру»! — не тутъ то было. Ну, думаю, все равно пропадать: выбралъ минутку, когда она поближе къ стѣнкѣ скакала, ноги подобралъ да кубаремъ съ нея на землю. Офицеръ подскочилъ, бичемъ щелкаетъ.

— На лошадь!

Я поднялся.

— Не могу, — говорю.

А онъ оретъ.

— Не смѣть въ строю разговаривать!

А мнѣ ужъ даже все равно — пусть оретъ. Такъ ему и говорю:

— Чего ужъ тутъ — я вѣдь все равно умираю!

Онъ немножко удивился, посмотрѣлъ на меня внимательно.

— А и правда, говоритъ, вы что то того. Идите въ лазаретъ.

Загрустилъ Гриша.

— Теперь сами видите — какой я вояка. Я имъ такъ и скажу, что лучше меня на войну не берите. У васъ все герои — самъ въ газетахъ читалъ. — А я не гожусь — я очень боюсь. Ну куда вамъ такого — срамъ одинъ.

Однако, ничего. Далъ себя разговорить, успокоить! Одолѣлъ военную науку и пошелъ воевать.

На побывку пріѣхалъ домой очень довольный — опять ротъ до ушей, хоть лягушкѣ пришей».

— Слушайте! А вѣдь я то оказывается храбрый! Ей Богу, честное слово. Спросите у кого хотите. И пушки палятъ и лошади скачутъ, а мнѣ чего то не страшно. Самъ не понимаю — глупый я что ли. Другіе пугаются, а мнѣ хоть бы что!

Пріѣхалъ второй разъ и объявилъ, что подалъ прошеніе — хочетъ въ летчики.

— Разъ я, оказывается, храбрый — такъ чего жъ мнѣ не идти въ летчики. Храброму то это даже интересно.

И пошелъ. Леталъ, наблюдалъ, бомбы бросалъ, два раза самъ валился, второй разъ вмѣстѣ съ прострѣленнымъ аппаратомъ и такъ сильно контуженъ, что почти оглохъ. Отправили прямо въ санаторію.

⁂

Въ Москвѣ, уже при большевикахъ, въ хвостѣ за селедочные хвосты, кто-то окликнулъ меня. Узнала не сразу. Ну да мы тогда всѣ другъ друга не сразу узнавали.

— Гриша Петровъ?

Почернѣлъ какъ то и скулы торчатъ. Но это не главное. Главное измѣнило его выраженіе глазъ — какое то виноватое и точно просящее, безпокойное.

— Какъ вы, говорю, загорѣли.

— Нѣтъ я не загорѣлъ. Здѣсь другое. Я къ вамъ приду и разскажу, а то со мной на улицѣ говорить нельзя — очень кричать надо.

Вечеромъ и пришелъ.

Разсказалъ, что въ Москвѣ проѣздомъ — завтра уѣзжаетъ. Будетъ летать.

— Вѣдь вы же не можете — вы въ отставкѣ, вы инвалидъ.

— Большевики не вѣрятъ. Буду летать. Ничего. Дѣло не въ этомъ.

И узнала я въ чемъ дѣло.

— Отрядъ нашъ — шестнадцать офицеровъ. — Сидѣли въ глуши, думали о насъ и забыли. Лѣсъ у насъ тамъ, хорошо, грибы собирали. Вдругъ приказъ — немедленно одному явиться въ Москву съ аппаратомъ, пошлютъ его куда то летать надъ Уфой. Мы бросили жребій. Вытащилъ товарищъ и говоритъ — я повѣшусь, у меня мать въ Уфѣ, я надъ Уфой летать не стану. Ну, я вызвался замѣнить, думалъ, словчусь, перелечу къ чехо - словакамъ — я вѣдь сами знаете — храбрый. Пріѣзжаю сюда, а здѣсь говорятъ не надъ Уфой летать, а надъ Казанью. А у меня въ Казани старуха мать и жена и мальчишки мои — какъ же я стану въ нихъ бомбы бросать? Рѣшилъ сказать на чистоту. Заявилъ начальству, а оно такъ любезно.

— Такъ значитъ въ Казани ваша семья?

— Въ Казани, говорю, всѣ.

—. А какъ ихъ адресочекъ.

Я и адресъ сказалъ. Они записали.

— Ну-съ теперь, говорятъ, завтра же отправляйтесь въ Казань. А въ случаѣ, если затѣете летѣть къ чехо - словакамъ, или вообще недобросовѣстно отнесетесь къ возложенному на васъ порученію (это, то есть, бомбы бросать не буду), то семья ваша будетъ при взятіи города разстрѣляна. Поняли? Ну еще бы, какъ не понять.

Призадумался Гриша — черный такой сталъ, скуластый и вдругъ спросилъ:

— Какъ вы думаете — долженъ я сейчасъ застрѣлиться или посмотрѣть — можетъ какъ нибудь... А? Что? Что?

Онъ очень плохо слышалъ.

⁂

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, совершенно неожиданно встрѣчаю въ Болгаріи старушку Петрову.

— Да, да, слава Богу выбрались. Мы давно уже здѣсь. Маруся, Гришенькина жена, въ школѣ устроилась учительницей. Мальчики здоровы, все хорошо. А сколько пострадали! Какъ они на Казань шли! Ѣсть было нечего, воды и той не было. Сами на Волгу съ кувшинами бѣгали. Мальчишки тоже чайники брали — пять верстъ почти. Бѣжимъ бывало, а надъ нами аэропланъ ихній гудитъ. Господи, думаю, хоть бы дѣтей то пощадили. Летчикъ свалился у насъ за лѣсомъ, недалеко. Всѣ бѣгали смотрѣть. Обгорѣлъ такъ, что и лица не различить. А мнѣ и не жалко было. Собакѣ собачья смерть!

— А, скажите, вы о Гришѣ ничего не знаете?

— Нѣтъ ничего. Такъ ничего и не знаемъ. Съ самаго начала отрѣзаны были. Ну да вѣдь его большевики на службу призвать не могли, онъ, слава Богу инвалидъ - контуженный, никуда не годный — гдѣ нибудь отсидѣлся. Все ждали вѣсточки. Обѣщали намъ тутъ...

— Значитъ ничего не знаете?

Она вдругъ всполохнулась.

— А что? Можетъ быть вы что нибудь...? А? Можетъ слышали?

— Нѣтъ, нѣтъ... Я такъ... Я тоже ничего не знаю.

ТЭФФИ.

НЕ ПЕРЕЛАГАЙТЕ ОТВѢТСТВЕННОСТИ ЗА ИНВАЛИДОВЪ. ЕЕ ПЕРЕЛОЖИТЬ НЕ НА КОГО. ОНА НА ВАСЪ СЫТЫХЪ И ЗДОРОВЫХЪ.

НА ВОЙНУ

Страшный часъ, часъ грозный. Смертный часъ — призывъ. Куда? — впередъ. Впередъ, и въ ногу, въ ногу, и подъ барабанъ. О, содрогнулась Русь, одѣлась въ сѣрую шинель, и смертно лобъ перекрестивши, руки сжавши, тяжко въ ряды стала, тяжко маршируетъ сапогомъ тяжелымъ. Разъ-два, разъ-два! А черно въ сердцѣ, и мила Москва, и горько уходить. Идетъ Арбатомъ сѣрый, крѣпкій строй; и на Угодника, что на углу Серебрянаго, взглянетъ ненарокомъ проходящій, подъ винтовкой, ненарокомъ перекрестится — и далѣе шагаетъ. Разъ-два, разъ-два! Вотъ и Спасопесковскій, съ краснымъ домомъ угловымъ, Никольскій, гдѣ Никола Плотникъ, съ позолоченной главой, за нимъ Смоленскій, на углу толпа, и машутъ, и слезы заблестятъ, а тамъ дорожка ниже, ниже, на Москву-рѣку къ вокзалу — голову клони солдатъ. Уже дожидаются вагоны, паровозы, быстрые еще и аккуратные; тамъ снова — бабій вой, крикъ и рыданіе, и влекутъ тебя, во мглѣ слѣпой, на жертву, велика твоя повинность родинѣ.

Родина же притихла. И насупилась. И затрезвѣла даже. Пьетъ — изъ-подъ полы, и, удивляетъ старую Европу воздержаніемъ. На долго ли? Ну, тамъ посмотримъ. А пока — поблекли Праги, Метрополи, Эрмитажи, и все блекнутъ, задыхаясь въ худосочіи. «Голубки» все рѣже мчатся по Тверской, Арбату. И все больше лазаретовъ — знакъ кроваваго креста надъ ними, знакъ печали-милости, — и чаще попадаются ихъ вывѣски въ укромныхъ переулкахъ вокругъ Арбата. Старыя хоромы, гнѣзда дворянскія, видѣвшія Герценовъ и Хомяковыхъ, наполняются людьми въ халатахъ, съ лицами сѣро-блѣднѣющими, и въ повязкахъ, и на костыляхъ. Сѣрый супъ, смутность, дрема, блѣдная тѣнь жизни бѣдной. Хочется-ли чего? Нѣтъ. Жалко-ли чего? Нѣтъ, тоже нѣтъ — все какъ было и какъ будетъ — тихій затонъ, въ бурѣ страшной.

БОР. ЗАЙЦЕВЪ.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНІЕ

Вечерѣло. Ожесточенный бой за обладаніе маленькой польской деревушкой затихалъ. Первыми притихли, злорадно тарахтѣвшіе пулеметы, ибо заманчивыя цѣли ввидѣ ровныхъ длинныхъ цѣпей то въ сѣрыхъ, то въ черныхъ шинеляхъ, уже давно закопались въ землю, не имѣя силъ перешагнуть через завѣтную черту побѣды.

Побѣдителей, сегодня, не было и противники, равно уставшіе и изнемогшіе отъ нервнаго напряженія въ бою, постепенно прекращали огонь и водворявшаяся тишина нарушалась лишь одиночными выстрѣлами любителей пострѣлять, да нѣмецкая артилерія изрѣдка посылала очереди куда то вдаль и снаряды жутко журча высоко, высоко надъ головою, совсѣмъ далеко разрывались, — такъ не громко и мягко и казалось, что нѣмцы кому то не дослали извѣстной порціи снарядовъ и теперь, подсчитываясь, все ошиблись въ расчетѣ и досылали недоданное.

Подъ крутымъ откосомъ обрыва, спускающагося къ рѣкѣ, пріютилась рота резерва. Около накопанныхъ ямъ и нишъ — копошились люди, ихъ силуэты, тѣмъ ярче обрисовывались на фонѣ догорающей за рѣкою деревни, чѣмъ становилось темнѣе. Слышались негромкіе сдержанные голоса и суета.

— «Пятая рота въ ружье!», донеслось, громко, откуда то слѣва и десятки голосовъ, на разные лады повторили: «Пятая въ ружье, пятая собирайсь!»

Передъ глазами зарябили шныряющія фигуры, послышался лязгъ штыковъ, скользившихъ другъ по другу, при разборкѣ винтовокъ изъ козелъ, застучали котелки и отчетливо прозвучали голоса взводныхъ: «Первый взводъ ко мнѣ! второй взводъ стройся здѣсь!.. Ты чертовъ турокъ, опять, винтовку не найдешь... я тебѣ поговорю-рожа, сказано, становись, пока карточка цѣла».

Изъ третьяго и четвертаго взводовъ доносились болѣе энергическія выраженія.. и не прошло и пяти минутъ, какъ все затихло и только отдѣльныя фигуры маячили вдоль длинной змѣеобразной линіи роты, построившейся у обрыва,безъ соблюденія особеннаго равненія Слѣва, откуда донеслась первая команда, вспыхнулъ карманный электрическій фонарикъ и яркій элипсисъ, появившійся на землѣ сталъ приближаться къ выстроившейся и замершей ротѣ

— «Подпрапорщикъ Ковтунъ, у Васъ уже готово?», — прокричалъ молодой подпоручикъ, двигавшійся съ электрическимъ фонарикомъ.

— «Точно такъ, Ваше Б-діе, пожалуйте-съ, не упадите только, здѣсь яма. Ишь черти, накопали норы», буркнулъ себѣ въ бороду, басомъ, старый подпрапорщикъ фельдфебель Ковтунъ.

— «Рота, смирно! Равненіе направо!» вполголоса, но достаточно внушительно и отчетливо скомандовалъ Ковтунъ.

— «Стоять вольно», — подалъ команду подошедшій молодой подпоручикъ, и фонарикъ погасъ. Въ этотъ же моментъ, тамъ, откуда только что пришелъ подпоручикъ, вспыхнули два фонаря и два элипсиса, появившіеся на землѣ, рядомъ, мигая, сталкиваясь и перекрещиваясь поползли къ ротѣ.

— «Рота, смирно! Равненіе направо!» раздался голосъ подпоручика и наступила мертвая тишина.

— «Все въ порядкѣ?» — произнесъ командиръ роты, высокій крупный капитанъ, — «Такъ точно», — послышался отвѣтъ фельдфебеля.

— «Гг. офицеры, займите свои мѣста. На ремень! По отдѣленіямъ, за мной, шагомъ маршъ!» — и находу, уже, прибавилъ: «курить нельзя»

Впереди всѣхъ шли проводники и ротный командиръ, а за ними по отдѣленіямъ, плотной угрюмой массой вся рота въ двѣсти человѣкъ.

— «Будетъ что ль наступленіе на нѣмца?» — пробасилъ чей-то голосъ, обращаясь къ молодому подпоручику, шагавшему съ третьимъ взводомъ.

— «Нѣтъ, мы идемъ на смѣну первому батальону».

— «А вы знаете, Ваше Благородіе, проводники сказывали, что отъ перваго батальона нашего и половины не осталось; ихъ высокоблагородіе капитанъ Головкинъ убитъ, командиры третьей и четвертой роты ранены, двухъ подпрапорщиковъ третьей роты убило и одного, моего земляка изъ Александровскаго убило, — а сколько простыхъ — и несчесть, какъ мухи лежатъ побитые».

— «Какіе тебѣ мухи», послышались протестующіе голоса. «Нешто мухи-люди живые?.. «Живые» подхватилъ третій, «были живые, да померли».

— «Погибли во славу русскаго оружія» буркнулъ вмѣшавшійся взводный.

— «Ребята» послышался голосъ ротнаго, остановившагося, чтобы пропустить роту, «какъ нѣмецъ наведетъ прожекторъ. — падай и не шевелись.» Понятно? Такъ точно, понятно, загудѣли голоса.

На косогорѣ появилась головная часть роты, едва различаемая при слабомъ отблескѣ догоравшей впереди, деревни.

— «Вотъ онъ нѣмецъ, прожекторъ наводитъ. Ишь какъ быстро ворочаетъ», сказалъ кто-то впереди, изъ первыхъ поднявшихся на бугоръ, и восклицаніе это замерло, такъ какъ громадной силы лучъ, сталъ приближаться къ тому мѣсту, гдѣ показалась рота. Вдругъ, лучъ мигнулъразъ, другой и разомъ освѣтилъ всю роту, только что вылѣзшую на бугоръ. Что то крякнуло, зашуршало, звякнули котелки и рота пала ницъ, какъ одинъ человѣкъ. Лучъ прожектора остановился и началъ мигать. Наступило гробовое молчаніе. Молодой подпоручикъ, осторожно повернулъ голову, чтобы посмотрѣть, что дѣлается вокругъ. Его взору представились бѣлыя, искаженныя страхомъ лица, частью глядѣвшія въ сторону отъ нестерпимо ослѣпляющаго свѣта, или уткнутыя въ землю.

Бахъ, — бахъ, — бахъ!.. громыхнули выстрѣлы и на горизонтѣ мигнули зарницы ихъ изблестковъ. Четыре снаряда съ визгомъ пронеслись надъ головами и разорвались, гдѣ-то, за рѣкой. Еще мгновеніе... и лучъ поползъ дальше.

— «Кажись это не по насъ вдарилъ нѣмецъ», сказалъ кто-то очнувшись,— «это онъ спросоня, дескать и вы, молъ, не спите», сказалъ кто-то другой. «Впередъ!» послышалась команда и шуршащая масса людей опять двинулась впередъ.

«А далече, намъ итти смѣнять то?» бросилъ кто то въ пространство, но никто ничего не отвѣтилъ

— «Ваше Б-діе, глядите, наши лежатъ побитые, подобрать бы ихъ, да куда понесешь, когда самъ не знаешь куда себя схоронить».,

Вѣтеръ донесъ теплый запахъ гари. Рота спускалась по отлогому скату къ догоравшимъ остаткамъ деревни. Внезапно засвѣтившійся прожекторъ озарилъ своимъ ослѣпительнымъ лучемъ роту и повалилъ ее на землю. Разъ, два, три, четыре, — громыхнули разрывы шрапнелей. Ѣдкій запахъ пороха, защекоталъ въ ноздряхъ и жалобные, полные отчаянія голоса завопили: «санитаръ! ой, санитаръ... сюда.. ой-ой санитаръ... скорѣй, не могу...»

— «Рота впередъ!» скомандовалъ ротный Си-ни-таръ... прозвучало позади. «Тише-тише!» прошло по рядамъ... Нѣмецъ близко.

Впереди подпоручика, кто то споткнулся и мягко, шлепнулся въ грязь.

— «У, ты слѣпой дьяволъ, падаешь такъ штыкъ убери, воронки не видишь», прошипѣлъ взводный помогая выкарабкаться, попавшему въ яму.

— «Рота стой!» послышалась наконецъ команда.

— «Какая рота, пятая? Это ты Арсенъ?»

— «Я» Пройдемъ ко мнѣ въ подвалъ, я тебѣ разскажу все, что нужно.»

— «Ваше Б-діе, поглядите, — нѣмцы побитые лежатъ, въ каскахъ всѣ, прямо, замѣчательно, видно жаркое дѣло было».

Изъ окоповъ, начинавшихся у самой деревни и расходившихся перпендикулярно къ дорогѣ въ обѣ стороны, двигались люди съ носилками и тяжело ступая по пахотному, разбухшему отъ осеннихъ дождей полю, еле передвигали ноги.

«Командиръ второй полуроты!», раздался голосъ ротнаго, «смѣните третью и четвертую роты, что вправо отъ дороги».

— «Слушаюсь», отозвался подпоручикъ и двинулся съ полуротой по указанному проводниками направленію.

— «Ну, и темь же сегодня, хоть бы нѣмецъ посвѣтилъ, чуточку, покамѣстъ смѣняться будемъ», сказалъ шутливый молодой солдатъ 12-го года.

— «Ты поскули, поскули, такъ онъ тебѣ засвѣтитъ,—всю жизнь съ фонаремъ ходить будешь», немедленно отозвался другой голосъ.

— «Кто идетъ? какая рота?», раздались оклики и только теперь стало возможно разглядѣть солдатъ, сидѣвшихъ по ямамъ, по поясъ глубиной.

— «Вы кто будете, смѣна намъ?» спрашивали сидѣвшіе.

— «Смѣна, смѣна», отвѣчали пришедшіе.

— «Ну, боевая третья вылѣзай» послышались радостные возгласы, «съ нихъ будетъ, а вы,братцы, тутъ за насъ побудьте», говорили вылѣзавшіе и начинавшіе выстраиваться.

— «А что нѣмецъ близко?» какъ бы съ опаской спрашивали смѣняющіе.

— «Близко. — Завтра увидите», слышались ироническіе отвѣты. Не прошло и пяти минутъ, какъ заскользившій и заплямкавшій топотъ сотенъ ногъ по грязи, возвѣстилъ, что смѣна закончена и 5-я рота стала лицомъ къ лицу къ загадочному и суровому врагу.

— «Подпрапорщикъ Ковтунъ» въ полголоса обратился къ Ковтуну подпоручикъ. «Обстановка такова: ни справа, ни слѣва — своихъ нѣтъ. Мы смѣнили 1-й батальонъ, который во время сегодняшняго наступленія опередилъ своихъ сосѣдей. Намъ приказано держаться здѣсь, во чтобы то ни стало. «Такъ точно», убѣжденно вставилъ Ковтунъ.

— «Нужно, сейчасъ выслать секреты и хорошо было бы и вправо выдѣлить полевой караулъ».

— Не извольте безпокоиться, все уже выставлено; я вотъ, только управлюсь, пойду, на нихъ погляжу и обязанности поспрошу-съ. Вы, Вашеблагородіе, не извольте безпокоиться, солдаты все надежные, сами называются въ секретъ. Хотимъ, говорятъ, видѣть германца. Вамъ Ваше Б-діе я приказалъ принести соломы въ блиндажъ; блиндажъ, правда, одинъ смѣхъ — всего ставней накрыть, да какъ нибудь, до утра досидите, а тамъ Богъ дастъ — впередъ, а нѣтъ — такъ прикажу сдѣлать по наставленію.

«Спасибо, дорогой» — ласково и совсѣмъ не по начальнически, отвѣтилъ подпоручикъ — «спать я не буду, меня всегда можно будетъ найти здѣсь. Нашъ ротный будетъ находиться въ деревнѣ, а первая полурота, съ подпоручикомъ Богдановымъ — въ окопахъ по другую сторону деревни».

— «Такъ точно, все понятно» — одобрительно заявилъ Ковтунъ.

— «Вотъ она и война» — отходя отъ Ковтуна, произнесъ про себя подпоручикъ, вглядываясь въ ночную темноту.

— «Неужели будетъ опять дождь? Это скверно». Онъ медленно, какъ бы въ раздумьи поднялъ руку, вытянулъ кисть изъ подъ обшлага и посмотрѣлъ на часы сосвѣтящимися стрѣлками. — «Только одиннадцать — до разсвѣта еще далеко».

Откуда-то, изъ ближайшей ямы, уже раздавался храпъ. — «Неужели, здѣсь можно спать подъ дождемъ, въ сырости, подъ открытымъ небомъ?» — задалъ себѣ вопросъ подпоручикъ — «Мнѣ кажется, я бы не заснулъ».

Обойдя роту и найдя все въ порядкѣ, подпоручикъ тихо спустился къ себѣ въ нору, что бы согрѣться отъ холоднаго вѣтра.

— «Ты будешь ѣсть консервы, а, то я открою», — спрашивалъ одинъ солдатъ другого, черезъ часъ послѣ смѣны.

— «Эхъ бы, картошки сварить, вотъ было бы дѣло. Я сбѣгаю пошукаю по халупамъ, навѣрно, чтось осталось».

— «Не смѣть оставлять роты! Я тебѣ пошукаю», — грозно произнесъ подпоручикъ, невольно подслушавшій разговоръ, высовываясь изъ своей норы. — «Ты сообразишь, что если вся рота, такъ же какъ ты, пойдетъ по деревнѣ шукать картошку, то нѣмцы заберутъ насъ голыми руками?»

Голоса притихли и, только мѣрное похрапываніе ближайшихъ людей нарушало вполнѣ установившуюся тишину.

—«Ну кажется и я заснулъ» — дрожа мелкой дрожью и вытягиваясь, произнесъ очнувшійся подпоручикъ.

— «У-у-у-а-хъ! какъ сыро Какая мерзость эта осенняя слякоть и этотъ дождь сквозь сито. Слава Богу скоро свѣтаетъ. Нужно посмотрѣть, что съ ротой».

Рота спала. Бодрствовали только часовые, секреты и дозоры. Моросило и пронизывающій вѣтеръ проникалъ, чуть не до костей. Но вотъ, сумракъ ночи началъ проясняться. Сначала, изъ тумана, обозначилась линія нашихъ одиночныхъ окоповъ, затѣмъ стали вырисовываться контуры сгорѣвшей деревни. Это были жиденькія безлиственныя деревья, цѣлая вереница дымовыхъ трубъ и 6-7, чудомъ уцѣлѣвшихъ халупъ. Дальше выяснилось что позиція роты совершено изолирована и какъ бы въ нерѣшительности остановилась у самаго конца пологаго ската, что у самой лощины. Вотъ, туманъ разсѣялся настолько, что стало видно и нѣмецкое расположеніе. Этого, повидимому, ждалъ нашъ подпоручикъ и высунувшись изъ своей норы старался въ бинокль разсмотрѣть очертаніе окоповъ.

Теперь, стало возможнымъ разсмотрѣть его обликъ. Это былъ высокій стройный, худощавый, но мускулистый юноша 20-22 лѣтъ, не имѣющій въ лицѣ своемъ ничего замѣчательнаго; оно не было красиво и не было безобразно. Въ немъ не отражались какія-либо сильныя страсти; каріе глаза смотрѣли спокойно, не выдавая волненія, ни даже несомнѣннаго интереса къ впервые обнаруженному противнику. Движенія всѣ были неторопливы ,увѣрены, но безъ всякой претензіи на позировку. Одѣтъ онъ былъ по формѣ: въ сѣрую солдатскую шинель съ погонами, на которыхъ красовались двѣ звѣздочки и кованный вензель царствующаго Государя.

Погоны, даже теперь, въ столь незаурядной обстановкѣ, составляли предметъ его особаго вниманія, такъ какъ онъ только что досталъ платокъ и тщательно вытеръ вензель лѣваго погона, на который прилипла обвалившаяся земля. На немъ было офицерское снаряженіе, состоявшее изъ пояса съ наплечными ремнями, шашка, револьверъ, большая полевая сумка, растегнутый уже футляръ отъ бинокля, а самъ великолѣпный «Цейссъ» висѣлъ на ремешкѣ черезъ шею. Остается добавить, что на головѣ у него молодцевато сидѣла защитная фуражка съ офицерской кокардой и опущенымъ на подбородокъ ремешкомъ, а ноги были обуты въ сапоги изъ черной кожи, доходившими ему чуть выше колѣнъ, чтобы получилось довольно типичное изображеніе одного изъ тѣхъ молодыхъ русскихъ офицеровъ, которые тысячами стояли въ это холодное октябрьское утро по всей необъятной границѣ Великой Россіи, обозначавшейся сейчасъ не географическими и этнографическими рубежами, а доблестью арміи, ея духомъ, дисциплиной и выучкой и прочими неотъемлемыми качествами, которыми такъ была сильна въ то время Россія, имѣвшая впереди на защитѣ своихъ границъ и чести все здоровое, честное и мужественное.

Подпоручикъ увидѣлъ фигуры въ черныхъ шинеляхъ, повылѣзавшія изъ нѣмецкихъ окоповъ, что были не дальше 400 шаговъ. Фигуры эти стояли, потягивались, куда то неторопливо уходили и снова возвращались.

Наши также понемногу начали вылѣзать изъ своихъ норъ и глядѣть въ сторону нѣмцевъ

— «Ваше Благородіе, разрѣшите открыть огонь?», — заявилъ подпрапорщикъ Ковтунъ, вынырнувшій какъ изъ подъ земли. — «Война такъ война, прицѣлъ тутъ самый постоянный, — Янулисъ нашъ и тотъ не промажетъ, а для германца все же потеря».

— «Да, собственно, слѣдовало бы», подумалъ подпоручикъ и вмѣсто отвѣта скомандовалъ: — «не вылѣзать изъ окоповъ! Приготовиться!»

Цѣлая сотня головъ вдругъ высунулась изъ ямъ... защелкали затворы и наступила грозная тишина.

— «Полурота можетъ открыть рѣдкій огонь!», — отчетливо скомандовалъ подпоручикъ и поднесъ къ глазамъ Цейссовскій бинокль. Еще не замеръ послѣдній звукъ команды, какъ кто то уже успѣлъ спустить курокъ... и нелѣпое и рѣзкое «тахъ» нарушило тишину начинающагося дня Не успѣлъ еще каждый выпустить по одной пулѣ, какъ съ нѣмецкой стороны застучали выстрѣлы и поле совершенно обезлюдѣло. Перестрѣлка начинала разгораться. Не взирая на то, что ничего и никого, казалось, не было видно сразу же справа передали:

— «Ваше Б-діе, Карпенку ранило, — кончается. Въ голову попали, черти.»

Два нѣмца, съ котелками въ рукахъ, появились вдругъ за своимъ окопомъ, спѣша укрыться въ немъ съ приготовленой ѣдой.. но два сухихъ выстрѣла съ нашей стороны — уложили ихъ на мѣстѣ. Но вотъ въ дѣло вмѣшалась нѣмецкая артиллерія. Десятки гранатъ съ визгомъ и ужаснымъ воемъ стали то тутъ, то тамъ взымать фонтаны земли и грязи, а рвущаяся шрапнель тысячами пуль засыпать сверху.

Солдаты какъ то сразу съежились и присмирѣли.

— «Ваше Б-діе, а гдѣ же наша артиллерія, чего она не стрѣляетъ? Глядите, нѣмцы повылѣзали, они насъ не боятся, а мы имъ ничего не можемъ сдѣлать!..», — жаловались ближайшіе сосѣди справа и слѣва.

Положеніе роты становилось трагическимъ. Люди свернулись клубками въ своихъ ямкахъ, затаивъ дыханіе. Надъ ними рвалась шрапнель, не давая возможности высунуть головы.

— «Смотрите, братцы, чтобы нѣмцы не бросились въ атаку. Держи винтовки наготовѣ. Всѣмъ зарядить винтовки!», — наставлялъ подпоручикъ и видно было, что приказаніе это всѣми понято и воспринято.

Моросившій дождь обратился въ мелкую, холодную крупу и временами поле начинало даже бѣлѣть, но крупа переходила снова въ дождь и все опять окутывалось сѣрой промозглой сыростью поздней октябрьской осени.

— «Ваше Б-діе, разрѣшите я сбѣгаю къ ротному, доложу, чтобы передали нашимъ батарейцамъ, чтобы они насъ поддержали», — обратился къ подпоручику рядовой Зубковъ, — «а то, глядите», — онъ указалъ рукой: — «кого то изъ 4-го взвода изъ окопа выкинуло — вонъ, лежитъ. Этакъ, насъ всѣхъ перебьютъ».

— «Санитаръ, санитаръ!..», — раздались вдругъ тревожные крики изъ 3-го взвода. — «Санитаръ!..», — Видно было, какъ санитаръ на корточкахъ подползъ къ кричавшему, но вдругъ тяжело рухнулъ ничкомъ и замеръ.

— «Ваше Б-діе, я сбѣгаю доложу», — напомнилъ о себѣ Зубковъ.

— «Иди!», — отвѣтилъ подпоручикъ, — «но берегись...»

Зубковъ, вызвавшійся оповѣстить артиллерію, снялъ фуражку, набожно перекрестился и торопливо кинувъ: «Прощайте, Ваше Б-діе!..», — выскочилъ изъ своей ямки и опрометью бросился бѣжать по направленію къ деревнѣ. Вдругъ онъ какъ бы споткнулся, винтовка вылетѣла изъ рукъ, а самъ онъ съ протянутыми руками, упалъ въ свѣжую воронку отъ гранаты. У подпоручика, видѣвшаго эту картину захолонуло сердце, и вдругъ онъ увидѣлъ, какъ къ воронкѣ, изъ которой торчали ноги упавшаго Зубкова, ползетъ его отдѣленный Козловъ. Козловъ скрылся въ воронкѣ и черезъ минуту высунулъ оттуда голову.

— «Скончался», — передалъ онъ ротѣ, снимая фуражку и творя крестное знаменіе.

Маленькія струйки дождя то и дѣло скатывались со ставни, служившей подпоручику блиндажемъ, на стѣны, то падали на шинель, на солому, подостланную подпрапорщикомъ Ковтуномъ, а мелкіе брызги, какъ назойливыя мухи, попадали въ лицо, стряхивались, попадали вновь и, наконецъ, стряхивались подпоручикомъ носовымъ платкомъ

— «Это не война», — думалъ подпоручикъ. — «Чего насъ держатъ здѣсь безъ всякой пользы: ни впередъ, ни назадъ, ни высунуться, ни повернуться.. Впрочемъ, не вырыть ли сплошной окопъ? Тогда можно будетъ хоть сообщаться, — все-таки легче станетъ. Нужно сдѣлать настоящій окопъ».

Съ этими мыслями онъ приподнялся и зацѣпилъ головой полотнище палатки, наброшенное поверхъ ставни. Собравшаяся въ складкахъ полотнища вода неожиданно вдругъ вылилась ему на затылокъ и тѣмъ самымъ косвенно повліяла на уже принятое рѣшеніе.

— «Гдѣ въ такой грязи копаться, мучить людей», — подумалъ онъ. — «Развѣ прокопаешь почти полъ версты нашими шанцевыми малыми лопатами. Конечно, не стоитъ! Сизифова работа, ну ее къ чорту — потерпимъ такъ, да и не будемъ же мы тутъ стоять цѣлую вѣчность.

Шли часы, а положеніе не мѣнялось Нѣмцы поддерживали огонь, рота притаилась, сумрачно молчала и съ каждымъ часомъ все больше и больше теряла вѣру въ свои силы. Уже не слышались больше шутки, и разговоры... Кто сосредоточенно затягивался цыгаркой, кто безсмысленно жевалъ корку черстваго хлѣба и никто уже не высовывался, чтобы пострѣлять...

Происходила незримая «сдача инициативы», тотъ психологическій переломъ, который рѣшаетъ исходъ сраженія въ тѣхъ случаяхъ, когда одна изъ сторонъ, еще дерзаетъ. Это ясно понималъ молодой подпоручикъ, но онъ чувствовалъ себя безсильнымъ маленькимъ и жалкимъ.

Хотя бы скорѣе ночь, а съ нею покой отъ этой ужасной стрѣльбы, отъ этого томительнаго ожиданія ежеминутной смерти.. а тамъ навѣрно пріидетъ и смѣна, вѣдь, нельзя же вторые сутки провести въ такой обстановкѣ; вотъ о чемъ думалъ онъ.

Стемнѣло. Дождь все моросилъ и, какъ бы гасилъ всякія надежды. Смѣна не пришла Нѣсколько нестроевыхъ на плечахъ притащили въ мѣшкахъ немного хлѣба и сахара. Они же объявили ,что кухни не пріѣдутъ — обоза нѣтъ. Наступила желанная ночь — вторая ночь еще болѣе нудная и безконечная. Въ ямѣ сидѣть уже было хуже, чѣмъ ходить поверху, а въ сущности и то, и другое было одинаково незавидно.

— «Когда же окончится эта ночь?», — слагалось въ умѣ подпоручика.

— «Ваше Б-діе, разрѣшите мнѣ сбѣгать въ халупу погрѣться, у меня худые сапоги — совсѣмъ озябъ, хоть портянки высушу», — умоляюще обратился подошедшій рядовой изъ запасныхъ, — «дозвольте?!»

— «Иди, только возвращайся поскорѣй».

— «Покорнѣйше благодарю!..», — произнесъ проситель и скрылся въ ночной темнотѣ.

Въ этотъ же моментъ донесся плямкающій звукъ шаговъ, приближающійся съ нѣмецкой стороны. Подпоручикъ остановился и растегнулъ крышку кобура.

— «Кто идетъ?» — раздался окликъ.

— «Свои. Плѣнныхъ дозорныхъ ведемъ. Это мы — Голицынъ и Сазоновъ», — раздались голоса, съ ясно сквозившими радостными, горделивыми нотками.

Трофей окружили со всѣхъ сторонъ любопытные солдаты.

— «По мѣстамъ!.. По мѣстамъ!..», — приказалъ подпоручикъ. — «А вы отведите плѣнныхъ къ ротному, а потомъ съ ними же прогуляйтесь въ штабъ полка», — и, подумавъ, прибавилъ: — «Въ награду — три часа на обсушку».

— «Покорнѣйше благодаримъ, Ваше Б-діе!..», — радостно воскликнули Сазоновъ и Голицынъ, ибо посушиться и попить чайку теперь было мечтою каждаго.

— «Позвать ко мнѣ подпрапорщика», — приказалъ подпоручикъ.

— «Господинъ подпрапорщикъ, васъ требуютъ полуротный!..», — ушло въ темноту и, черезъ минуту, подпрапорщикъ Ковтунъ уже стоялъ передъ подпоручикомъ, въ почтительной позѣ, поправляя съѣхавшій на животъ кобуръ.

— «Чего изволите, Ваше Б-діе?», — участливо вопросилъ Ковтунъ. — «Я пройду на минутку къ ротному, а вы здѣсь останьтесь за меня и присмотрите.

— «Слушаюсь! Не извольте безпокоиться», — прозвучалъ знакомый басъ

Ротный командиръ встрѣтилъ подпоручика сурово. — «Вы почему оставили своихъ людей?», — грозно спросилъ онъ, подавая руку. — «У Васъ, навѣрно, есть какія нибудь серьезныя причины?»

— «Никакъ нѣтъ, господинъ капитанъ», — смущенно отвѣтилъ подпоручикъ, — «я пришелъ узнать, когда будетъ намъ смѣна: люди совсѣмъ перемерзли и промокли — всѣ дрожатъ».

— «Смѣна пріидетъ своевременно. Вамъ нечего объ этомъ безпокоиться».

— «А неизвѣстно, долго ли мы будемъ здѣсь стоять?», — какъ то машинально спросилъ подпоручикъ, а самъ подумалъ, чего я задалъ такой глупый вопросъ.

— «Чего вы меня объ этомъ спрашиваете? Стоять мы будемъ здѣсь ровно столько, сколько нужно, — ни одной минутой больше, ни одной минутой меньше. Больше у Васъ нѣтъ никакихъ вопросовъ?»

— «Никакъ нѣтъ...»

— «Тогда досвиданія. Потрудитесь не оставлять полуроту безъ приказанія. Вы подаете дурной примѣръ вашимъ подчиненнымъ...»

Наступилъ и прошелъ третій день и третья ночь такъ, какъ обыкновенно въ сводкахъ отмѣчалось: «безъ перемѣнъ». Подошла и четвертая ночь, — четвертая, ужасная ночь.

Дождь лилъ, какъ изъ ведра Окопчики по щиколотку наполнились водой. Солдаты то и дѣло черпали воду и жидкую грязь котелками и плескали ее за брустверъ. Этими звуками расплескиваемой воды, стукомъ котелковъ и мѣрнымъ паденіемъ дождя и нарушалась ночная тишина. Днемъ опять былъ обстрѣлъ. Двухъ убило, семерыхъ ранило. Убитые лежали въ грязи и мокли. Раненыхъ унесли.

Подпоручикъ сидѣлъ въ своей ямѣ молчаливо. Угрюмыя мысли давили его мозгъ и доводили его до отчаянія Какой ужасъ эта война, думалось ему и зачѣмъ я пошелъ на военную службу? Почему она меня такъ привлекала и даже эта самая война, казалась такой заманчивой и интересной? А если бы я не былъ военнымъ — тогда? Тогда бы мнѣ тоже пришлось быть на войнѣ и въ такомъ же положеніи — невольно приходилъ отвѣтъ. Но почему же мы сидимъ здѣсь и мокнемъ какъ губки и безнаказанно разстрѣливаемся? — вставалъ другой вопросъ. Какъ это хорошо выходило у Румянцева, Суворова и Паскевича... Они ходили, разбивали, брали въ плѣнъ... торжествовали А мы... сидимъ. А, главное, мы сидимъ, а насъ разстрѣливаютъ. Но, вѣдь, извѣстно, что и Румянцеву, и Суворову и другимъ приходилось быть и подъ такимъ дождемъ и въ такой слякоти... На Альпахъ тоже, вѣдь, было холодно и, навѣрно, даже куда тяжелѣе, а все это пройдено и пройдено со славой Вотъ эти проклятые нѣмцы — имъ хорошо! Какъ ихъ поддерживаетъ артиллерія — въ обиду не даетъ никакъ. Къ нимъ не подойти. Сколько наложили они изъ нашего 1-го батальона, — страшно подумать... Почему же они тогда сидятъ? Вотъ это, дѣйствительно, непонятно. Будь мы въ такомъ положеніи, какъ они, мы бы ихъ загнали за границу въ одинъ пріемъ.. А вѣдь и они выплескиваютъ воду такъ же, какъ и мы, — я самъ вчера видѣлъ... И правъ Великій Суворовъ, учившій солдатъ, говоря: «если намъ тяжело, то и непріятелю не легче»...

Этотъ афоризмъ подѣйствовалъ на прапорщика успокаивающе и онъ даже улыбнулся Прошло еще два часа. Навязчивыя мысли стали возвращаться еще болѣе дерзкими, еще болѣе настойчивыми. На нервы дѣйствовало, почему то особенно — намокшія колѣни брюкъ. Шинель уже давно намокла и набухла такъ сильно, что стѣсняла дыханіе... Хотѣлось встать и бѣжать, бѣжать и обсушиться, хотѣлось заснуть, хотѣлось покоя.

— «Хотя бы ранило меня, вотъ бы счастье.. лазаретъ, тепло, бѣлье, вкусная пища, почетъ... и жизнь со всѣми ея прелестями. И тутъ же приходило само собой: какой же я подлецъ. Если бы всѣ думали такъ и старались уйти.. кто бы воевалъ? Кто обязанъ подавать примѣръ?.. — мы, кадровые офицеры.. это наша профессія... Государство меня даромъ учило, мнѣ платили жалованье... я принялъ присягу, — наконецъ, я служу въ полку, въ которомъ предки мои совершали легендарные подвиги, не считаясь ни съ погодой, ни съ временемъ, ни съ численностью врага... они были герои духа и долга.. Нѣтъ, — лучше не думать. Часы тянулись мучительно медленно. До разсвѣта оставалось два часа.

Сидѣть стало невыносимо. Хотѣлось встать, но ноги затекли и ныли. Слава Богу, кажется ревматизмъ... это предлогъ... я больше не могу... пойду доложу ротному, что заболѣлъ...

И, вдругъ, потъ выступилъ у него на лбу...

— «Ревматизмъ?.. болѣть въ такое время?.. вы опять оставили свое мѣсто?», — скажетъ ротный командиръ, а, можетъ быть, добавитъ: — «Вы позорите полкъ, уходите, — такіе офицеры намъ не нужны..» — Гдѣ же выходъ?!.

— «Ваше Б-діе, хотите сахару съ хлѣбомъ?», — прозвучалъ басъ Ковтуна, — «Вы, сказываютъ, ничего не ѣли. Тутъ у меня завалялось яичко...», — сказалъ онъ, просовывая все въ дыру.

— «Спасибо, дорогой, мнѣ не хочется» — отвѣтилъ подпоручикъ, мягко отстраняя руку.

— «Ваше Б-діе, Вы ѣшьте, все же легче на душѣ будетъ. Я положу все сюда», — сказалъ онъ, просовывая руку, куда то подъ ставню... и опять наступила тишина

Нѣтъ! Довольно! Прочь всѣ мысли! Нужно терпѣть, нужно взять себя въ руки. Почему Ковтунъ ни на что не жаловался, почему онъ всегда такой ровный и вѣчно бодрый?.. Потому что онъ военный, а я нѣтъ!.. Боже! Укрѣпи мою волю, дай мнѣ силъ перенести испытаніе. Спаси меня отъ позора и безчестія!. Съ этими словами, вырвавшейся молитвы, подпоручикъ встрѣтилъ разсвѣтъ.

— «Ваше Б-діе, нѣмцы! Глядите! Глядите!.. — изъ нѣмецкихъ окоповъ вылѣзали фигуры въ черныхъ шинеляхъ и, быстро выстраивались.

— «Ну, ребята, приготовсь!..», — скомандовалъ, овладѣвшій собой, подпоручикъ и глаза его засвѣтились непоколебимою рѣшимостью.

— «Ваше Б-діе, гляди, какая масса претъ!», — воскликнулъ Сазоновъ.

— «...Постоянный, часто начинай!..», — скомандовалъ подпоручикъ. Порывисто шли нѣмцы. Артиллерія наша, почему то, не стрѣляла. Пулемета при ротѣ не было и приходилось разсчитывать только на свои собственныя силы. Лихорадочно работали затворы, сотнями вылетали стрѣляныя гильзы, а нѣмцы шли твердо и ровно, даже не видно было, несли ли они потери. Ихъ было такъ много, что, казалось, что рота будетъ стерта съ лица земли. Рота развила максимальный огонь. Затрещало и справа и слѣва, забухала артиллерія и все слилось въ сплошной гулъ. Вдругъ нѣмцы бросились въ атаку...

— «Ребята, не робѣй!..», — донесся голосъ Ковтуна.

— «Не робѣй, ребята!..», — громко прокричалъ подпоручикъ, съ мрачной рѣшимостью извлекая шашку. Тутъ только онъ замѣтилъ, какъ рухнули сразу четыре, впереди бѣжавшихъ нѣмца.

— «Наша беретъ!..», — вскрикнулъ онъ.

— «Наша, наша беретъ!..», — прокатилось по цѣпи. Одинъ за однимъ падали нѣмцы, ряды ихъ разорвались; кто бѣжалъ назадъ, кто безпомощно лежалъ въ грязи. Атака была отбита...

— «Если намъ тяжело, то и непріятелю не легче», — еще разъ вспомнились слова Великаго Суворова и подпоручикъ, гордо стоялъ по щиколотку въ водѣ, мокрый и голодный, но упоенный всепоглощающей побѣдой..

А черезъ часъ по цѣпи радостно пролетѣло: — Вечеромъ придетъ смѣна!..

К. ПОПОВЪ.

ЭМИГРАНТСКОЕ КОСНОЯЗЫЧІЕ

Въ тяжкія годы изгнанія надо особенно беречь родной языкъ. Беречь, какъ религію, какъ безцѣнное сокровище, потому что это послѣдняя нить, которая связываетъ насъ съ отечествомъ.

Отнимите у насъ языкъ, на которомъ мы всѣ говоримъ, и превратится не общество, а человѣческая пыль, ничѣмъ не связанная и ничѣмъ не объединенная.

Но бережемъ ли мы?

Увы! Чѣмъ больше длятся годы изгнанія, тѣмъ яснѣе становится, что заграницей у насъ сложился какой то новый, «эмигрантскій» языкъ, до послѣдней степени засоренный, потускнѣвшій и какъ будто даже обнищавшій.

На нашихъ глазахъ языкъ усыхаетъ, какъ обмелѣвшая рѣка. Исчезаетъ его сверкающій блескъ, пропадаетъ сказочное богатство и сила и невѣдомо куда запропастилась даже свѣжесть и молодость русской рѣчи.

Раскройте, сидя въ Берлинѣ, старую книгу Аксакова и вы сразу почувствуете эту страшную разницу.

У Аксакова — не слова, а старинные, тяжелые и звонкіе червонцы, а у насъ — грошики и притомъ очень часто фальшивые.

Правда, положеніе у насъ создалось особенно трудное. Въ эмиграцію, какъ въ большой котелъ, влились всѣ народности, всѣ нарѣчія и всѣ говоры старой Россіи. Бѣлостокъ у насъ смѣшался съ Москвой, Тифлисъ съ Петербургомъ, Кобеляки съ Архангельскомъ. Эта смѣсь была, конечно, и раньше, была и дома, въ Россіи. Но тамъ она не была страшна, потому что живой родникъ народной русской рѣчи все промывалъ и все очищалъ. Но здѣсь, въ эмиграціи, этого родника больше нѣтъ, онъ слишкомъ далекъ отъ насъ и оттого прежній сказочный богачъ, на нашихъ глазахъ превращается въ хроменькаго нищаго.

Особенно жалко бываетъ смотрѣть на русскихъ дѣтей, которые растутъ во всѣхъ углахъ Европы и поневолѣ вынуждены довольствоваться тяжелой смѣсью французскаго и нѣмецкаго съ нижегородскимъ и одесскимъ.

Чтобы читатель могъ судить, какъ далеко «эмигрантскій» языкъ ушелъ отъ прекраснаго московскаго образца, я позволю себѣ привести изъ моей записной книжки цѣлый рядъ наиболѣе типичныхъ ошибокъ, которыя каждый день можно слышать и въ Берлинѣ, и въ Парижѣ, и всюду, гдѣ живутъ русскіе эмигранты.

Маленькій русскій мальчикъ, при видѣ летящей птицы, говоритъ:

— **Фогель** полетівъ домой.

Коротенькая фраза изъ трехъ словъ составлена на трехъ языкахъ:

Мальчикъ живетъ въ Германіи и взялъ у нѣмцевъ «фогеля». Няня у мальчика малороссіянка и оттого — полетівъ. Семья русская и потому — домой.

Но не печально ли, что отъ русской семьи, отъ отца съ матерью, русскій мальчикъ взялъ только одно слово изъ трехъ? Очевидно, семья не бережетъ, или мало бережетъ чистоту рѣчи своего ребенка.

Русская дѣвочка дошкольнаго возраста, живущая въ Берлинѣ, жалуется матери:

— Я обрѣзала пальцы шерами (ножницами).

Русскія дѣти, получающія образованіе въ нѣмецкой гимназіи, говорятъ:

— Если не хотите играть крокетъ, будемъ играть тенисъ.

Нѣтъ надобности и говорить, что вывести этотъ соръ изъ дѣтской рѣчи могутъ только семья и школа. Хорошій учитель русскаго языка, въ условіяхъ эмигрантскаго быта, пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, большое національное значеніе. И не слѣдуетъ думать, что дѣтскія ошибки въ родномъ языкѣ маловажны и что «фогель», который «полетівъ» домой, не представляетъ для ребенка никакой опасности. Нѣтъ, «фогель» — вещь серьезная. Я зналъ за границей двухъ взрослыхъ дочерей одного знаменитаго русскаго писателя (стараго эмигранта), изъ которыхъ одна дочь совсѣмъ не говорила по-русски, а другая, если и говорила, то не безъ «фогеля».

Люди взрослые, конечно, не такъ поддаются вліянію иноземнаго языка, какъ ребята. Но и у нихъ, на второмъ и на третьемъ году эмиграціи, начинаетъ «ломаться» языкъ и попадаются нелѣпыя и смѣшныя ошибки. Особенно неустойчивы, разумѣется, люди не-русскаго корня, но говорящіе и думающіе по-русски.

Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Русская нѣмка, родившаяся въ Россіи и окончившая русскую гимназію, кричитъ расшалившемуся сыну:

— Петичка, я тебя выколочу!

Русскій нѣмецъ, родившійся на Волгѣ, говоритъ:

— Я жилъ въ Россіи, какъ Христосъ за пазухой.

Пожилой еврей жалуется, что его обокрали большевики:

— Пришелъ какой то типъ и принялъ у меня золотые часы и брилліанты.

Словомъ, «типъ» наше эмигрантское косноязычіе вообще сильно злоупотребляетъ. Въ первоначальномъ своемъ значеніи это слово (какъ и слово шарлатанъ) уже почти не употребляется и понемногу становится бранымъ. «Типъ» не платитъ по векселямъ, «типъ» укралъ часы, «типъ» привязался къ женщинѣ на улицѣ.

Говорятъ даже такъ:

— Тогда я далъ «типу» по мордѣ!

Безъ толку и безъ надобности употребляется и слово «типично», «типичный».

Два пожилыхъ еврея (оба изъ черты осѣдлости) калякаютъ между собой:

— Какой у насъ сегодня день?

— Вовторникъ?

— Охъ, кажется, среда?

— Да нѣтъ же, типичный вовторникъ!

Еще примѣры:

Русскій французъ изъ Петербурга говоритъ:

— Я имѣлъ имѣть маленькую дачу въ Петергофѣ.

Нѣмецъ изъ Москвы:

— Сегодня у меня обѣдалъ графъ Строгановъ помощникъ управляющій.

Учитель русской гимназіи (родомъ чехъ) разсказываетъ ученикамъ біографію Геродота:

— Геродотъ **примыкъ**, или правильнѣе сказать, **примкнулъ** къ аристократической партіи.

Молодая дама, еврейка изъ Бѣлостока:

— Вчера я познакомилась съ инженеромъ путемъ сообщенія.

Полякъ изъ Кіева:

— Аптечный магазинъ (вмѣсто аптекарскій).

— Голодающій голъ (вмѣсто голодный).

Русскій гимназистъ послѣ перваго урока алгебры:

— Алгебра страшно легко!

Еврейка, окончившая русскую прогимназію:

— Ребенокъ кричитъ безчеловѣческимъ голосомъ.

Одесскіе спекулянты (и русскіе, и евреи, и греки безразлично):

— Прежде я интересовался съ мыломъ, а теперь я интересуюсь только съ гвоздями и отчасти съ яйцами.

Молодая барышня, русская, изъ Харькова:

— Я очень люблю **ландышевые** духи.

Малороссы и поляки очень часто ошибаются въ родѣ именъ существительныхъ одушевленныхъ. Они говорятъ:

— Мой собака (въ зависимости отъ пола собаки).

— Мой лошадь.

— Большой сволочь.

Малороссъ жалуется, что у него конь тугоуздый:

— Какой тупой лошадь!

Матросская пѣсня говоритъ:

«Всякій сволочь про то знаетъ,
Какъ матросъ пьетъ и гуляетъ,
А никто того не знаетъ,
Какъ матросъ страдаетъ».

Рѣшительно всѣ, безъ различія національностей — поляки, малороссы, грузины, евреи, нѣмцы, латыши, французы и русскіе — и говорятъ и пишутъ:

— Одѣть шляпу, одѣть корсетъ, раздѣть калоши.

Русскому человѣку, выросшему въ центральныхъ или сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ чистота рѣчи осталась во всей неприкосновенности, эти выраженія просто непонятны. Они порождаютъ даже недоразумѣнія. — Надѣть шляпу — это ясно. Но «одѣть» шляпу — это чепуха. Во что же ее одѣть и зачѣмъ одѣть: что, она простудится, что ли? Но русскіе, выросшіе на югѣ и привыкшіе къ засоренному языку, уже не слышатъ здѣсь ничего безобразнаго. Это странно сказать, но выраженія «одѣть пальто» и «одѣть шляпу» попадаются даже въ раннихъ произведеніяхъ Чехова (сказался его Таганрогъ!).

Очень часто, и теперь почти повсемѣстно (даже въ Москвѣ) употребляется отвратительное, безграмотное и совершенно варварское слово:

— Извиняюсь!

Кажется, это революція занесла это словцо съ юга на сѣверъ. Золотая революціонная молодежь (матросы, курсанты и «буденные» офицеры) считаютъ признакомъ хорошаго тона на каждомъ шагу совать въ разговоръ эту пакость:

— Извиняюсь, мы пришли дѣлать обыскъ!

Я слышалъ, впрочемъ, это мерзкое словцо и въ другихъ комбинаціяхъ, даже въ такихъ:

— Извините меня передъ Яковомъ Соломоновичемъ.

Въ большомъ ходу (въ особенности среди уроженцевъ западнаго края) выраженія «подойти», вмѣсто прійти и «подъѣхать» вмѣсто пріѣхать:

— Я сегодня **не сумѣю подъѣхать** къ вамъ на обѣдъ.

— Вчера я хотѣлъ **подойти** къ вамъ на квартиру, но васъ не было дома.

Люди, говорящіе такъ, даже не понимаютъ, что «подъѣхать» звучитъ двусмысленно, почти такъ же, какъ «объегорить». (Ты батюшка, ко мнѣ не подъѣзжай лисичкой и не подсыпайся горошкомъ). Нельзя обойти молчаніемъ и безобразныя ударенія «эмигрантскаго» языка.

— Я икаю, ты чихаешь, онъ додырничаетъ.

Но ударенія — это дѣло поправимое. Зато гораздо труднѣе бороться съ непониманіемъ духа языка и его внутренняго благообразія. Такъ малороссы, поляки и южные евреи очень часто злоупотребляютъ мѣстоименіемъ «себѣ», которое они пристегиваютъ къ глаголамъ всѣхъ залоговъ и всѣхъ наклоненій. Это одна изъ распространенныхъ ошибокъ.

Малороссъ говоритъ:

— Я зналъ себѣ одну барышню.

Непризнанный поэтъ изъ Бѣлой Церкви пишетъ стихи и — что всего ужаснѣе — даже посылаетъ ихъ въ редакцію газеты:

«Я сидѣлъ себѣ
На скамеечку,
Цѣловалъ себѣ
Свою Леечку».

Варварски говорятъ по-русски и бывшіе офицеры нашей службы изъ нѣмцевъ, финновъ и французовъ. Они, впрочемъ, и въ Россіи такъ говорили:

— Здорово, молодцы государевая рота!

— Гг. офицеры, я не здороваться буду! (вмѣсто не буду здороваться).

Особенно не удавалась русская рѣчь французу, принцу Химе Бурбонскому. Когда однажды на царскомъ смотру ему напомнили, что надо скомандовать войскамъ «смирно!» по случаю прибытія великаго князя, принцъ сказалъ:

— Я не буду скомандовать смирно: великій князь для меня — слишкомъ мелкой рыбъ.

Очень грѣшатъ, непростительно грѣшатъ противъ языка и наши русскія газеты. Уже давно, еще въ Россіи, газетный языкъ считался образцомъ безвкусія и безграмотности. Но въ эмиграціи газеты пишутъ такъ, что поневолѣ вспомнишь шутку Л. Н. Толстого:

— Изобрѣтеніе книгопечатанія очень способствовало распространенію невѣжества и безграмотности.

Вотъ нѣсколько, особенно яркихъ образцовъ газетнаго косноязычія, запавшихъ мнѣ въ память:

— «Пятый годъ большевики **верзильничаютъ** въ Кремлѣ».

Безъ всякаго сомнѣнія, авторъ не зналъ, что слово «верзила» обозначаетъ долговязаго и нескладнаго малаго. Онъ думалъ, что «верзила» все равно, что «громила».

Еще газетный примѣръ:

— «Это совсѣмъ не мой родственникъ, — сказала она, — это просто седьмой кисель».

Конечно, авторъ слышалъ народное выраженіе «седьмая вода на киселѣ», но незнаніе языка и тупое ухо не могли предостеречь его отъ смѣшной отсебятины и получился — «седьмой кисель».

Еще газетные примѣры.

— «Огромный интересъ представляетъ изъ себя пересмотръ соціалъ-демократической программы».

Это, разумѣется, простая безграмотность, хотя и весьма распространенная. Для русскаго уха она звучитъ почти такъ же, какъ выраженіе «вы очень хорошо выглядываете изъ себя». Странно сказать, но написалъ эту фразу русскій человѣкъ и даже писатель, которому, конечно, ужъ никакъ не слѣдовало ни выглядѣть «изъ себя», ни представлять «изъ себя».

Наконецъ, еще одна колченогая фраза изъ газеты. Хроникеръ пишетъ о паденіи германской марки:

— «Къ и безъ того безнадежному положенію германскихъ финансовъ, прибавилась еще новая напасть».

Конечно, за такое выраженіе редакторъ долженъ бы былъ, какъ говорится, перебить руки и ноги.

Но наши редакторы (не въ обиду будь имъ сказано) — народъ лѣнивый и неряшливый. Я больше 25 лѣтъ работаю въ газетахъ, но я почти никогда не видѣлъ, чтобы редакторъ серьезно заботился о чистотѣ газетной рѣчи и считалъ себя отвѣтственнымъ за каждую безграмотность и за каждое дикое слово въ газетѣ. Рукописи сдаются въ наборъ, обычно, безъ правки во всемъ ихъ «первоначальномъ безобразіи». А затѣмъ редакторъ надѣется на корректора, корректоръ на «выпускающаго» и въ конечномъ итогѣ въ публику идутъ, въ полной неприкосновенности и «седьмой кисель», и «верзильничающіе» большевики.

Но, думается, что, по крайней мѣрѣ, въ условіяхъ эмигрантскаго быта, редакторы и секретари газетъ должны бы понимать, что такое отношеніе къ родному языку совершенно немыслимо, непозволительно и недопустимо.

Совсѣмъ недостаточно, на другой день послѣ «седьмого киселя», хвататься за голову и патетически восклицать:

— «Ахъ, чортъ его подери, [illegible]!..»

Надо не восклицать, а работать!

АЛЕКСАНДРЪ ЯБЛОНОВСКІЙ.

ВИЗИТЪ

(Изъ романа «Сивцовъ Вражекъ»).

Къ Стольникову пришли подъ утро и стукомъ въ дверь подняли Григорія.

— Вы, гражданинъ, кто?

Григорій, хоть и спросонья, хмуро отвѣтилъ вопросомъ.

[illegible]

Четверо стояли вооруженные, а спрашивалъ пятый, въ кожаной куркѣ, съ краснымъ бутафорскимъ бантомъ. Махнулъ у Григорія подъ носомъ ноганомъ:

— Мы вотъ кто. Офицеръ Стольниковъ, который тутъ?

— На что вамъ его? Спятъ они. Не къ чему ихъ безпокоить.

— Ты что же, денщикъ его, что ли?

— Денщикъ.

— И тебя заберемъ. Денщиковъ, братъ, нѣтъ больше, коли не понимаешь. Ну, поворачивайся!

И ввалились въ спальню Стольникова.

Григорій смотрѣлъ мрачной тучей. Не испугался нисколько — видалъ всякіе виды.

Обрубокъ лежалъ подъ одѣяломъ, повернувъ голову къ вошедшимъ. Онъ проснулся отъ стука, понялъ и теперь смотрѣлъ на вошедшихъ молча, нахмуривъ брови. Въ глазахъ была злая усмѣшка.

— Вы, что ли, офицеръ Стольниковъ? А ну, вставай, не стѣсняйся, здѣсь бабъ нѣтъ.

Григорій мрачно и раздѣльно сказалъ:

— Спроси сначала, могутъ ли они встать. Не знаете сами, куда идете. Развѣ это полагается инвалидовъ безпокоить?

Черная тужурка прикрикнула:

— Ты, товарищъ денщикъ, не очень разговаривай; заберемъ и тебя безъ предписанія. Подымай своего барина. Мандатъ у насъ имѣется. Безъ разговоровъ, граждане, документы свои предъявите.

Стольниковъ тихо произнесъ:

Дай имъ документы, Григорій.

— Вы что жъ, инвалидъ? — спросилъ черный.

Стольниковъ не отвѣтилъ, смотрѣлъ черному въ глаза насмѣшливо.

— Спрашиваю — надо отвѣчать. И въ постелѣ нечего прохлаждаться. Предписано доставить васъ, а ужъ тамъ разберутъ, чѣмъ больны. Это дѣло не наше.

Солдаты смотрѣли съ любопытствомъ. И лицо, и голосъ лежащаго офицера были особенными. И видѣли, что начальникъ наряда смущенъ, хоть и держитъ тонъ.

Отдавая документы, Григорій сказалъ тихо:

— Безъ рукъ, безъ ногъ они. Нечего вамъ съ ними дѣлать.

Начальникъ наряда промычалъ:

— Дѣло не мое. Есть приказъ доставить. И никакихъ не можетъ быть разсужденій. Ходить то можетъ онъ?

— Ежели говорю безъ рукъ, безъ ногъ!...

— Мнѣ все одно, хоть безъ головы. Приказъ ясный, значитъ не о чемъ говорить. Смотри, какъ бы и тебя не забрали.

— Меня нельзя, я за нимъ хожу.

— Нянька? Тоже — солдатъ называется.

— Ужъ какой есть, тебя не спрашивали.

[illegible] а, товарищъ, не дерзи, управа [illegible]. Ладно, подымай своего барина.

Стольниковъ, сверкнувъ глазами, сказалъ громко:

— Ты, хамъ, на войнѣ-то воевалъ? Или только съ офицеромъ воюешь?

Черный вспылилъ:

— Забирай его, ребята, какъ есть, нечего смотрѣть!

Ни одинъ солдатъ не двинулся.

Тогда черный, держа въ рукѣ наганъ, подошелъ къ постели Стольникова и закричалъ:

— Встать!

Встрѣтилъ насмѣшливый взглядъ. Стольниковъ не шевельнулся.

Черный въ бѣшенствѣ схватилъ края одѣяла и сдернулъ съ лежащаго. Въ прорѣзъ рубашки глянулъ лоснящійся рубецъ плеча; другой рукавъ былъ подвернутъ подъ спину, а вся рубашка — подъ бедра. Не дрогнувъ мускуломъ лица, Обрубокъ только глазами впился въ лицо черняго.

Тогда сказалъ Григорій:

— Что жъ это, братцы, дѣлаете? Развѣ такъ можно!

Одинъ солдатъ стукнулъ прикладомъ и проворчалъ:

— Эй, брось его, пущай лежитъ. Какая въ немъ безопасность.

Другой поддержалъ:

— На кой онъ намъ нуженъ. Видишь — инвалидъ полный.

Григорій подошелъ къ постели, плечемъ отстранилъ черняго и накрылъ офицера одѣяломъ. Обрубокъ лежалъ, закрывъ глаза. Лѣвая щека дергалась. Зубы стиснулъ.

Черный, не зная, что дѣлать, закричалъ на Григорія:

— А ну ты, товарищъ, забирай свое барахло и собирайся. Айда, шевелись. Это у васъ что тутъ за машина? Забирай, ребята, машину, велѣно для канцеляріи. Протоколъ составимъ и айда. Вы, гражданинъ инвалидъ, до разслѣдованія останетесь дома, подъ арестомъ. Мое дѣло сторона, мандатъ имѣется. А ты, собирайся, денщикъ. Тебѣ тамъ покажутъ, какъ офицеровъ укрывать.

Григорій сказалъ рѣшительно:

— Я не пойду. Тащи силой, коли на тебѣ креста нѣтъ! Воины!

Черный поднялъ ноганъ, навелъ на Григорія:

— Это видалъ? Скажи слово...

Но руку его рѣзко отвела другая рука. Молодой солдатъ, покраснѣвъ до бѣлесыхъ волосъ, угрюмо буркнулъ:

— Оставь! Говорю, не замай. Машинку, коли надо, забирай, а его оставь. Не туда попали. Одинъ на войнѣ изрубленъ, а другой за нимъ ходитъ. Чай, не звѣри мы. Айда, собираться будемъ.

Черный осѣкся и пробормоталъ:

— Это дѣло не ваше, товарищи: я тутъ отвѣчаю одинъ, а ваше дѣло исполнить.

— Ладно, очень тоже не начальствуй. Говорю — забирай машину и будетъ.

И остальные вступились:

— Вѣрно; здѣсь, товарищъ, дѣло совсѣмъ особое. Тоже понимать нужно.

Черный совсѣмъ присмирѣлъ, сунулъ револьверъ въ кобуру, повернулъ къ двери:

— Ну, тамъ, который нибудь прихвати машину.

— Ладно.

Четверо повернули голову къ Стольникову и, смотря въ бокъ, одинъ за другимъ козырнули:

— Счастливо оставаться!

Молодой задержался, подошелъ къ пишущей машинкѣ, потрогалъ, опять покраснѣлъ:

— А ну ее къ лѣшему, на кой она. Пущай останется.

И къ Григорію:

— Ты, товарищъ, не безпокойся. Тоже и мы люди.

Затѣмъ къ Обрубку, фронтомъ:

— Счастливо оставаться, ваше благородіе!

И вышелъ, стуча сапогами.

МИХ. ОСОРГИНЪ.

ТѢНИ

Война и революція унесли многихъ, но кое кто еще живутъ на родинѣ или въ изгнаніи коротаетъ свой вѣкъ. Одни такъ измѣнились, что отъ старыхъ знакомыхъ чертъ слѣда не осталось; другіе, приспособившись къ новымъ условіямъ жизни, сохранили прежній складъ души и даже внѣшній видъ.

Исключительно освѣдомленъ о судьбѣ нашихъ знакомцевъ Петръ Ивановичъ Добчинскій. Онъ заграницей открылъ комиссіонный магазинъ случайныхъ бѣженскихъ вещей. Его пріятель Петръ Ивановичъ Бобчинскій кончилъ печально: за распространеніе сѣющихъ въ населенія тревогу и колеблющихъ престижъ совѣтской власти слуховъ разстрѣлянъ по приговору ревсентрибунала.

Илья Ильичъ Обломовъ остался въ Петербургѣ. По протекціи Захара, состоящаго предсѣдателемъ райкомпрода Спасской части, онъ устроился дѣлопроизводителемъ комгорхоза. Послѣ службы Обломовъ укладывается у себя на дырявомъ диванѣ и не встаетъ до тѣхъ поръ, пока снова надо итти на службу. Не вставалъ бы и вовсе, но опасается обвиненія въ саботажѣ. Илья Ильичъ вообще очень лойяленъ: ничѣмъ не выражаетъ недовольства, аккуратно высиживаетъ положенные часы въ канцеляріи, а на оффиціальныхъ торжествахъ подтягиваетъ интернаціоналъ.

Попрежнему онъ любитъ помечтать. То вообразитъ себя генераломъ, въѣзжающимъ на бѣломъ конѣ въ Кремль, то Шарлоттой Кордэ, готовящей жестокіе планы мести...

Штольцъ въ Берлинѣ. Послѣ октябрьскаго переворота онъ перебрался на Украину. Во время гетманщины занималъ высокій административный постъ. Затѣмъ въ Ростовѣ былъ предсѣдателемъ правленій двухъ крупныхъ предпріятій. Во время эвакуировался съ большими средствами въ англійскихъ фунтахъ. Теперь онъ организовалъ русско-нѣмецкое предпріятіе по вывозу лѣса изъ Россіи.

П. И. Чичиковъ здоровъ и процвѣтаетъ. Впрочемъ, одно время его дѣла были совсѣмъ плохи: 7 лѣтъ тому назадъ за спекуляціи валютой его чуть не вывели въ расходъ. Однако Чичиковъ выкрутился и даже пошелъ въ гору. Одно время онъ состоялъ уполномоченнымъ совнархоза по закупкѣ какихъ то матеріаловъ, разъѣзжалъ по Россіи и заграницей, привозя каждый разъ своимъ пріятелямъ-комиссарамъ и препровождая «съ коммунистическимъ привѣтомъ отъ товарища Чичикова» то одно, то другое изъ разныхъ рѣдкостныхъ въ Москвѣ вещей. По слухамъ, Павелъ Ивановичъ получаетъ отъ внѣшторга командировку въ Лондонъ.

Ноздревъ все тотъ же. Измѣнилась только внѣшность: нѣтъ бакенбардовъ, напротивъ, онъ гладко выбритъ. Сначала онъ совсѣмъ было поладилъ съ большевиками и принималъ даже участіе въ работѣ комиссіи по изъятію излишковъ. Но съ изъятіями получились какія то недоразумѣнія и Ноздревъ скрылся. Появился въ деникинскія времена на югѣ, клялся, что жизнь положитъ за «единую и недѣлимую», служилъ въ контръ-развѣдкѣ, въ Константинополь отбылъ съ казеннымъ мотоциклетомъ, пишущей машиной, переписчицей и милліономъ. Въ Парижѣ подвизается по ресторанной части.

Печальна судьба Манилова. Бѣдняга до послѣдней минуты вѣрилъ, что все устроится и утрясется. Его обобрали, какъ липку, выгнали изъ имѣнья, а онъ утѣшалъ горько плакавшую душеньку, что все вернется, что русскій народъ пойметъ, что будетъ у насъ парламентъ, гражданскія свободы, отвѣтственное министерство и тишь и гладь и Божья благодать.

Онъ вѣрилъ во все это даже, когда его какъ заложника буржуазіи и хищника міроваго имперіализма вели къ стѣнкѣ. Лепеталъ, что онъ сочувствуетъ свѣтлымъ идеаламъ соціализма. Но [illegible] не понимали, да и не слушали его.

И. И. Хлестаковъ въ февральской революціи принималъ ближайшее участіе. Его знали буквально всѣ. Съ февраля и по октябрь онъ метался по всей странѣ, безъ устали выступалъ на митингахъ — концертахъ съ участіемъ министровъ-соціалистовъ и артистовъ государственныхъ театровъ, призывая защищать завоеванія революціи и цвѣты своего сердца. Послѣ переворота бѣжалъ за границу, гдѣ продолжаетъ повѣствовать, какъ онъ въ Петербургѣ управлялъ Россіей.

Онѣгинъ послѣ февральской революціи ожилъ, увѣровалъ въ Россію, увлекся политикой и даже фигурировалъ на выборахъ въ учредительное собраніе въ кадетскомъ спискѣ. Въ свое время появился въ Ростовѣ на Дону. Снова увлекся освобожденіемъ Россіи. Въ Крымъ не повѣрилъ и эвакуировался въ Константинополь, откуда перекочевалъ въ Парижъ, гдѣ и живетъ. Денегъ давно нѣтъ, вещей тоже. Остался одинъ сафьяновый альбомъ, куда онъ заноситъ свои мысли и бѣженскія наблюденія.

Князь Греминъ на югѣ командовалъ добровольческимъ корпусомъ. Татьяна работала въ Красномъ Крестѣ. Эвакуировались на Принкипо. Теперь — въ Сербіи. Князь сильно одряхлѣлъ. Татьяна бодра и энергична. Выхлопотала въ земсоюзѣ ссуду и организовала мастерскую художественныхъ издѣлій.

Ольга.. невесела ея судьба. Мужъ пропалъ безъ вѣсти. Она въ Парижѣ служитъ кельнершей въ монмартрскомъ кабакѣ.

Три сестры въ Панчевѣ шестой годъ мечтаютъ о Парижѣ. Но нѣтъ ни денегъ на дорогу, ни визы.

Въ маленькомъ городкѣ Швейцаріи въ санаторіи доктора Шнейдера доживаетъ свои дни князь Мышкинъ.

Неизвѣстно, знаетъ ли и понимаетъ Левъ Николаевичъ, что произошло за эти годы, но всегда спокойный и апатичный, иногда онъ воодушевляется и, размахивая руками, лепечетъ что то быстро, быстро о грядущихъ свѣтлыхъ дняхъ Россіи и любви, уничтожающей ненависть и злобу.

Докторъ, добрый швейцарецъ, сокрушенно вздыхаетъ и, покачивая головой, неизмѣнно повторяетъ по поводу его восторженныхъ рѣчей: — Idiot, pauvre idiot...

К. ПАРЧЕВСКІЙ.

КОПИЛКА

Говоря откровенно, я ихъ слегка побаиваюсь, когда они вмѣстѣ. Шалуны они, разумѣется, большіе, а, главное, живости необыкновенной. Называютъ они меня очень почтительно — «Дядей-Авторитетомъ», но если на одной рукѣ у васъ повиснетъ восьмилѣтняя дѣвочка, а на другой семилѣтній мальчуганъ, то увѣряю васъ, что «Дядя-Авторитетъ» дѣлается похожимъ на осажденную крѣпость, требующую помощи. Помощь обычно появляется во время или въ видѣ маменьки дѣвочки или бабушки мальчугана, и тогда между осажденнымъ и осаждавшими начинаются самые мирные разговоры.

— Вотъ, говоритъ мальчуганъ, у меня есть копилка, а у васъ нѣтъ.

— Зачѣмъ же мнѣ, дорогой мой Ивушка, заводить копилку? Развѣ такъ ужъ пріятно собирать деньги?

— Да вы слушайте. За хорошіе баллы въ Лицеѣ мнѣ дарятъ деньги, а я въ копилку кладу. Потомъ старшіе, даже бабушка, а ужъ про маму и говорить нечего, уходятъ изъ комнаты и забываютъ тушить электричество. А я сейчасъ же кричу — «штрафъ!» И монету въ копилку пожалуйте. Такъ и собираю постоянно для инвалидовъ.

— Молодецъ ты, — говорю я самымъ искреннимъ авторитетнымъ тономъ. — А ты, Маришка, копилку не завела?

— Нѣтъ. Я сдѣлала такой кукольный театръ дома, что мнѣ подарили франкъ. Я и отдала его въ пользу бѣдныхъ нашей школы. Инвалидамъ надо больше. Они за насъ сражались, насъ защищали, что бы съ нами было безъ нихъ? Вотъ я и отдала имъ всѣ деньги, что родные прислали мнѣ на игрушки..

Какъ много хотѣлось бы сказать мнѣ моимъ маленькимъ друзьямъ! Но Маришка сидѣтся уже у меня на колѣняхъ, а Ивъ какимъ-то образомъ пробирается на плечо. «Дядя Авторитетъ» обращается въ осажденную крѣпость. Впрочемъ, въ сосѣдней комнатѣ слышенъ форсированный маршъ освободительныхъ армій.

Потомъ я скажу дѣтямъ, что у каждаго человѣка есть копилка и что называется она совѣстью. Въ эту копилку складывается все добро въ жизни и оттуда вынимается то, что можетъ помочь человѣческой жизни. И я спрошу ихъ тогда, какъ спрашиваю теперь всѣхъ русскихъ людей:

— Могутъ ли остаться безъ помощи русскіе инвалиды?

ВЛ. ЛАДЫЖЕНСКІЙ.

ТОМЪ БОЛЬШОЙ И ВАСЬКА МАЛЫЙ

Посвящается Л. Д.

Никто не можетъ въ точности сказать, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ Васька прибылъ во Францію и избралъ Парижъ мѣстомъ своего пребыванія. Онъ не распространяется на этотъ счетъ и ограничивается краткимъ сообщеніемъ, что онъ, — русскій, родомъ изъ Курска, былъ на войнѣ, а потомъ.. Вотъ тутъ то и начинается таинственная завѣса, приподнять которую Васька отнюдь не намѣренъ.

Роста онъ небольшого. Оттого его и прозвали Васька Малый. Волосы у него свѣтлые, густые, падаютъ широкими прядями на крутый костлявый лобъ. Ласковые глаза. Широкія челюсти. Слегка приплюснутый носъ. Когда улыбается, — ротъ открывается до ушей. Бороды и усовъ не носитъ. Вотъ вамъ его личныя примѣты.

Онъ работаетъ грузчикомъ подъ Парижемъ въ Наузи-Ле-Секъ, а живетъ, гдѣ попало. Въ лучшіе дни устраивается въ ночлежкѣ «Арміи Спасенія» на улицѣ Шаброль. Чаще же всего спитъ въ товарныхъ вагонахъ, либо въ пакгаузахъ, если удается ускользнуть отъ бдительности сторожей, что не всегда, впрочемъ, бываетъ...

Васька Малый — парень добродушный. Онъ чрезвычайно падокъ къ бѣлому винцу и поглощаетъ его въ неимовѣрномъ количествѣ. Порой, кажется, что ничего другого онъ въ ротъ не беретъ. Впрочемъ, онъ иногда переходитъ на ромъ и хлещетъ его стаканами, къ немалому изумленію французовъ, которымъ невдомекъ, какъ это можно залпомъ выпивать чайный стаканъ крѣпкаго рома, да еще приправленнаго кайенскимъ перцемъ.

У Васьки имѣется излюбленный кабачекъ, куда онъ захаживаетъ почти ежедневно. Кабачекъ этотъ помѣщается по сосѣдству съ Сѣвернымъ вокзаломъ, въ слабо - освѣщенномъ тупикѣ, и клиентура у него своеобразная: бездомные, сутенеры, накрашенныя женщины, юноши съ подозрительной ранней синевой подъ безпокойно бѣгающими глазами.

Вотъ и сегодня вечеромъ Васька Малый забрался туда, присѣлъ къ свободному столику, заказалъ стаканъ бѣлаго и угрюмо тянетъ вино. Никто на него не обращаетъ вниманія.

⁂

Томъ Большой, — негръ. Великолѣпный сенегальскій негръ. Высокій, скуластый, курчавый, съ огромными кулачищами и длинными ногами.

Онъ работаетъ мойщикомъ въ гаражѣ. Адская работа, на которую нанимаются преимущественно чернокожіе, мулаты, китайцы, да порой и русскіе, истосковавшіеся по кускѣ хлѣба на чужбинѣ.

Томъ Большой чрезвычайно силенъ. Онъ является грозой околотка и любитъ припугивать тѣхъ, съ кѣмъ сталкивается. Дикое, необузданное, вѣчно пьяное животное.

Томъ Большой почему то терпѣть не можетъ Ваську Малаго. Онъ нѣсколько разъ уже придирался къ нему, вышучивалъ его маленькій ростъ и свѣтлые волосы. Но только Васька Малый каждый разъ отмалчивался, не подымая глазъ и посасывая бѣлое вино.

Вотъ и теперь Томъ Большой вошелъ въ кабачекъ и сразу обратилъ вниманіе на Ваську Малаго. Онъ улыбается, трясетъ головой и подмигиваетъ.

— Будемъ веселиться, — говоритъ онъ Ирмѣ, маленькой, блѣдной Ирмѣ, недавно выпущенной изъ Сенъ Лазарской тюрьмы, гдѣ она отсиживала положенныя двѣ недѣли за «промыселъ» на улицѣ раньше десяти часовъ вечера.

Томъ Большой всегда пристаетъ къ Ирмѣ. Она ему нравится и ей сплошь и рядомъ приходится отъ него скрываться, такъ какъ онъ непремѣнно требуетъ чтобы она пошла съ нимъ.

— Будетъ весело сейчасъ, очень весело, — говоритъ онъ ей, — показывая глазами на Ваську Малаго.

Тотъ замѣтилъ, но не отзывается. Пьетъ вино. Молчитъ, нахмуривъ брови.

⁂

Томъ Большой взялъ сифонъ со стойки и пустилъ изъ него струю въ Ваську Малаго. Вода облила лицо Васьки.

Васька Малый вскочилъ.

— Ты что это вздумалъ, черномазый? — обращается онъ по русски къ Тому Большому.

Тотъ хохочетъ во все горло и продолжаетъ обливать Ваську.

— Перестань, говорю тебѣ, — шипитъ Васька, сжимая кулаки.

Но Тому весело и онъ продолжаетъ. Пуститъ струю, — похохочетъ. Переждетъ, — снова пуститъ струю. Кругомъ всѣ наблюдаютъ. Ирма испуганно съежилась и посматриваетъ на дверь. Но на ея бѣду нельзя пройти, потому что проходъ загородилъ Томъ.

Еще струя. Прямо въ глазъ Васькѣ Малому.

Это уже слишкомъ. Васька Малый медленно подходитъ къ Тому.

— Ты что это вздумалъ, — повторяетъ Васька, — аль кулака хочешь?

И онъ тычетъ своимъ кулакомъ въ лицо негру.

Томъ Большой становится серьезнымъ. Онъ отставляетъ сифонъ въ сторону и долго разсматриваетъ васькинъ кулакъ, точно не вѣря своимъ глазамъ.

— Ты съ ума сошелъ, — кричитъ Васькѣ хозяинъ кабака, — вѣдь Томъ превратитъ тебя въ бифштексъ!

— Посмотримъ, — отзывается Васька.

Стоитъ противъ негра и головой доходитъ только до его подбородка.

Томъ Большой стиснулъ зубы:

— Убирайся вонъ! — командуетъ онъ.

— Ты пошто обливалъ меня?..

— Убирайся вонъ, говорю!..

— Не уйду, чортовъ братъ!

— Берегись!..

— Самъ побереги свою шкуру!...

Терпѣніе Тома Большого пришло къ концу. Онъ подымаетъ правую руку, собираясь нанести ударъ. Кругомъ какъ то всѣ съеживаются, мысленно жалѣя Ваську. Сплющитъ его негръ, непремѣнно сплющитъ однимъ ударомъ чудовищнаго кулака.

Кулакъ съ размаха опускается и.. описываетъ дугу въ пустомъ пространствѣ..

Васька Малый ловкимъ прыжкомъ увильнулъ отъ страшнаго удара И, не успѣлъ негръ опомниться, какъ онъ уже нападаетъ.

Подбѣжалъ, привскочилъ, ударилъ короткимъ ударомъ. Томъ Большой Удивленно ахнулъ и зашатался. Ударъ пришелся прямо въ переносицу. Ударъ, отъ котораго кто нибудь другой сразу свалился бы съ ногъ.

Второй молніеносный ударъ. Томъ зашатался вторично. Потомъ третій ударъ, четвертый, пятый...

Томъ Большой отвѣчаетъ, но каждый разъ его кулаки встрѣчаютъ только пустое пространство. Ловокъ и увертливъ Васька. Зорко слѣдитъ онъ за малѣйшимъ движеніемъ противника и во время ускользаетъ отъ его ударовъ.

Негръ отступаетъ къ зеркалу. Онъ злобно рычитъ, размахиваетъ кулаками, пускаетъ въ ходъ и ноги. Но безполезно, — Васька насѣдаетъ упорно и бьетъ безъ остановки.

— Я те покажу меня сифонить, я те покажу, не нашего Бога тюфякъ, какъ россійскіе молодцы на кулачкахъ идутъ.

Кругомъ всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за борьбой. Женщины столпились въ уголъ, не смѣя шелохнуться. Мужчины шумно привѣтствуютъ каждый удачный ударъ Васьки Малаго.

У Тома Большого все лицо уже въ крови и правый глазъ закрылся. Онъ какъ то уловчился зацѣпить Ваську кулакомъ по шеѣ, но и только. А Васька лупитъ, какъ по барабану, вынуждая негра отходить все дальше и дальше отъ стойки.

— Браво, ле рюссъ! — кричатъ.

— Вивъ ля Рюси! — привѣтствуютъ въ другомъ концѣ кабачка.

Васька загналъ Тома Большого къ зеркалу. Дальше отступать теперь некуда и Тому Большому волей неволей надо принимать какое нибудь рѣшеніе.

Либо самому перейти въ наступленіе, либо удрать. Да хорошо сказать это, — удрать, когда Васька загородилъ дорогу къ выходу.

— Врешь, черномазый, — изрекаетъ онъ, — не пропущу, пока не долбану до седьмого пота. Знай нашихъ!..

Томъ пытается нанести ударъ. Но въ этотъ самый моментъ Васька, приловчившись, попадаетъ въ подбородокъ и Томъ, охнувъ, грузно падаетъ.

— Готово, — торжествуетъ Васька, — теперь будетъ съ тебя!..

Онъ возвращается на свое мѣсто и снова принимается за вино. И подзываетъ къ себѣ Ирму.

Та боязливо подходитъ.

— Да ты не бойся, — ласково обращается къ ней Васька, — я тебя не обижу.. Хошь, выпей.. Эй, вина сюда!

Ирма подсаживается. Она не сводитъ съ Васьки восхищенныхъ взоровъ. Какая сила у этого маленькаго человѣчка.

А тамъ, подъ зеркаломъ, Томъ Большой пришелъ въ себя. Онъ сѣлъ, тупо озирается и размазываетъ кровь по лицу. Онъ плохо еще сознаетъ, что съ нимъ произошло. Васькинъ ударъ рѣшительный очень ужъ былъ силенъ.

Но вотъ Томъ Большой на ногахъ. Онъ теперь все вспомнилъ. Онъ подходитъ къ Васькѣ и робко говоритъ:

— Помиримся..

Васька великодушенъ:

— Валяй, черномазый, помиримся. Я, братъ, на тебя злобы не имѣю. Проучилъ тебя малость, ну, такъ что же... Ежели ты чувствуешь и понимаешь, то помиримся и выпьемъ.. Эй, вы, тамъ, волоки сюда вина!.. Ходи хата, ходи печь, хозяину негдѣ лечь!..

Томъ садится. Пьетъ съ Васькой и Ирмой бѣлое, кисловатое вино и тоже съ восхищеніемъ разсматриваетъ Ваську. Просто глазамъ своимъ не вѣритъ: этакій сморчокъ его побѣдилъ, его, — Тома Большого. Чудеса, прямо чудеса.

Пьютъ, Васька нынче угощаетъ, потому что завелись франки и на душѣ повеселело. Пьютъ сначала бѣлое, а потомъ крѣпкій ямайскій ромъ изъ литровой плетенной бутылки. Презентовалъ хозяинъ Васькѣ за побѣду надъ Томомъ Большимъ. Да и другіе тоже угощаютъ. Всѣмъ хочется чокнуться съ удивительнымъ маленькимъ русскимъ, побѣдившимъ большого негра Тома, считавшагося до этого момента сильнымъ человѣкомъ въ округѣ. И Васька улыбается, отвѣчаетъ на рукопожатія, чокается, пьетъ, пьетъ безъ конца..

Томъ тоже пьетъ, потому что Васька его не забываетъ. Что же касается Ирмы, то она сидитъ, молчаливая и крошечная, не спуская глазъ съ Васьки Малаго.

⁂

Кабачекъ опустѣлъ. Только остались Васька, Томъ и Ирма.

Васька расчувствовался.

— Ты, братъ, ничего не понимаешь... Что тамъ твоя Суданія, что-ль.. Вотъ ты у насъ въ Рассеѣ-то не бывалъ... Такъ ты ничего хорошаго и не видывалъ.. Просторъ то, раздолье то у насъ какое. Хлѣбушко какъ зазолотится, — прямо на душѣ радостно.. И лѣса то у насъ какіе, и луга привольные, и рѣки рыбныя, многоводныя, и всякаго добра сколько хошь. Вотъ, братъ, страна, такъ страна, не то, что твой ржавый Парижъ.. Тоже придумали: понасажали людей одинъ на другого и дышать никому не даютъ.. Въ Рассеѣ, братецъ, гуляй душа, вотъ что!..

Улыбается Васька Малый при воспоминаніи о родинѣ. Взоры его ловятъ въ пространствѣ знакомые образы. Видѣнія прошлаго окружаютъ его легкокрылой дымкой и ласкаютъ душу, простую душу несложнаго россіянина на чужбинѣ... Томъ Большой ничего почти не понимаетъ, но онъ тоже улыбается, потому что ему сейчасъ хорошо, тепло, въ крови горитъ выпитый крѣпкій ромъ съ каенскимъ перцемъ..

Ирма облокотилась объ столъ и спитъ. Она сегодня никуда не пошла, рѣшила, что все равно не стоитъ, можно и на пустой желудокъ лечь поутру.. Не впервые ей это..

Брезжитъ разсвѣтъ въ окна кабачка.. Тикаютъ часы.. Съ улицы доносится глухой грохотъ телѣгъ, направляющихся на Центральный рынокъ.. Гулко звучатъ шаги раннихъ прохожихъ.. Хозяинъ кабачка храпитъ за своей стойкой

⁂

Васька Малый встаетъ. Расплачивается. Прощается съ Томомъ Большимъ и Ирмой.

— Вечеромъ будете здѣсь, — хватимъ на похмелку.. А теперь айда на работу!..

Ирма улыбается ему и сонно щуритъ глаза.

Васька посмотрѣлъ на нее и что то вспомнилъ.

— Ахъ, да, постой-ка!..

Роется въ карманахъ. Вытаскиваетъ мелочь и пятифранковый билетъ.

Возьми, — протягиваетъ онъ его Ирмѣ, — небось, пригодится.. Тоже, вѣдь, всю ночь здѣсь зря блуждала, бѣдняжка. Возьми, пригодится...

И быстро вышелъ...

АКЕКСАНДРЪ ФИЛИППОВЪ.

Свято - Николаевскій Пріютъ.

ИНВАЛИДЫ ВЪ РОССІИ

Тамъ, гдѣ есть семья, свой домъ, Родина — тамъ ни смерть, ни раны, ни увѣчье на всю жизнь не страшны. Гдѣ къ этому присоединяется еще твердая вѣра въ загробную жизнь, въ расплату за грѣхи и награду за подвиги въ иномъ лучшемъ мірѣ — тамъ люди героизмъ считаютъ обычнымъ дѣломъ: — таковы чудо - богатыри старой Императорской Россіи таковы фанатичные горцы мусульмане Кавказа и турки, поклонники Ислама. Вынуть вѣру изъ сердца воиновъ, уничтожить семью, разрушить Родину — убить храброе сердце солдата.

Смерть на войнѣ, когда знаешь, что семья будетъ обезпечена приличной и достаточной пенсіей, что тѣло не останется безъ погребенія, а душа безъ молитвы, что вѣчная память и любовь семьи окружитъ скромный портретъ съ бантами изъ крепа и изъ георгіевскихъ лентъ, что за мгновеніе небытія послѣдуетъ вѣчная, свѣтлая жизнь въ иномъ прекрасномъ мірѣ — за такая смерть героя — смерть легкая. Нѣтъ страха, и горитъ, горитъ яркій подвигъ, увлекая за собою всѣхъ любящихъ славу, больше жизни. И не скажетъ никто, что живому псу лучше, чѣмъ мертвому льву, ибо сзади мертваго льва стоитъ не только львиная слава и честь, но и безсмертіе.

На Родинѣ и въ Семьѣ жуткій вопросъ страданій и инвалидности стоитъ не такъ остро. Дома — заботы о своемъ, родномъ инвалидѣ. Непрерывная ему помощь, ибо на родной то сторонкѣ и самые камни помогаютъ. Въ старой Россіи солдату - инвалиду шла пенсія. Можетъ быть пенсія эта была невелика, но инвалидъ-то былъ дома, не одинокъ, и могъ всегда найти подмогу, посильный трудъ и сочувствіе односельчанъ и властей. Въ тяжелую минуту было куда обратиться. Былъ Красный Крестъ, былъ Александровскій Комитетъ о раненыхъ, наконецъ была возможность написать «прошеніе на Высочайшее имя» и была надежда на Царскую милость и помощь. А когда надѣешься и ждешь, и самые тяжелые дни проходятъ легко и быстро и вянутъ страданія подъ зноемъ ожиданія.

Въ прошломъ у офицера - инвалида была пенсія, былъ Александровскій Комитетъ о раненыхъ, была помощь изъ инвалиднаго капитала, была Чесменская богадѣльня и были дворцовыя синекуры. Инвалидъ могъ получить мѣсто, какъ шутя говорили «смотрителя Петергофскихъ фонтановъ» и доживать свой вѣкъ припѣваючи. У инвалида Императорской Россіи кромѣ своей семьи, родныхъ и родственниковъ — была полковая семья. Были дни, когда инвалидъ дорогимъ членомъ этой семьи являлся въ полкъ, получалъ почетное мѣсто, жилъ интересами полка и могъ разсказывать о своемъ прошломъ, о своемъ подвигѣ, о своемъ раненіи. Онъ былъ не одинокъ.

Какъ громадное развѣсистое дерево въ пустынѣ была Россія и тѣнью вѣтвей своихъ покрывала всѣхъ своихъ подданныхъ отъ палящаго зноя жизни.

Было въ старой Россіи два дня, когда Государь и столица поминали и чествовали своихъ героевъ и инвалидовъ. Это: — 26-го ноября — день освященія храма въ Кіевѣ въ память св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, когда повсемѣстно, а въ С.-Петербургѣ и особенно торжественно устраивался праздникъ Георгіевскихъ кавалеровъ, а инвалидъ — рѣдко не бывалъ кавалеромъ Георгіевскаго Креста или ордена св. Георгія, или георгіевскаго, раньше — золотого, оружія, и день 19-го марта, когда въ память торжественнаго входа русскихъ войскъ въ Парижъ въ 1814 году и окончанія Отечественной войны въ Петербургѣ устраивался въ Высочайшемъ Государя Императора присутствіи концертъ въ пользу инвалидовъ.

Я попробую напомнить эти дни тѣмъ, кто ихъ видалъ, разсказать о нихъ тѣмъ, кто не зналъ и не знаетъ.

⁂

Раннее утро 26-го ноября въ Петербургѣ. Въ эти дни зима еще молодая и капризная. Снѣгъ лежитъ по улицамъ тонкой, непрочной пеленой. Можетъ быть даже гололедка мететъ жемчужными струями вьюжной поземки по обледенѣлымъ тротуарамъ и темнымъ льдистымъ торцамъ. Холодно и темно. Въ 9 часовъ еще горятъ фонари вдоль улицъ и въ третьемъ часу ихъ зажигаютъ снова. По всѣмъ улицамъ гремятъ марши. Гулко въ утреннемъ сумракѣ бьетъ турецкій барабанъ, свистятъ флейты, поютъ корнеты и кларнеты и за оркестрами быстрымъ и твердымъ шагомъ идутъ пѣхотныя полуроты, сопровождающія георгіевскія знамена въ Зимній Дворецъ. Кавалерійскіе взводы везутъ сѣрые штандарты. Къ Дворцу со всѣхъ концовъ столицы идутъ люди самаго разнообразнаго званія. Ѣдутъ генералы въ звѣздахъ и лентахъ, офицеры съ бѣлымъ крестомъ на груди, многіе на костыляхъ съ подвязанными пустыми рукавами, съ черными повязками на выбитомъ глазу, идутъ полицейскіе, дворники, простые, бѣдные люди между ними не мало инвалидовъ! Государь Императоръ пригласилъ въ этотъ день всѣхъ Георгіевскихъ кавалеровъ на парадъ и обѣдъ, а вечеромъ на спектакль въ Императорскихъ театрахъ. Въ широкія Ворота Дворца, во всѣ его подъѣзды входятъ приглашенные. Однополчане отыскиваютъ товарищей, знакомые, видающіеся только разъ въ годъ, въ этотъ день у Государя, привѣтствуютъ другъ друга. Одни дошли за годъ до нищеты, другіе поправились, разбогатѣли. Всѣ пріодѣлись, нарядились въ лучшія платья, многіе надѣли тотъ самый мундиръ, въ которомъ они получили крестъ и, какъ часто, почетное раненіе, сдѣлавшее ихъ инвалидами. У всѣхъ — праздничное повышенное настроеніе, какъ въ Христово Воскресенье. Герои Плевны, Шипки, Адріанополя, Систова, Зеленыхъ Горъ, Бегли-Ахмета, Кюрюкъ-Дара, сходятся съ болѣе молодыми героями Тюрингена, Вафангоу, Путиловской сопки, Ляояна, Шахе, Муклена и Портъ Артура. Одни идутъ наверхъ къ маленькой дворцовой церкви, другіе расходятся по безконечнымъ низкимъ галлереямъ и по манежу, гдѣ между мраморныхъ статуй накрыты обѣденные столы.

И былъ обычай: — послѣ обѣда герой - инвалидъ, георгіевскій кавалеръ получалъ отъ Государя на память свой обѣденный приборъ: салфетку, тарелку, фарфоровую кружку, ножикъ, вилку и ложку, — всѣ съ Россійскими гербами...

Дворцовыя залы заполнялись знаменными полуротами и штандартными взводами. По обѣимъ сторонамъ громаднаго Николаевскаго зала, гдѣ посрединѣ висѣлъ конный портретъ Императора Николая I такъ написаный, что отовсюду казалось, что Императоръ скачетъ прямо на смотрящаго на него, стояла гвардейская пѣхота. Тяжелое золотое знамя Дворцовыхъ гренадеръ-ветерановъ солдатъ, сѣдобородыхъ стариковъ въ тяжелыхъ медвѣжьихъ шапкахъ и мундирахъ, расшитыхъ золотомъ, старинныя Петровскія знамена Преображенцевъ и Семеновцевъ, Измайловцы, Егеря, Московцы, Гренадеры со своимъ желтымъ короткимъ аксельбантомъ на плечѣ, Павловцы въ пробитыхъ пулями мѣдныхъ шапкахъ, Финляндцы, Гвардейскій Экипажъ съ большимъ Андреевскимъ флагомъ наполняли залъ, оставляя посрединѣ широкій проходъ. Въ бѣломъ «Георгіевскомъ» залѣ стояла кавалерія со штандартами, помнящими Лѣсной, Полтаву, Аустерлицъ, Бородино и Лейпцигъ.

Ровно въ одиннадцать часовъ былъ Высочайшій выходъ. Передъ молчаливо стоящими шеренгами съ ихъ знаменами проходилъ въ церковь Государь Императоръ, Государыни Императрицы, Великіе Князья и свита. Музыка не играла. Барабаны не били. Государь здоровался съ полками. Онъ не только зналъ полки, онъ зналъ въ нихъ многихъ офицеровъ и старыхъ заслуженныхъ солдатъ, фельдфебелей и вахмистровъ.

За Государемъ длинной вереницей, перевитыя георгіевскими лентами уходили, несомые знаменщиками знамена и штандарты. Въ дворцовой церкви шла литургія и молебенъ. Въ залахъ, гдѣ стояли сотни людей была тишина. Люди стояли «вольно». Поскрипывали новые сапоги, сильнѣе становился запахъ кожи, ваксы и дегтя. Русскій солдатскій запахъ. Иногда кто нибудь вздыхалъ. Проходили скороходы въ шапкахъ со страусовыми перьями и куреньемъ на жаровнѣ.

Такъ шло полтора часа. И вдругъ, у залы, подлѣ церкви, — голосъ команды и плавные звуки « Коль славенъ ». Церковное шествіе съ Государемъ и знаменами возвращалось изъ церкви.

За Государевой свитой идутъ Георгіевскіе кавалеры. Сколько среди нихъ инвалидовъ! На костыляхъ, безрукихъ, безъ-глазыхъ, съ перекошенными былыми тяжкими страданіями лицами! Въ парадныхъ мундирахъ, въ золотѣ эполетъ, подъ колодками орденовъ, съ бѣлымъ крестомъ съ края, скрадывались ихъ увѣчья и были трогательно красивы, заманчивы и увлекательны. Они не инвалиды, — они — герои. Они не нищіе, не пасынки, не забытые Родиной, но первые дорогіе гости у Государя.

Играютъ, поютъ и плачутъ трубы оркестровъ, молча взвихрились штыками и шашками знаменные взводы и молодые солдаты смотрятъ на проходящихъ инвалидовъ съ любовью и уваженіемъ.

Въ третьемъ часу изъ Дворца возвращались Государевы гости. Въ рукахъ бѣлые узелки съ приборомъ. Лица гостей красны, масляны и счастливы. Были — и водка и вино, и царскій квасъ, и прекрасные щи, и гусь и фрукты — но не это дало счастье. Счастье далъ тотъ мигъ, когда проходилъ вдоль столовъ Государь и ласково говорилъ бывшимъ солдатамъ: — Кушайте, гости дорогіе, на здоровье...

Онъ узнавалъ иногда того, или другого старика, героя Плевны, пріѣхавшаго изъ богадѣльни и спрашивалъ о его здоровьи, говорилъ нѣсколько ласковыхъ словъ и шелъ къ другому третьему, кого онъ видалъ.

Не было трескучихъ, громкихъ рѣчей, гдѣ много словъ, мало смысла и совсѣмъ нѣтъ любви, но были простыя, ласковыя слова, былъ чистый взглядъ, полный любви и отъ этого красивѣли лица, и счастьемъ горѣли глаза.

Вечеромъ въ трехъ театрахъ шли спектакли Георгіевскихъ кавалеровъ. Давали патріотическія оперы и пьесы. Въ Маріинскомъ шла «Жизнь за Царя, или «Русланъ и Людмила», или «Снѣгурочка» и «Русалка» и балетъ, въ Александринскомъ давали — «Горе отъ ума», «Ревизоръ», комедіи Островскаго, или «Женитьбу», «Старый закалъ», «Измаилъ». Артисты играли своимъ героямъ и ихъ семьямъ. Кресла и ложи были полны георгіевскими кавалерами. Стояли костыли у креселъ. Безрукіе не могли аплодировать и кричали : браво! И лучшіе артисты считали за честь играть въ этотъ день передъ тѣми, кто грудью стоялъ за свою Родину, кто доблестно сыгралъ свою роль на кровавомъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

⁂

Инвалидный концертъ въ Маріинскомъ (раньше въ Большомъ) театрѣ 19 марта былъ знаменателенъ тѣмъ, что въ немъ играли солдаты. Музыканты и трубачи полковъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, школы солдатскихъ дѣтей, и Придворная капелла — вотъ кто долженъ былъ собрать публику и дать средства на помощь инвалидамъ. Хоръ въ тысячу музыкантовъ и нѣсколько сотъ пѣвцовъ, сотни барабанщиковъ, золотой костеръ мѣдныхъ инструментовъ — заполняли всю сцену отъ самыхъ колосниковъ до рампы. Гора людскихъ, розовыхъ солдатскихъ лицъ на пестромъ фонѣ мундировъ, среди желтыхъ музыкантскихъ наплечниковъ, когда инструменты спущены — и блескъ золота и серебра, когда инструменты у рта — вотъ, что была Маріинская сцена въ тотъ день.

На ней адъютанты, капельмейстеры и среди нихъ капельмейстеръ войскъ гвардіи Оглобинъ (раньше Вурмъ), музыканты, трубачи, — въ зрительномъ залѣ весь свѣтъ Петербурга, все общество. Офицеры въ парадной формѣ, дамы въ бальныхъ туалетахъ. Въ оркестрѣ — инвалиды Чесменской богадѣльни.

Въ 8½ часовъ вечера шумъ голосовъ смолкалъ. Театръ вставалъ, какъ одинъ человѣкъ. Въ большой ложѣ появлялся Государь Императоръ, Императрица, Наслѣдникъ и Великія Княжны. Въ этотъ день Государь всегда былъ въ формѣ Л. - Г. Драгунскаго полка, того полка, который зародился сначала подъ именемъ конно-егерскаго въ этотъ день 19 марта 1814 года въ Парижѣ и былъ составленъ изъ георгіевскихъ кавалеровъ всѣхъ конныхъ полковъ.

Едва появлялся Государь, какъ подымался занавѣсъ и тысячи инструментовъ играли и сотни голосовъ пѣли русскій гимнъ.

Нужно было слышать Русскій гимнъ въ этомъ исполненіи, чтобы понять, что это такое! У рѣдкаго изъ слушателей не проступали слезы на глазахъ. Еще и еще разъ играли гимнъ гремѣли во всю мочь, то смиряясь, стихали, умиротворенныя и сквозь нихъ звучали голоса. Къ голосамъ хоровъ примѣшивались голоса публики: — весь театръ пѣлъ. Были: мощь и красота.

Въ широкомъ, будто дубравѣ подъ налетѣвшимъ вихремъ устраивалась публика и начинался концертъ. Въ немъ было три отдѣленія. Одно для всего оркестра, другое для мѣдныхъ хоровъ и солистовъ и третье для пѣвчихъ à capella. Послѣдніе годы программу старались составить изъ Русской музыки. Солисты: — солдаты — получали изъ рукъ Государя Императора золотые часы съ накладнымъ государственнымъ гербомъ. Послѣднее отдѣленіе традиціонно заканчивалось «куплетами Кавоса», сочиненными и положенными на музыку при Императорѣ Александрѣ I.

Концерту предшествовала платная репетиція и послѣ него при всегда полномъ театрѣ было повтореніе концерта — эти три концерта помогали Государству содержать инвалидовъ.

⁂

Вспоминая это все въ наши невеселые изгнанническіе годы, когда разбрелись мы по чужимъ краямъ, невольно задумываюсь о судьбѣ нашихъ героевъ-инвалидовъ. Имъ во многихъ государствахъ пришли на помощь союзныя родственныя правительства. Честь, хвала и слава тѣмъ, кто не забылъ товарищей! Но горекъ чужой хлѣбъ. Не всѣмъ его дали, не всѣ его имѣютъ. Нужна помощь.

Съумѣемъ ли мы, общество, сдѣлать то, что дѣлало своимъ инвалидамъ государство?

Съумѣемъ ли мы, братья своихъ инвалидовъ, такъ любить, жалѣть и помогать имъ, какъ ихъ любилъ, жалѣлъ и имъ помогалъ — ихъ отецъ, Государь Императоръ?

Наши зарубежные инвалиды — сироты — безъ отца — Государя, безъ матери - Родины, безъ настоящей толковой семьи... Мы менѣе несчастные, чѣмъ они, ихъ братья, изгнаные изъ отческаго дома должны имъ помочь!

Будетъ инвалидный концертъ. Онъ будетъ не такой, какъ тѣ концерты, гдѣ тысячи солдатъ играли и пѣли для инвалидовъ, но на немъ всѣ, кому Богъ, вмѣсто крѣпкихъ рукъ и терпѣнія въ работѣ далъ яркій, сильный талантъ, придутъ на помощь инвалидамъ. Нашъ долгъ быть на немъ такъ же единодушными, какими мы были въ тѣ дни, когда насъ увлекала волна могучихъ звуковъ тысячнаго хора.

Если Русское Зарубежье хочетъ войти въ исторію безъ темнаго пятна: — оно должно сознать, что въ зарубежьи не можетъ быть несчастныхъ, нищихъ, голодающихъ инвалидовъ.

П. КРАСНОВЪ.

ЛИСТКИ

«Стихотворенія въ прозѣ» Тургенева — одна изъ самыхъ угрюмыхъ книгъ русскаго пессимизма. Любить ее сплошь невозможно: въ ней слишкомъ много позы и «слога» — особенно тамъ, гдѣ старикъ бодрится и старается быть оптимистомъ, вопреки тѣснящемуся въ его сердце смертному ужасу. Но, на ряду съ тѣмъ, сколько тамъ сверкаетъ ослѣпительной красоты и, по сосѣдству, въ контрастъ ей, какъ язвительно больно стонетъ измученная сила!

Есть тамъ эпизодъ. Однажды Тургеневъ встрѣтилъ на улицѣ человѣка, изможденнаго болѣзнью и нуждою. «О, какъ безобразно обглодала бѣдность это несчастное существо!» Тургеневъ сталъ шарить у себя по всѣмъ карманамъ... Ни кошелька, ни часовъ, ни даже платка... Я ничего не взялъ со собою»... Тогда, «потерянный смущенный», писатель «крѣпко пожалъ» протянутую къ нему «трепетную» руку»

— «Не взыщи, братъ, нѣтъ у меня ничего братъ».

Къ чему я это вспоминаю? А вотъ къ чему. Пишу наканунѣ «Дня Инвалидовъ». Призывы къ нему серьезно всколыхнули эмиграцію, и, по всей вѣроятности, съ міру по ниткѣ, будетъ голому рубашка, не рубашка, а все таки, хоть заплата на дыру въ рубашкѣ. Всѣ сознаютъ, что они должны дать, что они хотятъ дать. Всѣ!

Но изъ всѣхъ то добрая половина, если не больше, въ положеніи хуже Тургеневскаго: имъ дать... нечего! Гораздо хуже тургеневскаго, потому что, по правдѣ сказать, въ положеніи Тургенева — драма драмой, а есть и комическая нотка. Ужъ если такъ хотѣлось ему помочь встрѣчному этому бѣдняку, такъ, пойди, не за десять верстъ былъ онъ отъ дома, гдѣ оставилъ свой кошелекъ, — слѣдовательно, онъ имѣлъ, что дать и кромѣ великодушнаго рукопожатія, только не догадался. И недаромъ, — хотя за рукопожатіе поблагодарилъ, и самъ рукопожатіемъ отвѣтилъ, — «усмѣхнулся»...

Но части эмиграціи, о которой я говорю, въ точнѣйшемъ смыслѣ слова «нечего дать». И не то, что называется «послѣднее дать — себя обидѣть», а просто таки — «нечего». Это положеніе уже не изъ Тургенева, а изъ Достоевскаго: «Понимаете ли вы, милостивый государь, что значитъ, когда уже некуда больше итти? Нѣтъ, вы этого еще не понимаете!»... И въ этой части эмиграціи, даже тѣмъ, кому еще какъ будто есть куда пойти, потому что они сохранили подобіе дома, — не осталось въ подобіяхъ ихъ домовъ ничего такого, что могло бы принести хоть малѣйшую пользу кому либо другому, кромѣ нихъ самихъ, хоть кому либо было бы дорого и нужно! Все остальное съѣдено. Эти — я, ты, онъ, она, мы, вы, они, онѣ — чувствуютъ себя сегодня сквернѣе, чѣмъ когда нибудь. Никогда бѣднякъ, если онъ человѣкъ порядочный не сознаетъ себя такимъ несчастно безпомощнымъ, какъ — когда онъ самъ не въ состояніи подать необходимой помощи, которой требуетъ отъ него голосъ общества и собственнаго сердца. .

Нѣтъ, не утѣшаетъ въ такихъ случаяхъ возможно подмѣнить недоступную дѣйствительную помощь доступнымъ красивымъ жестомъ, хотя бы и самымъ искреннимъ. Да и не поднимется на тургеневское рукопожатіе рука ни у одного настоящаго бѣдняка.. И по безполезности жеста, и... пожалуй, еще по опасенію, что твоя великодушная рука останется неловко висѣть въ воздухѣ, а уши, вмѣсто «спасибо, братъ, — это тоже подаяніе, братъ», — услышать что нибудь очень не лестное.... Ибо...

Вотъ, есть у Тургенева другое стихотвореніе въ прозѣ — о старикѣ, который, обнищавъ до погибели, стыдился просить милостыни, но нѣкій таинственный Незнакомецъ послалъ его:

— «Ступай, протягивай руку, — доставь и ты другимъ добрымъ людямъ возможность показать на дѣлѣ, что они добры».

Старикъ послушался — «и сладокъ показался ему выпрошенный кусокъ" — и не было стыда у него на сердцѣ — а напротивъ: его осѣнила тихая радость»

О «тихой радости» просить милостыню могъ написать, по воображенію, только человѣкъ, который самъ никогда не просилъ ее, да и не бывалъ, не могъ быть въ нуждѣ, понукающей ее просить. И только человѣкъ, который, наоборотъ, опытомъ знаетъ, что значитъ дойти до питанія милостыней, понимаетъ весь стыдный ужасъ отказа въ ней и напрасность ея замѣны символическими знаками сочувствія. Опять изъ Достоевскаго: «Позвольте, молодой человѣкъ, случалось ли вамъ... гм... ну, хоть испрашивать денегъ взаймы безнадежно? То есть безнадежно вполнѣ - съ, заранѣе зная, что изъ сего ничего не выйдетъ?» Вотъ только тѣ, кому «случалось», въ состояніи понять — собственнымъ горькимъ стыдомъ, пережитымъ при полученіи отказа въ «безнадежной» просьбѣ, — понять, какой это ужасъ и срамъ: быть вынужденнымъ къ отказу, когда хочешь и долженъ дать, быть жалко безсильнымъ, когда обязанъ помочь... Нѣтъ, тутъ не до рукопожатій! Мармеладовъ сравнительно съ Тургеневымъ козявка, но въ этой психологіи онъ сильнѣе, ибо опытнѣе.

Среди самоубійствъ изъ нужды, опустошающихъ эмиграцію, самыя частыя самоубійства — военныхъ. И — изъ всѣхъ эмигрантскихъ самоубійствъ эти наиболѣе оскорбительны и стыдны для міра, изъ котораго самоубійцы уходятъ, для среды, которая ихъ на тотъ свѣтъ отпускаетъ. Заслуженный генералъ, заброшенный въ египетскую Александрію, бродитъ по городу день за днемъ и годъ за годомъ въ почетномъ званіи лотошника, продающаго въ разносъ нѣсколько пачекъ папиросъ и десятокъ номеровъ «Новаго Времени». Стрѣляетъ себѣ въ високъ. Самоубійство ли это? По формѣ — да, по существу — нѣтъ, тутъ убійство. И къ убійству этому и многимъ - многимъ другимъ всѣ мы косвенно причастны, ибо слишкомъ небрегли, небрежемъ, и неужели, еще дальше небречь будемъ?! — тѣмъ благороднымъ и великодушнымъ цѣлымъ, котораго маленькую частицу составлялъ этотъ застрѣлившійся генералъ. Слишкомъ плохо берегли, слишкомъ много страдать заставили Армію.

Сейчасъ въ части эмиграціи держится очень глупая и подлая тенденція — дробить отношеніе къ арміи, расшаркиваясь передъ нижними чинами и младшимъ офицерствомъ, понося старшее офицерство и, въ особенности, генералитетъ. Это безсмысленное устремленіе располовинить единое тѣло арміи — продолженіе того же самоубійственнаго процесса, которымъ февральская революція погубила сперва войну, затѣмъ себя, а затѣмъ и Россію. Проповѣдывать и признавать дѣленіе арміи на двѣ противопоставляемыя части значитъ, заднимъ числомъ сотрудничать съ Соколовымъ и Нахамкесомъ въ составленіи пресловутаго приказа номеръ 1 и, въ вырожденной символической формѣ, привѣтствовать выборгское швыряніе офицеровъ въ море и прочія неистовства, продѣланныя русскими безумцами въ шинеляхъ по наускиванію интернаціональныхъ неголяевъ въ пальто.

Не мнѣ никогда не носившему военнаго мундира, заниматься критикой военныхъ людей и дѣлъ, кто хорошъ, кто плохъ, что было умно и нужно, что глупо и ненужно. Нѣтъ профессіи, въ которой качественное равенство представителей было бы совершенно. Возможно, что въ числѣ генералитета и высшаго офицерства уцѣлѣвшей русской арміи не всѣ — Корниловы, Марковы, Алексѣевы, Каледины, а имѣются также и плоховатые генералы и слабые офицеры. Однако, вотъ какое соображеніе приходитъ въ мою штатскую голову въ отвѣтъ даже и на это допущеніе. Вѣдь, старое русское офицерство почти все повыбито или вышло изъ строя инвалидами еще въ 1914 - 1916 г.г. Уцѣлѣвшіе генералитетъ и высшее офицерство, за весьма незначительными исключеніями, молодая формація, созданная Европейскою войною и гражданскими войнами Колчака, Деникина, Врангеля. Что изъ этого слѣдуетъ? А то, что, какъ бы ни былъ плохъ самый плохой изъ этихъ генераловъ и штабъ - офицеровъ, но, если, въ грозный періодъ 1914 - 1926 годовъ онъ успѣлъ дойти до высшаго командного поста, это значитъ, — онъ не сложа руки сидѣлъ и не въ четырехъ стѣнахъ работалъ для Россіи, но подставлялъ свой лобъ подъ картечь и пулеметы сперва германцевъ и австрійцевъ, потомъ большевиковъ.

Многіе изъ насъ, людей пера и языка, могутъ похвастаться тѣмъ же самымъ? Наберется, можетъ быть, нѣсколько дюжинъ, но далеко до сотенъ, не говоря уже о тысячахъ. И отмѣтить съ величайшимъ вниманіемъ должно, что именно изъ числа этихъ то дюжинъ, лично прошедшихъ страшную школу войны, не выдѣлилось ни одного публициста - критикана, сортирующаго армію по псевдодемократическому шаблону. Преемствомъ отъ Соколова и Нахамкеса щеголяютъ почти исключительно типы, не слыхавшіе пушки ближе, какъ за пятьдесятъ верстъ, не знающіе, съ какого конца заряжается винтовка, и сраженія воображающіе по «Войнѣ и Миру», по «Дебаклю» Зола, по Октаву Мирбо и т. д.

Наши штатскія междоусобія и войны тоже оставляютъ на участникахъ своихъ рубцы и шрамы, изъ поединковъ слова устнаго и печатнаго тоже выходятъ люди очень часто хромыми, какъ Іаковъ. Но раны души рѣдко не исцѣляются, а оторванныя руки и ноги никогда не отрастаютъ. Вопросъ, — «кому вѣнецъ, мечу иль крику?» — когда то очень дорого обошелся гражданской репутаціи Пушкина, будучи истолкованъ, какъ прославленіе «военщины», какъ униженіе слова предъ грубою силою. Но, вѣдь, какъ бы высоко ни ставили мы словесныя заслуги войны и бури, нельзя же самому горделивому трибуну, самому пылкому и убѣжденному въ себѣ публицисту не сознаться, что одно дѣло — громить большевиковъ въ рѣчахъ на митингахъ или въ газетныхъ статьяхъ, а другое рубиться съ конницей Буденнаго.

Жертва, приносимая въ мысли и духѣ, можетъ быть глубже и властнѣе жертвы тѣлесной, но она не такъ страшна и болѣзненна для человѣка, ибо не такъ очевидно придвигаетъ къ нему порогъ страшнаго страха въ природѣ — смерти. Въ древнемъ спорѣ съ Богомъ за Іова — «отвѣчалъ сатана Господу и сказалъ: кожу за кожу, а за жизнь свою отдастъ человѣкъ все, что есть у него; но простри руку Твою и коснись кости его и плоти его, — благословитъ ли онъ Тебя?» Въ Іовѣ сатана ошибся: праведный мужъ выдержалъ тѣлесныя муки съ такою же силою убѣжденія, какъ раньше муки душевныя. Сатана былъ посрамленъ. Но совершенно ли? Вѣдь, Іовъ былъ человѣкъ исключительный. Самъ Господь сказалъ о немъ: «нѣтъ такого, какъ онъ, на землѣ». Между тѣмъ, военная жертва ввергаетъ во второе искушеніе Іова многія тысячи людей.

Каждый инвалидъ — уже болѣе или менѣе Іовъ на гноищѣ, ибо страшный разрушитель жизни такъ или иначе коснулся плоти и кости его. Если онъ не ропщетъ, тѣмъ выше его жертва, тѣмъ больше заслуга. Но трудно это, очень трудно не роптать, лежа на гноищѣ. И надо ли доказывать, что дѣло тѣхъ, которыхъ эти Іовы своимъ гноищемъ искупили отъ грозной участи самимъ лечь Іовами на гноище, облегчить положеніе своихъ искупителей всѣми средствами помощи, какія имъ доступны. Счастливы сегодня тѣ, кто въ состояніи участвовать въ святомъ дѣлѣ облегченія. Истинно несчастны тѣ, которые на призывъ къ святому дѣлу, вынуждены отвѣчать съ потупленными головами, робкимъ голосами:

— «Не взыщи, братъ! Нѣтъ у меня ничего, братъ!».

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ.

Слѣва направо: 1) Кап. **А. Г. Ноздринъ,** 2) Унт. оф. **Т. М. Приходько,** 3) Вахмистръ **А. М. Лазаревъ,** 4) Казакъ **С. Шаргиновъ,** 5) Пор. **Ф. Д. Аленьскій,** 6) Ряд. **П. К. Бѣда,** 7) Подп. **С. М. Винтеръ,** 8) Подп. **М. Л. Ревуцкій,** 9) Ротмистръ **В. И. Петровъ,** 10) На носилкахъ вольноопред. **Василій Петровичъ Печенкинъ.**

Изъ цикла „ВОЙНА“

ПРИВАЛЪ.

У походной кухни лентой —
Разбитная солдатня.
Отогнувъ подолъ брезента,
Кашевары поятъ коня...

∴

Въ крышкѣ гречневая каша,
Въ котелкѣ дымятся щи.
Небо — синенькая чаша,
Надъ лозой гудятъ хрущи.

∴

Слунешь къ краю листъ лавровый,
Круглый перецъ сплюнешь вбокъ,
[illegible]
[illegible]

∴

Спать? Не клонитъ... Лучше къ рѣчкѣ
Гимнастерку постирать.
Солнце выпьетъ, какъ изъ печки.
За прудомъ темнѣетъ гать.

∴

Желтыхъ тѣлъ густая каша,
Копошась, гудитъ въ водѣ...
Ротный шутъ, ефрейторъ Яша,
Рака прячетъ въ бородѣ.

∴

А у рощицы тѣнистой
Сѣлъ четвертый взводъ въ кружокъ:
Русской пѣсней голосистой
Захлебнулся бережокъ.

∴

Солнце выше, пѣсня лише:
«Тараканъ мой, тараканъ!»
А басы ворчатъ все тише:
«Заползъ Дунѣ въ сарафанъ» . .

НА ПОПРАВКѢ.

Одолѣла слабость злая,
Ни поднятся, ни вздохнуть:
Девятнадцатаго мая
На развѣдкѣ раненъ въ грудь.

∴

Цѣлый день сижу на лавкѣ
У отцовскаго крыльца.
Утки плещутся въ канавкѣ,
За плетнемъ кричитъ овца.

∴

Все не вѣрится, что дома...
Каждый камень, словно другъ.
Ключъ бѣжитъ тропой знакомой
За оврагъ, въ зеленый лугъ.

∴

Эй, Дуняша, королева,
Глянь-ка, воду не пролей!
Бедра вправо, ведра влѣво,
Пятки сахара бѣлѣй.

∴

Подсобить? Пустое дѣло!..
Не удержишь, — поплыла,
Поплыла,-какъ лебедь бѣлый,
Вдоль широкаго села.

∴

Тишина. Поля глухія,
За оврагомъ скрипъ колесъ..
Эхъ, земля моя Россія,
Да хранитъ тебя Христосъ!

1916. **А. ЧЕРНЫЙ**

Дѣло эскадрона Нижегородскаго Драгунскаго полка

7-го сентября 1914 г. у мѣс. Блашки.

Напомнимъ Первому про Блашки.
Гдѣ съ честью палъ ихъ командиръ.
Онъ, не смутясь ударилъ въ шашки,
Не посрамивъ родной мундиръ.

(Изъ полковой пѣсни).

7-го сентября 1914 г, Экс. Е. В. имѣлъ блестящее чисто кавалерійское дѣло, атаковавъ въ конномъ строю эскадронъ германской конницы, по случайному совпаденію также эскадронъ Е. В. ...... Саксонскаго Конно-Егерскаго Императора Германскаго полка, уничтоживъ его совершенно и потерявъ лишь одного человѣка. Но потеря эта была тяжелая: погибъ, доблестный его Командиръ рот. Н. Т. Люксъ.

Въ ночь на 7-е сентября эскадронъ былъ высланъ развѣдывательнымъ эскадрономъ изъ города Сѣрадзя въ направленіи на городъ Калишъ. Подойдя къ селу Калинову, эскадронъ встрѣтилъ возвращавшійся обратно предыдущій развѣдывательный эскадронъ Сѣверскаго .... драг. полка (2-й подъ командой временно-командующаго шт. ротм. Мудра Анзорова), который шелъ къ Калишу, не обнаруживъ нигдѣ непріятеля. Во исполненіе своей задачи, подъ утро Рот. Люксъ выслалъ впередъ три разъѣзда отъ своего эскадрона: корн. В. Панчулидзева, пор. Кн. И. Капланова и унт. офиц. Сиволапова, кромѣ того еще одинъ отъ приданнаго къ эскадрону взвода 4-го эск. подъ командой корн. Лазара Нахичеванскаго.

За выдѣленіемъ этихъ разъѣздовъ, силу оставшагося эскадрона можно опредѣлить не болѣе трехъ взводовъ. Эскадронъ расположился въ фольваркѣ Воленъ, въ которомъ стояли и всѣ предыдущіе развѣдывательные эскадроны и такъ какъ по свѣдѣніямъ непріятель обнаруженъ нигдѣ не былъ, то часть лошадей разсѣдлали, ибо полкъ былъ въ постоянныхъ передвиженіяхъ и лошади требовали отдыха, но все же было изъ предосторожности выставлено охраненіе. Вслѣдствіе холодной погоды людямъ было приказано отторочить шинели. Время близилось къ полудню. Ротмистръ Люксъ и оставшіеся съ нимъ офицеры шт.-ротм. Кн. В. Голицынъ и пор. В. Вольскій сидѣли въ хатѣ и ѣли [illegible], которыхъ они наловили въ пруду. Въ это время на взмыленной неосѣдланной лошади прискакалъ во дворъ одинъ полякъ и попросилъ доложить командиру эскадрона, что у него къ нему спѣшное дѣло. Услышавъ топотъ и увидя это изъ окна Кн. Голицынъ выбѣжалъ узнать въ чемъ дѣло. При видѣ Кн. Голицына, лицо крестьянина расплылось въ радостную улыбку и онъ взволнованнымъ голосомъ сообщилъ, что черезъ селеніе Блашки, находящееся въ верстахъ двухъ отъ фольварка только что прошла по шоссе на гор. Сѣрадзь колонна германской кавалеріи, силу которой опредѣлить онъ не сумѣлъ и что непріятель долженъ быть теперь уже въ тылу. Крестьянинъ этотъ оказался жителемъ селенія Блашки, служившимъ въ полку трубачемъ въ бытность Кн. Голицына полковымъ адъютантомъ. Замѣтивъ прошедшую черезъ Блашки германскую колонну и зная о присутствіи русскаго эскадрона въ фольваркѣ Воленъ, онъ немедленно поскакалъ сообщить о видѣнномъ и, какова должна быть его радость, когда въ тѣхъ, кому онъ оказалъ такую цѣнную услугу, онъ узналъ своихъ Нижегородцевъ и своего бывшаго начальника. Велѣвъ сѣдлать по тревогѣ, чтобы не упустить непріятеля Люксъ приказалъ взводному 3-го взвода Г. Люфту съ нѣсколькими готовыми людьми нагнать германцевъ, подскочить, какъ можно близко, обстрѣлять ихъ съ коней и отходя заманить на эскадронъ. Сдѣлано это было не только для развѣдки, но и потому, что нѣмецкая кавалерія, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ для нихъ встрѣчъ съ нашей, всегда уклонялась отъ атаки. Тѣмъ временемъ эскадронъ былъ уже готовъ и боясь, что нѣмцы, узнавъ о присутствіи русскихъ постараются скрыться, ротм. Люксъ повелъ эскадронъ рысью, обогнувъ сел. Блашки съ западной стороны, чтобы отрѣзать германцамъ отступленіе. Взвод. унт.-оф. Люфтъ съ разъѣздомъ вышелъ прямо на шоссе, минуя Блашки и слѣдуя по немъ на востокъ въ 4-хъ-5-ти верстахъ нагналъ противника. Изъ за туманной погоды и дождя было очень плохо видно и Люфтъ подскочилъ почти вплотную къ стоящему на привалѣ спѣшенному эскадрону, и открылъ немедленно огонь. Сѣвъ на коней германцы погнались за нашимъ разъѣздомъ, который сталъ итти обратно.

Шоссе по выходѣ изъ Блашекъ проходитъ между двумя рядами деревьевъ, часто переплетающимися между собою вѣтвями, образуя надъ шоссе, какъ бы зеленыя арки, благодаря которымъ дальше 100-150 шаговъ ничего видѣть нельзя, кромѣ того съ обѣихъ сторонъ прорыты канавы Эскадронъ двигался въ колоннѣ по шести, имѣя ротм. Люкса съ правой стороны, а шт. ротм. Кн. Голицына съ лѣвой. Время шло, и въ душу уже начинало закрадываться сомнѣніе, не повернули ли германцы въ сторону отъ шоссе, какъ вдругъ впереди раздался конскій топотъ и послышались револьверные выстрѣлы. Не успѣлъ командиръ эскадрона скомандовать: «Пики на бедро, шашки къ бою, эскадронъ за мной, въ карьеръ маршъ, маршъ», какъ показались на шоссе несущіеся наши драгуны, а за ними германскій эскадронъ съ пиками на перевѣсъ, во главѣ 3-хъ офицеровъ. Со стороны непріятеля слышны были неистовые крики «гохъ» и офицеры стрѣляли изъ парабеллумовъ по нашему разъѣзду. Увлеченные преслѣдованіемъ нѣмцы врядъ ли ожидали такую неожиданную встрѣчу и побѣдное «гохъ» стихло. Но поворачивать было уже поздно и некуда. Оставалось встрѣтиться лицомъ къ лицу и постараться пробиться черезъ внезапно выросшее препятствіе. Въ первый же моментъ выстрѣломъ изъ револьвера командира германскаго эскадрона былъ убитъ Ротм. Люксъ, который падая успѣлъ крикнуть: «Рубите, ребята, деньги у трубача». Кн. Голицыну не было времени и возможности останавливаться и узнавать подробности, ибо малѣйшая задержка могла неблагопріятно отразиться на эскадронѣ. Возлѣ Люкса остались его трубачъ и вѣстовой. Въ то же мгновеніе командира германскаго эскадрона рубнулъ скакавшій за Кн. Голицынымъ его вѣстовой Шевченко. Кн. Голицынъ въ это время какъ разъ обернулся и видѣлъ, какъ онъ слетѣлъ съ лошади и вскочилъ на ноги, отбивался саблей и потомъ подъ вторичнымъ ударомъ Шевченко упалъ.

Въ дальнѣйшемъ сквозная атака, начавшаяся на карьерѣ, скоро перешла въ медленное пропелзаніе другъ черезъ друга двухъ встрѣтившихся конныхъ массъ, во время которой перевѣсъ сразу обнаружился на сторонѣ нашихъ драгунъ, легко прорубавшихъ мощными ударами нѣмецкія каски, въ то время, какъ нѣмцы безпощадно вертѣли своими пиками, стараясь всѣми способами защищаться отъ сыпавшихся на нихъ жестокихъ ударовъ. Какъ только головная часть эскадрона дорубилась до хвоста нѣмецкой колонны. Кн. Голицынъ крикнулъ: «На лѣво, кругомъ» и люди повернули кто какъ могъ и началось безпощадное преслѣдованіе, почти вперемежку въ общей свалкѣ удиравшаго врага, прекращенное только тогда, когда немногіе уцѣлѣвшіе нѣмцы перескакивая черезъ канавы разсѣялись по всему полю

Потери въ этомъ столкновеніи были съ нашей стороны, кромѣ убитаго Ротм. Люкса, ранены пулями: вз. унт.-оф. 4-го эскадрона Понамаревъ и драгунъ эск. Е. В. Плячко и 5-7 драгуновъ ранено пиками, между прочимъ и вахмистръ подпр. Калниболоцкій, который получилъ царапину по щекѣ. 7 лошадей убито пулями и нѣсколько ранено саблями и пиками, которыхъ тутъ же замѣнили забранными у нѣмцевъ. Германцевъ зарублено до 70 человѣкъ и 12 ранеными взято въ плѣнъ.

По окончаніи дѣла князь Голицынъ, принявшій командованіе, какъ старшій, сейчасъ же выслалъ мелкіе разъѣзды впередъ и на фланги, такъ какъ отъ высланныхъ еще утромъ все не было донесеній, кромѣ того, послалъ каптенармуса эскадрона унт.-оф. Томача въ фольваркъ Воленъ за шинелями, а также донесеніе въ штабъ дивизіи о происшедшемъ. Отправивъ въ тылъ, на подводахъ тѣло Ротм. Люкса, раненыхъ, плѣнныхъ и захваченное оружіе, командующій эскадрономъ приказалъ отходить на наше сторожевое охраненіе къ гор. Сѣрадзю. У моста деревни Свардчево онъ занялъ переправу въ ожиданіи приказаній изъ штаба полка. Вскорѣ получили свѣдѣнія о появленіи германскихъ самокатчиковъ. Сюда же къ мосту подошелъ и разъѣздъ Пор. Кн. Капланова, чуть не принявшій нашъ эскадронъ за непріятельскій, такъ какъ нѣкоторые драгуны понадѣвали нѣмецкія каски, шинели и сидѣли на нѣмецкихъ же лошадяхъ.

Нельзя не отмѣтить совершенно исключительныхъ обстоятельствъ этого дѣла: 1) Неожиданное появленіе бывшаго нижегородца, запаснаго трубача съ донесеніемъ о прошедшемъ черезъ его селеніе непріятельскомъ эскадронѣ. Судьбѣ угодно было дать ему счастливую возможность еще разъ послужить родному полку; 2) Встрѣчу въ конномъ поединкѣ эскадроновъ двухъ шефскихъ полковъ, Нижегородскихъ, Его Величества, драгунъ и конно - егерей Германскаго Императора; 3) Смерть обоихъ командировъ въ самомъ началѣ атаки и 4) исключительно рѣдкую въ военной исторіи конную сквозную атаку въ колоннѣ по шести по шоссейному дефиле.

Полк. Кн. Н. С ТРУБЕЦКОЙ.

CHATEAU
CAVEAU
CABARET
CAUCASIENS

54, RUE PIGALLE,
Tél. Trudaine 38-97.

Оркестры : БАРКАРОЛЛА, ГАВАЯСКІЙ, смѣшанный, для танцевъ. Русско-цыганскій хоръ подъ управл. СЕРГѢЯ БАГРЕЦОВА и г. Г. БУЛКИНА съ участіемъ г-жъ : ЗИНАИДЫ ДАВЫДОВОЙ, АННЫ, СТЕПОВОЙ, КОНДАМИРОВОЙ, ГОЛЕМБАТОВСКОЙ и г.г.: ИВ. ТАРТАКОВА и Л. ОРЛИЦКАГО. Труппа театра миніатюръ « Бѣлыя Ночи » съ его новой программой. — Скетчи, юморески, сцены, пародіи, баллады, пантомимы, пластич. сцены, пѣсни и т. д. Кавказскіе танцоры ХАЗЪ-БУЛАТЪ, АНТАДЗЕ, ДЖАНАЕВЪ, В. НОРІЕЛЛИ. Г-жи ИВАНОВА, СЕМЕНОВА, ЗАМБРОВСКАЯ, ШЕРЕМЕТЬЕВА, КАЛИНСКАЯ, г.г.: ЛЮБИНЪ, ПЕТРОСЬЯНЪ, КОСАРЪ, г-жа и г. d'ALDE.

Полная программа кабарэ - дансингъ съ участ. франц. артистовъ : GABY MONTBREUSE, DAUVIA, LUCIENNE BOYER, M. PIZELLA du Casino de Paris Mlle LUCETTE NINON, Mme YVONNE LEDUC. Извѣстная кухня и вина. Два бара. Открыто всю ночь, съ 9 час. вечера.

MAISONNETTE des COMEDIENS RUSSES

(ДОМИКЪ КОМЕДІАНТОВЪ)

36, RUE VIVIENNE, 36,
Tél. CENTRAL 73-57.

НАСТЯ ПОЛЯКОВА, Б. П. ПОПОВЪ, Mlle АРЦЫБУШЕВА, О. В. МАРКЪ, М. И. ТХОРЖЕВСКІЙ.
РАФАЭЛЬ со своимъ оркестромъ. ЗАВТРАКИ (20 ФР.). ОБѢДЫ, УЖИНЫ.

CERCLE AMATEURS DES BEAUX - ARTS.
ЕЖЕДНЕВНО КАРТЫ по субботамъ и воскресеньямъ
ЛОТО
86, rue de la Fédération (36, av. de Suffren), Métro: Champ de Mars.

Директоръ двухъ синема : «Chantecler», 76, av. de Clichy, и Charles», 72, rue St Charles.
Л. Сирочкинъ увѣдомляетъ своихъ уважаемыхъ кліентовъ, что имъ заключены къ предстоящему сезону контракты на новѣйшія фильмы съ «Paramount», «Artistes Associés», «Gaumont» и «Aubert».

АЛЛАВЕРДЫ НА МОНПАРНАССѢ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДУХАНЪ ПОДВАЛЪ.
33, RUE DELAMBRE. — КАБИНЕТЫ - ЛОЖИ — 33, RUE DELAMBRE.

КАЛИНА
Извѣщаетъ своихъ многоуважаемыхъ кліентовъ о полученіи изъ Лондона первоклассн. англійскихъ матеріаловъ для весенн. и лѣтн. сезона.
Tél. Gutenberg 52-71. 25, avenue l'Opéra, 25, Paris.

LA MAISONNETTE RUSSE
ЗАВТРАКИ. ОБѢДЫ. ПЕРВОКЛАССНАЯ РУССКАЯ КУХНЯ.
БОЛЬШАЯ АРТИСТИЧ. ПРОГРАММА.
Два симфоническихъ оркестра.
ДЕКОРАЦІИ ХУДОЖНИКА В. И. ШУХАЕВА.
36-38, rue du Mont-Thabor, Paris, Tél. Louvre 04-20, 32-09.

РУССКІЙ ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ
Théâtre « ALBERT 1-er » (64, rue du Rocher). Съ воскресенья 15-го мая 1927 г.
СЕЗОНЪ ВОСКРЕСНЫХЪ СПЕКТАКЛЕЙ
Составъ труппы: Г-жи Е. Н. РОЩИНА-ИНСАРОВА, Н. А. АЛЕКСѢЕВА, О. В. БАРАНОВСКАЯ, В. М. ВАЛЕВСКАЯ, В. А. ГРАГОВСКАЯ, М. М. ДАНИЛОВИЧЪ, Р. А. ДЖИВИЛЕГОВА, О. Н. ДОЛИНА, Н. Я. ЕЛЬСКАЯ, А. М. КАРЕНИНА, А. М. КАСТАНОВА, Н. Е. ЛАНСКАЯ, Е. В. МУРАВЬЕВА-КЕДРИНА, М. Д. ПРОХОРОВА, М. П. РЕЙНГАРДЪ, Н. А. СМОЛДОВСКАЯ, М. Э. ТРОЯНОВА, г-да: Е. Р. БЕЛЬТИХИНЪ, М. Н. ДОЛОХОВЪ, Н. П. ЛИТВИНОВЪ, К. В. ЛУКЬЯНОВЪ, А. С. РАНЕЦКІЙ, Г. Г. РАХМАТОВЪ, Б. Д. РИНАЛЬДИНЪ, П. Г. СПИЦЫНЪ, Н. Г. СѢВЕРСКІЙ, В. М. ФЕДОТОВЪ, Б. Н. ШУПИНСКІЙ. Режиссеръ Е. Н. РОЩИНА-ИНСАРОВА, худ.-декор. Н. П. УШАКОВЪ, пом. режиссе-ра Н. Ф. ЛЕБЕДИНСКІЙ.
ЦѢНЫ МѢСТАМЪ: ложи партера - 160 фр., ложи балкона - 120 фр., кресла партера — 50, 30, 20 и 12 фр., кресла балкона — 15, 11, 8 и 5 фр.
Билеты продаются въ кассѣ театра «Albert 1-er» отъ 11 ч. у. до 7 час. вечера.

БОЛЬШОЙ МОСКОВСКІЙ ЭРМИТАЖЪ
24, RUE CAUMARTIN, 24, TEL. CENTRAL 52-42.
Дир. А. РЫЖИКОВЪ.
Обѣды, ужины, 5 час. чай. Большая художественная программа.
САША МАКАРОВЪ, НЮРА МАСАЛЬСКАЯ, М. ДИДЕРИХСЪ и др.
2 оркестра. Джаззъ - Бандъ.

Въ субботу, 14-го мая въ 8 ч. 30 м. вечера въ т. Трокадеро состоится грандіозный вечеръ - гала. Въ 1-ый разъ Парижѣ съ хоромъ и оркестромъ
„РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА"
при участіи: НИНЫ КОЩИЦЪ, г-жъ А. Миличъ, А. Антоновичъ, Е. Пайдаси, г.г.: К. Жуковичъ, Н. Надеждинъ, Г. Леоновъ, Н. Лаврецкій, С. Шумовъ, ХОРЪ РУССКОЙ ОПЕРЫ и ОРКЕСТРЪ ПАДЕЛУ, всего 200 чел. подъ управл. К. Д. АГРЕНЕВА - СЛАВЯНСКАГО.
Билеты отъ 5 до 20 фр. продаются въ кассѣ Трокадеро (отъ 11 до 17 час.) у Durand, 4, Place de la Madeleine въ агентствѣ Albert, 38, av. de l'Opéra.

ВОСКРЕСЕНЬЕ 22-ГО МАЯ
ДЕНЬ РУССКАГО ИНВАЛИДА
большой оперный спектакль въ TROCADERO
ИЗЪ ЧАСТЕЙ РУССКИХЪ ОПЕРЪ :
«ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ», «ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ», «БОРИСЪ ГОДУНОВЪ» въ декораціяхъ и костюмахъ БАЛЕТНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ, ХОРЪ, ОРКЕСТРЪ,
подъ управленіемъ АЛЕКСАНДРА ЛАБИНСКАГО.
Въ концертѣ примутъ участіе 100 лицъ. Билеты отъ 5—25 франковъ. Предварительная продажа въ русск. книжныхъ магазинахъ и организаціяхъ начнется съ четверга 12 мая.

Разрушенная легенда

Плохо жилось въ Парижѣ лѣтомъ 1789 года.

Стояли небывалыя жары... Палящіе лучи солнца усиливали броженіе умовъ, вызванное чрезвычайно неустойчивымъ и тревожнымъ внутреннимъ положеніемъ.

Въ городѣ ощущался недостатокъ продовольствія. Это объяснялось дѣятельностью разбойничьихъ шаекъ, расплодившихся въ небываломъ количествѣ во всей области Иль - де - Фарсъ. Они нападали на обозы со съѣстными припасами, жгли фермы, грабили путешественниковъ...

Не мало ихъ проникло въ Парижъ.

Каждый день толпы подозрительныхъ личностей наполняли сады Пале - Руайяль. Они прохлаждались въ тѣни каштановъ, попивали вино и наслаждались пріятными рѣчами молодого «трибуна» Камилла Демулена.

«Трибунъ» былъ присяжный неудачникъ. Поэтому онъ ненавидѣлъ и жаждалъ крови всѣхъ тѣхъ, кому завидовалъ. А завидовалъ онъ, кажется, всѣмъ.

Вскочивъ на стулъ, онъ простиралъ руки къ толпѣ и истерически кричалъ:

— Звѣрь въ капканѣ! Убейте его! Никогда столь богатая добыча не доставалась побѣдителямъ! Сорокъ тысячъ дворцовъ, отэлей и замковъ, двѣ пятыхъ достоянія Франціи будутъ наградой смѣлыхъ!..

Это очень нравилось слушателямъ.

Солдаты парижскаго гарнизона тоже охотно посѣщали Пале-Руайяль.

⁂

12 іюля въ Пале-Руайяль стало извѣстно, что Неккеръ устраненъ отъ должности. Одновременно разнесся слухъ, что маршалъ де Брогли намѣренъ «очистить» Парижъ.

Такъ какъ въ Пале-Руайяль очень этого боялись, — слухъ ни въ комъ сомнѣній не вызвалъ..

Что дѣлать? Всѣ взоры обратились на Демулена.

Онъ произнесъ рѣчь, въ которой призывалъ толпу къ оружію. Другого выхода нѣтъ.

Вободренная призывами Демулена толпа катится лавиной по улицамъ. Она натыкается на войска. Но... ни «ослѣпленныя свирѣпостью войска», ни ихъ предводитель «кровожадный князь Ламбекъ», не предпринимаютъ ничего противъ буяновъ.

Кончилось тѣмъ, что войска были уведены въ мѣста своихъ стоянокъ, очистивъ поле толпѣ.

Буяны ликуютъ. Побѣда!

А ночью въ отэль де Вилль били въ набатъ..

Звали на помощь.. «Побѣдители» грабили лавки и раздѣвали прохожихъ..

На утро выяснилось, что кромѣ магазиновъ и булочныхъ, ночью были ограблены: мебельный складъ, монастырь Лазаристовъ и отэль лейтенанта полиціи. Изъ тюрьмы Форсъ выпустили заключенныхъ — опасныхъ преступниковъ. Они увеличили ряды «побѣдителей»...

Муниципалитетъ рѣшилъ сформировать милицію и вооружить ее.

Узнавъ объ этомъ чернь тоже рѣшила вооружиться и сдѣлала это значительно быстрѣе и успѣшнѣе милиціи.

Въ разграбленномъ мебельномъ складѣ было захвачено все найденное тамъ оружіе, по большей части — музейный хламъ вродѣ «сарацинскихъ» пикъ.

Но 14 іюля толпа ворвалась во дворецъ Инвалидовъ и здѣсь добыча оказалась серьезнѣе. Было захвачено 27 пушекъ, 1 мортира и 32.000 ружей.

Были пушки, были ружья, но не было пороху. На поиски его бросились въ арсеналъ. Здѣсь сказали, что весь порохъ снесенъ въ Бастилію.

Кто то крикнулъ:

— Въ Бастилію!

Толпа бросилась къ замку.

Революціонная легенда утверждаетъ, что толпа бросилась на приступъ Бастиліи, чтобы стереть съ лица земли этотъ «оплотъ и символъ тираніи» и освободить томившихся въ ней «невинныхъ страдальцевъ». Но это не вѣрно. Бастилія задолго до 14 іюля была сведена на роль заштатной тюрьмы и шла рѣчь о ея снесеніи.

Въ десятитысячной толпѣ, собравшейся передъ Бастиліей, состоящей по преимуществу изъ городскихъ подонковъ и преступниковъ, никто, вѣроятно, не зналъ и не думалъ о томъ, кто заключенъ въ Бастилію.

Къ буянамъ присоединилось множество любопытныхъ. Почти все Сентъ-Антуанское предмѣстье высыпало на площадь посмотрѣть, «что будетъ».

Очевидцы утверждаютъ, что въ этой толпѣ не было «ровно ничего политическаго»...

Въ толпѣ было не мало солдатъ. Къ нимъ льнули темныя личности. Они нашептывали солдатамъ:

— Ваши начальники хотятъ запереть васъ въ казармы и взорвать...

Солдаты клялись отмстить...

Ораторы толкаютъ толпу на приступъ. Она и сама рвется въ бой, но... изъ бойницъ Бастиліи грозно глядятъ жерла пушекъ...

Всѣ знали, что изъ этихъ пушекъ стрѣляютъ только по высокоторжественнымъ днямъ холостыми зарядами. Ядрами стрѣляли въ послѣдній разъ больше ста лѣтъ тому назадъ, въ дни фронды.. Но все таки — страшно..

Жители Сэнтъ - Антуанскаго предмѣстья посылаютъ делегацію въ Отэль де Вилль съ просьбой убрать «страшныя» пушки.

Въ Отэль де Вилль поспѣшили исполнить просьбу. Отправляется делегація къ губернатору Бастиліи доблестному, заслуженному офицеру де Лоней просить убрать пушки.

Узнавъ о страхахъ толпы, де Лоней улыбнулся... Онъ охотно согласился исполнить просьбу делегаціи. Пушки были убраны...

Однако толпа не успокоилась, о чемъ позаботились ораторы.

Къ де Лоней командировали нѣкоего адвоката Тюріо посмотрѣть, что дѣлается внутри замка.

Де Лоней принялъ его очень любезно. Узнавъ о цѣли посѣщенія, онъ устроилъ ему маленькій парадъ. Передъ адвокатомъ продефилировалъ весь гарнизонъ Бастиліи: 95 инвалидовъ и 30 швейцарцевъ... Кромѣ того, де Лоней въ цѣляхъ «успокоенія умовъ» приказалъ забить досками бойницу.

Тюріо поблагодарилъ губернатора и ушелъ совершенно успокоенный.

Но толпа вовсе не хотѣла успокаиваться.

Исчезновеніе пушекъ, закрытыя бойницы, ничтожный гарнизонъ, — все это располагало къ усиленію воинственности, а не къ успокоенію.

Наиболѣе рьяные изъ нападающихъ принялись ломать стѣну еще до возвращенія Тюріо. Вскорѣ толпа ворвалась за линію перваго пояса..

Де Лоней все еще ничего не предпринималъ для защиты Бастиліи.

Какъ и большинство храбрыхъ людей онъ преуменьшалъ опасность. Кромѣ того онъ былъ полонъ «предразсудковъ», которые теперь принято называть «буржуазными».

Такъ, онъ считалъ несовмѣстимымъ съ честью дворянина сражаться по всѣмъ правиламъ военнаго искусства съ чернью и противнымъ достоинству солдата стрѣлять по толпѣ, гдѣ было много женщинъ и дѣтей...

Онъ ограничился тѣмъ, что увелъ свой гарнизонъ во внутренній дворъ и велѣлъ поднять подъемный мостъ.

Двоимъ изъ нападавшихъ удалось разбить топорами цѣпи моста и онъ упалъ. Въ одно мгновеніе толпа наполнила внутренній дворъ.

Очевидецъ этого вторженія сообщаетъ, что во дворѣ были одни только «разбойники».. Увидѣвъ здѣсь нѣсколькихъ защитниковъ Бастиліи, они стали въ нихъ стрѣлять.

Губернаторъ, оказавшись лицомъ къ лицу съ «наслѣдниками Картуша» вынужденъ былъ въ свою очередь открыть огонь..

Это произвело впечатлѣніе.

Въ одинъ мигъ дворъ былъ очищенъ... Нападавшіе разбѣжались...

Но, увы, не надолго.. Толпа вернулась съ подкрѣпленіемъ въ лицѣ солдатъ.

Руководители нападенія прекрасно поняли, что разбойники умѣютъ грабить, убивать, поджигать.. Но брать крѣпости не ихъ дѣло.. Это дѣло солдатъ.

Присутствіе въ толпѣ этихъ солдатъ поколебало твердость защитниковъ Бастиліи..

Де Лонея принудили капитулировать.

Одинъ изъ нападавшихъ, унтеръ-офицеръ Эли, сообщаетъ, что Бастилія капитулировала только потому, что онъ, Эли «далъ честное слово французскаго офицера, что никому не будетъ причинено ни малѣйшаго вреда».

Но развѣ слово можетъ обязать къ чему нибудь разбойниковъ или революціонеровъ?

Черезъ нѣсколько минутъ, де Лоней, послѣ геройской защиты — одинъ противъ толпы — былъ убитъ. Надъ его трупомъ глумились..

Мальчишка-поваренокъ Дено, «умѣвшій обращаться съ мясными тушами», отдѣлилъ голову отъ туловища. Надѣтая на «сарацинскую» пику, блѣдная, окровавленная, съ полузакрытыми глазами, она закачалась надъ толпой..

Въ теченіе десяти послѣдующихъ лѣтъ Дено хвастался своимъ «подвигомъ» и требовалъ за него медаль..

Участь де Лонея раздѣлили три офицера и три инвалида..

«Побѣдители» вынесли на рукахъ изъ Бастиліи бывшихъ тамъ заключенныхъ. Ихъ было семь: четыре мошенника, два сумасшедшихъ и одинъ «интересный» преступникъ — маркизъ де Садъ.. Толпа устроила имъ овацію..

Защитниковъ Бастиліи встрѣтили оскорбленіями и угрозами расправы..

— Побѣда! Побѣда! — кричала толпа направляясь въ Отэль де Вилль.

Надъ толпой колышатся «трофеи»: знамя Бастиліи и надѣтыя на пики головы ея защитниковъ.. Вскорѣ къ нимъ присоединяется голова прево Флесселя, убитаго за то, что онъ — «сообщникъ» де Лоней..

Головы убитыхъ относятъ въ Пале-Руайаль.

Женщины и дѣти пляшутъ вокругъ нихъ, «выражая сожалѣніе, что ихъ только семь, а не тысяча»..

⁂

Вечеромъ 14 іюля въ Версаль, въ засѣданіе Національной Ассамблеи, явилась делегація отъ муниципалитета съ сообщеніемъ о случившемся.

Парижане очень боялись, что ихъ сдѣлаютъ отвѣтственными за произошедшую «катастрофу»..

Ихъ опасенія оказались напрасными..

Неоднократно ихъ не совсѣмъ правдивый разсказъ прерывался криками негодованія, но не по адресу убійцъ, а по адресу убитаго де Лоней..

Своими «возмутительными» дѣйствіями, онъ «вызвалъ кровопролитіе»..

Делегаты Національной Ассамблеи наперерывъ восхваляли «порядокъ и благоразуміе, съ которыми народъ вступилъ въ Бастилію».

«Лоней былъ осужденъ потерять голову.. Народъ свершилъ правосудіе, если и безъ соблюденія формальностей, то за то съ полнымъ хладнокровіемъ»..

Національной Ассамблеѣ было совсѣмъ не на руку ссориться съ «народомъ». Она смертельно боялась Двора и не очень полагалась на парижанъ, частенько поговаривавшихъ:

— Пока былъ одинъ король, былъ хлѣбъ. Какъ стало ихъ 1.300, хлѣба нѣтъ.

Позорное, грязное и кровавое преступленіе шайки преступниковъ она вѣнчала лаврами, тѣмъ самымъ отдавая Парижъ, а за нимъ и всю Францію во власть обезумѣвшей черни..

И долгіе годы корчилась въ предсмертныхъ судорогахъ и истекала потоками крови прекрасная, несчастная страна..

Изъ нѣдръ Національной Ассамблеи вышла легенда о взятіи Бастиліи, какъ о «чудесномъ подвигѣ народа въ борьбѣ съ деспотизмомъ и въ утвержденіи свободы»..

Безчисленное количество романовъ, поэмъ, драмъ и картинъ воспроизвели эти легенду.. Французскій національный праздникъ пріуроченъ ко дню взятія Бастиліи..

И только историки сообщили правду о взятіи Бастиліи..

Они разрушили легенду. Стоитъ ли о ней жалѣть?

Говорятъ:

Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ..

Но революціонный обманъ не возвышаетъ..

В. ФОХТЪ.

Au Caneton

3, RUE DE LA BOURSE.
Téléphone: Gutenberg 22-85.

Влад. Бр. Рено.

РУССКАЯ КУХНЯ,
РУССКІЙ ОРКЕСТРЪ.

МОЛОЧНАЯ И ПТИЦЕВОДНАЯ ФЕРМА
A de S. (ГР. А. СИВЕРСЪ).
Четвертый годъ существованія въ Парижѣ.
ЕЖЕДНЕВНО СВѢЖІЯ СЛИВКИ,
:: СМЕТАНА, ТВОРОГЪ, ЯЙЦА, ::
:::: КАРТОФЕЛЬ И ПТИЦА ::::
(цыплята, гуси, индѣйки и пр.).
Hôtel, 3, cite du Retiro, входъ 30, Fg St-Honoré Tél. Elysées 91-61.
Métro: Concorde, Madeleine.
ДОСТАВКА НА ДОМЪ.

ФАБЕРЖЕ и Ко

БРИЛЛІАНТЫ,
ЖЕМЧУГЪ
и
ДРАГОЦ. КАМНИ.
Покупка, продажа, пріемъ на комиссію.
23, rue Saulnier, 23,
PARIS (9).
Tél. Bergère 42-26, Mét.: Cadet.
ВЛАДѢЛЬЦЫ:
БР. Е. и Ал. ФАБЕРЖЕ,
ДЖУЛІО ГВЕРРІЕРИ
и А. МАРКЕТТИ.

„La Source“ («РОДНИКЪ»)
106, rue de la Tour, Paris (16).
Tél. : Passy 64-42. Métro : Pompe.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
и
БИБЛІОТЕКА
Русскія и французскія книги.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
и БИБЛІОТЕКА
„Montpárnasse“
45, rue Vavin, (въ глубинѣ парад. хода) вблизи «Ротонды».
ВСѢ НОВИНКИ Художеств., довоен. изд., антикв. (библіи). Откр. ежед. до 8 ч. в. по воскр. и празд. 3-5 час. дня.
ОБШИРНЫЙ ДѢТСКІЙ ОТДѢЛЪ.

РУССКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
J. POVOLOZKY & Cie
13, rue BONAPARTE, PARIS-VI
TEL.-FLEURUS 42-0

Я. ЦВИБАКЪ, «Монмартръ» съ илл. 15 фр.
Я. ЦВИБАКЪ, «СТАРЫЙ ПАРИЖЪ» съ илл. 18 фр.
ВЕЙМАРНЪ, «Корнетъ Корсаковъ» (романъ).
МАРКЕЛОВЪ, «На берегу Москва-рѣки».
«ВОЛЯ РОССІИ» журналъ, ц. 13 фр.
«РОДНЫЕ ПИСАТЕЛИ», сборникъ для дѣтей съ фотограф., ц. 9 фр.
НА СКЛАДѢ большой ВЫБОРЪ всѣхъ НОВИНОКЪ. Богатый АНТИКВАРІАТЪ. БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ (8 фр. въ мѣс.).
КАТАЛОГИ и справки БЕЗПЛАТНО.

ФРАНКО-РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ
„ВОЛЬТЕРЪ“
4, Passage Alexandrine (88, Rue des Boulets)
Téléphone : ROQUETTE 36-46
Трамваи [illegible] | Метро: [illegible] | Автобусы [illegible]

Принимаетъ всякаго рода типографскія работы отъ карточки до журнала, газеты и книги.
Работы исполняются аккуратно и по умѣреннымъ цѣнамъ.
Смѣты на работы предоставляются по первому требованію.
ВСЕВОЗМОЖНЫЯ СПРАВКИ ПИСЬМЕННО И ПО ТЕЛЕФОНУ

Imprimerie d'Art Voltaire
4, Passage Alexandrine (88, Rue des Boulets)
R. C. Seine 226.570

AGA
27, rue de la Pompe. Tél. Auteuil 62-04.
РУССКІЙ ГАСТРОНОМИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ И РЕСТОРАНЪ.
Всѣ русскіе продукты лучшаго качества.

РУССКОЕ КАФЕ
« Au BISTRO »
5, rue Fromentin, 5 (Монмартръ)
ОТКРЫТО КРУГЛЫЕ СУТКИ
Рюмка водки съ закуской 1 фр. 25 с.
Métro et N.-S.: Pigalle
Trud. : 16-96 — Trud. : 16-96

Желающимъ вкусно, сытно, и недорого покушать рекомендуемъ посѣтить
УЮТНЫЙ РУССКІЙ РЕСТОРАНЪ
„ЗОЛОТОЙ ПѢТУШОКЪ“
53, r. Lhomond et 58, r. Mouffetard
около Пантеона.
Разнообразный выборъ блюдъ, закусокъ, напитковъ, — Высокое качество продуктовъ. Безпрерывно отъ 11 ч. у. до 2 ч. ночи. Сообщенія отъ Пантеона по Трамв 82, 83, 84, 85, 91 и 93.
Автоб.:
(ост. по Claude Bernard уг. Vauquelin) et U отъ церкви.
Новая Дирекція.

«VADO»
Винно-Гастрономическій и Бакалейный магазинъ
Русскіе и французскіе продукты.
Пріемъ заказовъ по телефону :
Ségur 64-86.
Доставка на домъ. Отправка въ провинцію и заграницу.
157, Avenue de Suffren, 157 (XV)
Métro : Sèvre - Lecourbe.

И. В. РОСТОВЦЕВЪ
28, rue de la Reine-Blanche (Gobelins)
Paris (XIII). Tél.: Gob. 23-08.
ГРЕЧНЕВАЯ, ПШЕНО, ГЕРКУЛЕСЪ.
Манная, перловая и др. Клюква, русскія колбасы, икра кетовая, зернист. фунтъ 18 ф.
Русская водка бут. 12,60.

ОРЛОВЪ
ВИННО - ГАСТРОНОМИЧ. МАГАЗИНЪ
73, rue de Provence, Возлѣ Galeries Lafayette. Tél. Central 72-92.

Русская колбасная и консервная фабрика
АлександрЪ
70, av. Simon Bolivar. Tél. Nord 32-64.
Продажа всѣхъ сортовъ колбасъ, разнообр. сорт. копчен., соленой и маринов. и консерв. рыбы. Пріемъ заказовъ. Срочная доставка.

РУССКІЯ КОНДИТЕРСКІЯ ИЗДѢЛІЯ
GEORJANA
25, rue Longchamps (во дворѣ)
Tél. : Passy 65-39.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ КОНДИТЕРСКАЯ ВЪ ПАРИЖѢ
Л. МАРДОНЪ
Торты, шокол. конфекты и пр.
11, rue de la Croix-Nivert, 11, (XV).
Téléphone: SEGUR 56-56.

ФОНДАРИ
РУССКІЙ ГАСТРОНОМИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ
46, rue Fondary 46. Métro Commerce
ВСѢ РУССКІЕ И ФРАНЦУЗСК. ПРОДУКТЫ.
ТЕЛЕФОНЪ: SEGUR 50-95.

A LA VILLE DE PETROGRAD
КОНДИТЕРСКАЯ,
РЕСТОРАНЪ,
МАГАЗИНЪ.
11 и 13, rue Daru (пр. рус. церкви)
Tél. : Carnot 41-17.

NICOLO въ PASSY
РУССКІЙ ГАСТРОНОМИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ.
Доставка на домъ. Отправка заграницу.
7, rue Nicolo. Tél. : Auteuil 41-44.

КРАСОТА И ЗАРАБОТОКЪ
Institut de Beauté « SOLEE »
24, rue du Fg Montmartre (около больш. бульв.). Tél. Provence 37-59.
УХОДЪ ЗА ЛИЦОМЪ И ТѢЛОМЪ ПО НАУЧН. МЕТОД.
СПЕЦІАЛЬН. ЛѢЧЕНІЕ морщинъ, пятенъ, угрей, прыщей, уходъ за кожей головы удаленіе и окрашиваніе волосъ. Общій массажъ, маникюръ, педикюръ, лѣченіе голуб. и красн. свѣтомъ, ультра-фіолетовые лучи. Американскій методъ. Практич. преподав. изготовленія всѣхъ новѣйш. косметич. препаратовъ подъ руководств. специальн. химика. Серьезная постановка дѣла.
ЗАОЧНЫЙ ПОЛНЫЙ КУРСЪ КОСМЕТИКИ. ОКОНЧИВШИМЪ ВЫДАЮТСЯ ДИПЛОМЫ. Подробная программа высылается по требованію.
Говорятъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ.

Курсы по уходу за красотой

ЭСТЕТИЧЕСКІЙ УХОДЪ И МАССАЖЪ ЛИЦА И ТѢЛА ПО ЗНАМЕНИТОМУ НАУЧНОМУ МЕТОДУ НАШЕГО ИНСТИТУТА.
Леченіе морщинъ, красныхъ пятенъ, угрей и прыщей; массажъ противъ ожирѣнія; уходъ за кожей головы; удаленіе излишнихъ волосъ, маникюръ. Леченіе голубымъ и краснымъ свѣтомъ и ультрафіолетовыми лучами. Американскій методъ. Оконч. курсы получ. дипломъ. Спец. условія для русскихъ. Говорятъ по русски
INSTITUT DE BEAUTÉ KEVA
23, rue Tronchet, 23 (Madeleine) Tél Centr 90-26
прежде: отдѣл. Петербургъ, Б. Конюшенная, 29.
(осн. въ 1901 г.) [illegible]

INSTITUT COSMETIQUE „MACO“
ОБУЧЕНІЕ ПРИГОТОВЛЕНІЮ КРЕМОВЪ, LOTION, ПУДРЫ, ОДЕКОЛОНОВЪ И ДР. КОСМЕТИКИ, ОКОНЧИВШІЕ ПОЛУЧАЮТЪ ДИПЛОМЪ.
ЗАНЯТІЯ УТРЕННІЯ И ВЕЧЕРНІЯ. ТАМЪ-ЖЕ INSTITUT DE BEAUTE
278, Boul. Raspail (rez-de-shaussée). Métro: Raspail, téléph. Fleurus 58-74

ВАША ПРОФЕССІЯ ОБЕЗПЕЧИВАЕТЪ-ЛИ ОНА ВАСЪ и ВАШУ СЕМЬЮ?

ЕСЛИ НѢТЪ ТО
ЧТО БУДЕТЪ ДАЛЬШЕ?...
ЭТО ВОПРОСЪ ПЕРВОСТЕПЕННОЙ ВАЖНОСТИ ДЛЯ ВАСЪ!
Подумайте объ этомъ Вы, не обезпеченные матеріально и не имѣющіе никакой спеціальности и ЗАПОМНИТЕ, что легче всего изучить АВТОМОБИЛЬН. СПЕЦІАЛЬНОСТЬ, но только въ ПАРИЖСКОЙ АВТОМОБИЛЬН. ШКОЛѢ
„Garibaldi“
НАШЪ НОВЫЙ АДРЕСЪ: 53, rue Marius Aufan, 53 — (бывш. rue des Arts), — Levallois-Perret въ 7 мин. отъ метро: Porte Champerret. Tél.: Levallois 3-57.
Обученіе на легков. и грузовыхъ автомобиляхъ. Практическіе курсы автомоб. механики и электротехники (подготовка на шоффера-механика). Справки и запись ежедневно отъ 10-2 ч. д. и 5-9 ч. веч., по воскр. отъ 12-3 ч. д. Условія доступны каждому. Преподаваніе на русскомъ языкѣ. Допускается разсрочка. Плата понижена.

RAPID-IMPRIMERIE
12, RUE ROYER-COLLARD - PARIS (V)
TÉLÉPHONE : Gobelins 65-95
TÉLÉPHONE : Gobelins 65-95
[illegible]
РУССКО-ФРАНЦУЗСКАЯ ТИПОГРАФІЯ «РАПИДЪ»
Выполняетъ всевозможныя типографскія и литографскія работы. Брошюры, Каталоги, Иллюстрированные журналы, Газеты, Банковскія и Конторскія книги, и пр.
ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ
Быстрое и аккуратное выполненіе.

БОЛЬШОЙ САДЪ ПРИ РЕСТОРАНѢ **MON REPOS**
175-177, Avenue Victor-Hugo, Tél. Passy 49-68.
ЗАВТРАКИ: ЗАКУСКА И 3 БЛЮДА СЪ КУВЕРТОМЪ 12 ФРАНКОВЪ.
Обѣды и ужины à la carte et plat du jour
Струнный оркестръ В. ТОРСКАГО. Выступленія ЛЯЛИ ТУМАНОВОЙ.

IRAN
SALON DE THE ET MAGASIN DE VERRERIE.
7, rue de Ponthieu, Tél. Elysées 44-36.

CHIROMANCIE
ASTROLOGIE
Dr ès-science-occulte.
Maria Zeni
гаданіе на картахъ, по линіямъ рукъ и звѣздамъ (гороскопы) на основан. оккульт. наукъ и дара ясновидѣнія. Разъясняю прошлое, руковожу въ настоящ., предостерегаю въ будущемъ.
60, rue Pigalle
2-й этажъ.
Отъ 4 до 7 час., кр. воскр.

ПОЯСА РУССЕЛЬ
исключительно изящные обладающіе особой эластичностью и упругостью они придают женской фигурѣ требуемыя современной модой новыя очертанія и сообщают линиям талии и бедер стройную гибкость
Во избѣжание подделок необходимо обращаться непосредственно в магазины
MAISON J. ROUSSEL PARIS
83, Boulevard Malesherbes
TÉL. LABORDE 25-81
LONDRES W1 173 Regent Street
AMSTERDAM 14 Leidschestraat
CONSTANTINOPLE Pera Place du Tunnel
BRUXELLES 144 rue Neuve
ANVERS 1 r. Quellin
LIÈGE 13 r. Vinâve d'Île
BRUXELLES 6 Bd E. Jacqmain

БОЛЬШАЯ
РУССКАЯ АПТЕКА
Pharmacie de l'Ecole de Guerre.
ПЕТРЪ ГРОМАДКО, фармацевтъ харьковск. Университета.
Métro : La Motte-Picquet.
Aut. : Y. Tram. : 25, 26.
Tél. : Ségur 62-04.
ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ.
ПЕРВОКЛАССНОЕ КАЧЕСТВО.
ДЕШЕВИЗНА.
Самое добросовѣстное приготовленіе лѣкарствъ по русской фармакопеѣ. Аптекарскіе товары. Патентованныя средства. Парфюмерія и косметика. Цѣны внѣ конкурренціи

РУССКІЙ ПАРИКМАХЕРЪ
мужск. и дамск. Завивка и краска волосъ, маник., масс. лица. Тщательн. работа.
MICHEL (Métro: Muette) 1, rue de la Pompe (Passy). Tél.: Auteuil 48-50.

VICHY РУССКІЙ ПАНСІОНЪ
Бл. источн. и ваннъ, больш. свѣтл. комн., всѣ удобства, садъ, кухня, русск. и франц. режимъ.
Chal. Maridet, 41, av. Victoria.

ЧАЙ
Т-ВА П. М. КУЗМИЧЕВЪ СЪ С-МИ
Paris: 11-bis, Avenue Victor-Hugo,
Paris (XVI). Téléph. Passy 56-43.
Самый лучшій и самый распространенный чай въ мірѣ. Продается вездѣ.

Administration Édouard Schneeberg
POMPES FUNÉBRES MARBRERIE - GRANITS
Direction : PARIS.
43, rue de la Victoire. Téléphone: Trudaine 64-52, 64-53, 69-64.
SUCCURSALES :
157, avenue Jean-Jaurès. Téléphone Nord 02-23.
52, boulevard Edgar-Quinet. « Ségur 36-51.
43, boulevard Ménilmontant « Roquette 39-21.
4, avenue du Cimetière Pantin « Combat 06-22.
Chantiers et ateliers :
14, rue du Repos. Téléphone : Roquette 87-23.
31, rue de la Gare à Aubervilliers.
Carrières de granit de la Maritière (Calvados) -- Usine à Vire (Calvados).

Banque Change de l'Est
1, Rue de Strasbourg -- PARIS -- Téléphone: Nord 67-57.
Выполняетъ всѣ банковскія операціи.
К. С. Seine 202.538.
ПЕРЕВОДИТЪ ДЕНЬГИ ВЪ РОССІЮ ВЪ ДОЛЛАРАХЪ, ФУНТАХЪ, ЧЕРВОНЦАХЪ и проч. въ кратч. срокъ миним. комиссіи. Покупка и продажа русск. бумагъ. Размѣнъ валюты.
Открыто отъ 9 до 7 час. вечера, по праздникамъ и воскр. отъ 9 до 12 ч. дня.

РУССКАЯ ФОТОГРАФІЯ
РОЖИНСКАГО
63, AVENUE DES TERNES (около русской церкви).
Tél. Galvani 37-32.
Открыта ежедневно, не исключая праздничныхъ и воскресныхъ дней.
ПРЕВОСХОДНАЯ АРТИСТИЧЕСКАЯ РАБОТА, а также ПАСПОРТНЫЕ КАРТОЧКИ, выдающіяся на слѣдующій день.

Всѣмъ въ кредитъ
имѣющ. собствен. квартиру или солидное поручительство
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ НОВЫХЪ ГОТОВЫХЪ МУЖСКИХЪ
КОСТЮМОВЪ И ПАЛЬТО
шитыхъ на заказъ у лучш. портныхъ Парижа и не взятыхъ заказчиками
ПРОДАЮТСЯ ПО ВЕСЬМА ДЕШЕВ. ЦѢНАМЪ. Также принимаются заказы на костюмы и пальто
NEUMEISTER 10, rue de la Condamine, 10
Métro Fourche. Tél.: Marc. 25-52
Фирма существуетъ въ Парижѣ 17 лѣтъ.
Магазинъ открытъ по празди. и воскр. днямъ до 1 час. дня.

КІЕВСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ МОЛОЧНАЯ
[illegible]
2, rue Châteaudun, Métro Cadet, Tel. Trudaine 06-63.
Спеціальность - молочныя и вегетаріанскія блюда. Дежурныя мясныя блюда. Закуски, чай, кофе и т. д.
БОЛЬШОЙ ЗАЛЪ ДЛЯ БАНКЕТОВЪ И СОБРАНІЯ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Л. и Э. МЕТЦЛЬ и Ко
Контора объявленій.
Основан въ Москвѣ въ 1878 г.

L. & E. Metzl & Cie
26, rue Buffault, Paris (IX).
Tél. Trudaine 24-76; 80-49.

состоя арендаторомъ газетъ:
ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ,
РУССКОЕ ВРЕМЯ,
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ,
ЗВЕНО,
ПАРИЗЕРЪ ГАЙНТЪ,
ГАЗЕТА ПОЛЬСКА
и др.
и имѣя особыя соглашенія съ иностранными изданіями, мы имѣемъ возможность предоставить самыя льготныя условія печатанія объявленія.
Пріемъ объявленій для всѣхъ изданій міра.
Société de Publicité L. et E. Metzl et Co.

Polyclinique MEDICO-CHIRURGICALE de la Convention
При прежнемъ составѣ врачей, 215, r. de la Convention, Tél. Vaugirard 15-49.
Хирургія и Женск. бол.: Ежедневно 6-8 ч. веч. и воскрес. 10-12 ч.
Мочеполовыя, Венерич. и накожн.: Воскр. 10-2 час. Ежедн. 10-2 и 5-9 ч.
Акуш. и женск. бол.: еж., кр. воскр. 3-5 ч.
Дѣтск.: еж. 11-1 ч. и 3-5 час.
Accidents du travail.
Внутреннія: еж. 10-12 и 6-8 час. веч., воскр. 10-12 ч. д.
Глазныя бол.: 4-6 ч. ежедн., кр. воскр.
Ухо, горло, Носъ: Ежедн. 6-8 ч., воскр. 10-12 ч.
Бол. зуб и рта: еж., кр. воскр. 10-12 1/2 и 4-3 ч.
Ультра-фіолетов. лучи: ежедн. 4-8 ч.
ОСПОПРИВИВАНІЕ еж. 10-12 и 3-8, — по воскр. 10-12. Ночн. дежурство врачей.

Rapid - Imprimerie, 12, rue Royer - Collard, Paris V.
Le Gérant: HENRI DE NOUVILLIER.